

**РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»**

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«Актуальные проблемы уголовного
законодательства и правоприменительной
практики стран-участниц СНГ»**

ЕРЕВАН-2022

УДК 343(082)
ББК 67.408-32я43
С 232

Программный комитет конференции

Председатель: Мацкевич Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор,
Президент региональной общественной организации «Союз криминалистов и
криминологов», заслуженный деятель науки Российской Федерации

Заместитель председателя: Аветисян Сержик Сергеевич, доктор юридических наук,
профессор, судья уголовной палаты Кассационного суда Республики Армения,
председатель армянского представительства Союза криминалистов и криминологов,
профессор Российско-Армянского университета, заслуженный юрист Республики
Армения

Секретариат: Зограбян Наира Юрьевна, исполняющая обязанности заведующей
кафедрой уголовного права и уголовно- процессуального права Института права и
политики Российско- Армянского университета; кандидат юридических наук; Саргсян
Аделина Арменовна, преподаватель кафедры уголовного права и уголовно-
процессуального права Института права и политики Российско- Армянского
университета кандидат юридических наук

С 232   СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ: Актуальные проблемы уголовного
законодательства и правоприменительной практики стран-участниц
СНГ.- Ер.: РАУ, 2022.- 259 с.

Сборник публикуется по материалам международной научно-практической
конференции «Актуальные проблемы уголовного законодательства и
правоприменительной практики стран-участниц СНГ, проведенной в Российско-
Армянском университете 16 февраля 2022 г. Публикация сборника осуществлена в
электронном формате.

УДК 343(082)
ББК 67.408-32я43

СОДЕРЖАНИЕ

- С.С. Аветисян** Тенденции развития института соучастия в преступлении по новому уголовному кодексу Республики Армения
- Э.Г. Аниськина** Клевета по уголовному законодательству стран СНГ (компаративистский аспект)
- В.Ю. Владимиров, Т.В. Фомина** Каким может стать экспертно-криминалистическое сопровождение оперативно-розыскных мероприятий в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров завтра
- М.А. Галюкова** Незаконная деятельность в сфере биобанкинга: сравнительный анализ уголовного кодекса Российской Федерации и уголовного кодекса Республики Армения
- А.А. Дегтерев** Экстремизм как угроза политической системе Российской Федерации: проблемы разграничения норм об ответственности за преступления экстремистской направленности от смежных составов преступлений
- М.Г. Жилкин** Проблемы малозначительности деяний в уголовном праве
- О.А. Зайцев, С.Л. Нудель, О.И. Семькина** Тенденции уголовной политики государств-участников СНГ в сфере обеспечения экономической безопасности
- Н.Ю. Зограбян** Критический анализ системы обстоятельств, исключающих уголовную ответственность по новому уголовному законодательству Республики Армения
- Н.Г. Иванов** Современная уголовная политика в стиле нуар
- Иван Милич** О некоторых вопросах предупреждения суда и условного осуждения
- О.Ю. Красовская** Уголовно-правовые позиции Верховного суда Российской Федерации по принудительным мерам воспитательного воздействия
- С.С. Молдабаев** О необходимости принципа возмездности в уголовном праве XXI века
- Муратова Н.Г., Тарханов И.А.** Проблемы законодательной стилистики резолютивной части обвинительного приговора
- А.А. Саргсян** Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности по новому уголовному кодексу РА
- А.В. Серебrenникова** Уголовное предпринимательское право: понятие и проблемы
- В.О. Сукиасян, Н.Г. Гарибян** Односторонняя декларация и мировое соглашение (unilateral declarations and friendly settlements) как основания исключительного пересмотра в уголовном судопроизводстве
- А.А. Саргсян, Д.П. Аветисян** Проблемы реализации принципа законности при квалификации составов преступлений с бланкетными диспозициями
- Талан М.В., Нагорнов К.И.** принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы и направления совершенствования российской уголовно-правовой политики
- З.Я. Турабаева** понятие и возраст наступления уголовной ответственности несовершеннолетних
- Цагаан Ганболд, Ю.В. Хармаев** К вопросу о безопасности приграничных территорий (на примере России и Монголии)
- Р.Х. Хожиева** Санкции по предотвращению коррупции
- Т.Т. Шамурзаев, Р.Г. Ардашев** Проблемы связанные с недостатками хранения дактилоскопической информации
- Ս.Ս. Յուզբաշյան** Հանցագործության հետեվանքով պատճառված վնասի կամավոր հատուցման որոշ հիմնահարցեր
- Ս.Շ. Ծաղիկյան, Տ. Անդրիասյան** Խուլիգանական դրդումներով կատարված սպանության որակման հիմնահարցերը և տարբերակումը կենցաղային այլ շարժառիթներից
- А.М. Борзаев** Сравнительно-правовой анализ института множественности преступлений по уголовному законодательству России и Армении
- Е.А. Доценко** Об уголовной ответственности в сфере регулирования цен на рынке по законодательству стран СНГ, входящих в ЕАЭС

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ ПО НОВОМУ УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

*Аветисян Сержик Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, судья
уголовной палаты Кассационного суда РА, профессор Российско-Армянского
университета, заслуженный юрист РА*

Аннотация. Институт соучастия выступает одним из сложнейших институтов уголовного права, многие вопросы которого не имеют единства в теории и правоприменительной практике. В свете проведенной в Республике Армения уголовно-правовой реформы и принятия качественно нового уголовного кодекса в настоящей статье проведен анализ концептуальных изменений, касающихся института соучастия.

Ключевые слова: соучастие, виды соучастников, ответственность соучастников, преступное сообщество, организованная группа, эксцесс соучастника, специальный субъект.

В новом Уголовном кодексе Республики Армения (принят 05.05.2021 г., вступает в силу 01.07.2022 г.) значительные коренные изменения претерпел институт соучастия, осмысление которых представляет определенный интерес для дальнейшего развития науки уголовного права и правоприменительной практики.

Главу 8 нового УК РА открывает статья 45 (Соучастие), дающая законодательное определение понятия соучастия, уже непосредственно в которой мы находим изменения. В частности, если в действующем УК РА (принят 18.04.2003 г.) речь идет об умышленном совместном участии *двух или более лиц* в совершении умышленного преступления, то в новом уголовном кодексе отмеченное уточняется указанием на «двух или более лиц, подлежащих уголовной ответственности». Казалось бы, незначительное, однако достаточно принципиальное изменение, вносящее существенные коррективы и имеющуюся полемику по вопросу о квалификации

преступлений, совершенных совместно с лицами, не подлежащими уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости и иных обстоятельств.

В части 2 статьи 45 нового УК РА отмечается, что «Соисполнительство отсутствует, когда лицо, совершившее преступление, использует лицо, которое в силу закона не подлежит уголовной ответственности или не подлежит уголовной ответственности за данное преступление в качестве исполнителя».

Отмеченное долгие годы дискутировалось как в армянской, так и в российской правовой действительности. Так, например, Д.В. Долгова в качестве существенных недостатков законодательного закрепления понятия соучастия в УК РФ отмечала довольно размытое определение, в той части, где соучастием в преступлении является участием «двух или более лиц»[1]. Согласно общему правилу в качестве соучастников преступления следует рассматривать вменяемых лиц, достигших возраста уголовной ответственности, однако, в то же время отсутствие данных признаков в ст. 37 действующего УК РА (ст. 32 УК РФ) вносит некоторую неопределенность, вследствие которой становится возможным признавать в качестве соучастников преступления невменяемых и малолетних.

В теории уголовного права имеются различные аргументы относительно изучаемого вопроса. В частности, в первую очередь указывается на признак «совместности» действий соучастников. Сторонники признания в качестве соучастников лиц, не подлежащих уголовной ответственности, аргументируют свою позицию тем обстоятельством, что имеет место быть совместность действий, которая характеризует действие, выступающее признаком объективной стороны преступления[2].

Сторонники противоположной точки зрения, к которой, соответственно, примыкает и армянский законодатель, отразивший данный подход в новом УК РА, отмечают, что «совместность - это признак не только объективный, но и субъективный. Совместная преступная деятельность

предполагает наличие некоторой психической общности, психической связи между совместно действующими лицами»[3].

Большой интерес представляет законодательная регламентация видов соучастников. В теории уголовного права неоднократно выдвигались мнения относительно выделения новых видов соучастников. Новые виды соучастников, как видим, в новом УК РА не появились, однако существенно расширились рамки имеющихся видов соучастников, что, безусловно, является значительным шагом на пути к адекватному реагированию на стремительно развивающуюся преступность.

Значительным образом расширена фигура пособника преступления.

Так, кроме его классического определения, пособником преступления согласно ч. 7 ст. 46 нового УК РА считается также лицо, которое:

- 1) подстрек кого-то другого к совершению пособничества;
- 2) заранее дал согласие на участие в преступлении в качестве соисполнителя, однако в ходе совершения преступления другим соисполнителем, непосредственно не участвуя в совершении преступления, своим присутствием укрепил решимость исполнителя совершить преступление;
- 3) способствовал преступлению через лицо, которое в силу закона не подлежит уголовной ответственности или действовало по неосторожности, или
- 4) по подстрекательству специального субъекта совершил объективную сторону преступления со специальным субъектом, субъектом которого он не считается, или совместно со специальным субъектом участвовал в совершении объективной стороны преступления со специальным субъектом, если отсутствовали условия, предусмотренные частью 4, 5 или 6 статьи 48 настоящего Кодекса, в силу которых лицо не считается пособником преступления со специальным субъектом.

В п. 1 ч. 7 ст. 46 УК РА фактически речь идет об опосредованном пособничестве, которое, несомненно, представляет общественную опасность. В литературе имеется и противоположная точка зрения, согласно которой «подстрекательство к любому виду соучастия, исходя из смысла ч. 4 ст. 33 УК РФ, должно рассматриваться именно как подстрекательство», «в противном случае по логике вещей», в частности, «придется подстрекательство к участию в непосредственном совершении преступления квалифицировать как опосредованное исполнение преступления»[4]. Однако, в данном случае рассматриваемые подстрекательские действия обеспечивают именно выполнение пособничества в преступлении. В соответствии с толкованием В. И. Даля «посредственный» может означать: «...служащий средством для чего, орудием, посредствующим, передаточным звеном или силой. // Средний по качеству, ни большой, ни малый; не лучший, и не худший»[5]. В данном случае подстрекательство служит именно там промежуточным звеном, «орудием» на пути к совершению пособничества как конечной цели соответствующего лица. Ведь вполне возможны ситуации, при которых лицо (действия которого согласно нового УК РА мы будем признавать пособничеством) оказывает содействие в преступлении (выполняя функции пособника) через/посредством неменяемого лица, предположим, передает через него отмычки для замков квартиры.

«При посредственном причинении общественно опасное деяние полностью выполняется фактическими усилиями самого невиновно действующего лица, неменяемого, малолетнего, а реальный, посредственный исполнитель преступления организует такое поведение и использует для совершения посягательства физические усилия других лиц, а не свои»[6]. Отсюда вывод об устоявшейся позиции относительно того, что любые подобные действия признаются в качестве посредственного (опосредованного) исполнительства в преступлении. В то же время армянский законодатель ввел в оборот такие понятия, как опосредованное пособничество; опосредованное подстрекательство; опосредованное

организаторство преступление. Так, например, по новому УК РА пособником преступления признается лицо, которое способствовало преступлению через лицо, которое в силу закона не подлежит уголовной ответственности или действовало по неосторожности. Или же организатором преступления также признается лицо, которое организовало или руководило преступлением посредством лица, которое не подлежит уголовной ответственности.

Статья 47 нового УК РА достаточно детально регламентирует вопросы уголовной ответственности соучастников преступления.

Статья 47. Уголовная ответственность соучастников

1. Соучастники подлежат уголовной ответственности по той же статье Особенной части настоящего Кодекса. Опасные последствия вменяются всем соучастникам, если их умыслом охватывалось возникновение этих последствий, независимо от того, вследствие чьего именно действия наступили эти последствия. Если преступление соисполнителей не доводится до конца по независящим от их воли обстоятельствам, то, кроме данной статьи Особенной части настоящего Кодекса, делается ссылка также на статью 43 или 44 настоящего Кодекса.
2. Организатор, подстрекатель или пособник подлежат уголовной ответственности по статье Особенной части настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за преступление, охватываемое их умыслом, со ссылкой на статью 46 настоящего Кодекса. Ссылки на статью 46 настоящего Кодекса не осуществляется, если организатор, подстрекатель или пособник участвовали в преступлении также в качестве соисполнителя.
3. В случае если исполнитель по независящим от него обстоятельствам не доводит преступление до конца, другие соучастник несут ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление.

4. Если деяния, направленные на организацию, подстрекательство или пособничество в преступлении, не удаются по обстоятельствам, не зависящим от воли лица, то оно несет ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление, охватываемого его умыслом, если совершена часть объективной стороны преступления.
5. Соучастники подлежат уголовной ответственности только за те отягчающие или смягчающие обстоятельства преступления, которые осознавались ими. Если отягчающим обстоятельством умышленного преступления является наступление тяжких последствий по неосторожности, то соучастники подлежат уголовной ответственности за данное отягчающее обстоятельство в том случае, когда в отношении этих последствий имеется их неосторожность.

В статье 49 регламентированы особенности эксцесса соучастников преступления.

Статья 49. Эксцесс соучастника

1. Эксцессом соучастника признается выполнение соучастником такого преступления, которое не охватывалось умыслом других соучастников.
2. За эксцесс соучастника иные соучастники не подлежат уголовной ответственности.
3. Если лицо, совершившее преступление, причиняет вред объекту, причинение вреда которому было согласовано с соучастниками, однако причиняет более тяжкий вред, чем был согласован, или совершает согласованное преступление с отягчающим обстоятельством, которое не охватывалось умыслом других соучастников или причиняет вред согласованному объекту, но совершив более тяжкое преступление, которым реализуется также цель соучастников преступления, соучастники подлежат уголовной ответственности за соучастие в преступлении, охватываемом их умыслом.

4. Если лицо, совершившее преступление, вместо обговоренного совершает преступление, имеющее более низкую опасность, с причинением вреда обговоренному объекту, то другие соучастники подлежат уголовной ответственности за покушение на преступление, охватываемое их умыслом. Если лицо, совершившее преступление, вместо обговоренного совершает преступление, имеющее более низкую опасность, с причинением вреда другому объекту вместо обговоренного объекта, то другие соучастники подлежат уголовной ответственности за приготовление к преступлению, охватываемому их умыслом.
5. Если лицо, совершившее преступление, вместо обговоренного причиняет вред другому объекту, то другие соучастники подлежат ответственности за приготовлению к преступлению, охватываемому их умыслом. В случае причинения вреда другому объекту вместо обговоренного, другие соучастники подлежат ответственности за соучастие в преступлении, охватываемом их умыслом, если деяние исполнителя является более тяжким преступлением, и преступление, включенное в умысел сообщников, является его составной частью и поглощается преступлением исполнителя.

Изменениям подверглись и закреплённые в новом УК РА формы соучастия.

Необходимо отметить, что упразднена такая форма соучастия, как организованная группа. Армянский законодатель, таким образом, выделяет три формы соучастия: группа лиц, группа лиц по предварительному сговору и преступное сообщество.

Так, согласно ст. 50 УК РА «Преступление считается совершенным преступном сообществом, если оно совершено объединением групп или устойчивой группой, состоящей из трех или более лиц, созданной для совершения одного или нескольких преступлений».

Для сравнения приведем определения организованной группы и преступного сообщества, имеющиеся в действующем УК РА:

«Преступление считается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, предварительно объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений».

«Преступление признается совершенным преступным сообществом, если оно совершено сплоченной организованной группой, созданной для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединением организованных групп, созданных для тех же целей, а также если оно совершено членом (членами) такого сообщества во исполнение его преступных целей, а равно по заданию преступного сообщества лицом, не признанным его членом».

Как видим, законодатель ограничился общей формулировкой преступного сообщества, которая, скорее, напоминает нынешнее определение организованной группы. Так, отсутствует указание на цель совершения тяжких и особо тяжких преступлений; не упоминается о «сплоченности» группы. В теории уголовного права и правоприменительной практике постоянно возникают проблемы, связанные с разграничением организованной группы и преступного сообщества. В качестве разграничительных критериев, как правило, указывается на структурированность преступного сообщества, наличие иерархии, материально-финансовой базы. В науке есть мнения о том, что «организованная группа и преступное сообщество (организация) – две разновидности одной формы соучастия. Часть 5 ст. 35 УК РФ не проводит различия между ними в зависимости от характера действий членов»[7]. Скорее всего армянский законодатель попытался в одной форме соучастия «преступное сообщество» объединить и организованную группу и преступное сообщество, тем самым устранив вопросы, связанные с их разграничением.

В ч. 7 ст. 50 нового УК РА закреплено следующее положение «Если статьей Особенной части настоящего Кодекса в качестве отягчающего обстоятельства предусмотрено совершение преступления группой лиц без конкретизации его формы и другие формы не предусмотрены как более отягчающее обстоятельство, то деяние квалифицируется по отягчающему обстоятельству, предусмотренному статьей Особенной части настоящего Кодекса. Если совершение преступления группой лиц предусмотрено соответствующей частью статьи Особенной части настоящего Кодекса как отягчающее обстоятельство, то это не вменяется несовершеннолетним участникам преступления».

Одним из наиболее сложнейших и дискуссионных аспектов института соучастия выступает вопрос *соучастия в преступлениях со специальным субъектом*, требующий надлежащего теоретического осмысления. Преступления, субъектом которых выступают специальные субъекты, характеризуются повышенной степенью общественной опасности, поскольку вред объектам причиняется непосредственными участниками специальных отношений, так сказать «изнутри». Одной из проблем, развивающих учение о соучастии в преступлении и не получивших единообразия в теории и практике уголовного права, является проблема ответственности за соучастие в преступлениях с ненадлежащим специальным субъектом. В свете непрекращающихся споров в науке уголовного права считаем необходимым отметить появление в новом Уголовном кодексе Республики Армения статьи 48, регламентирующей *правила квалификации соучастия в преступлениях, совершаемых специальным субъектом.*

Для наглядности ниже приведем статью 48 УК РА:

1. Лицо, не являющееся специальным субъектом преступления, участвовавшее в совершении преступления со специальным субъектом, за данное преступление может быть привлечено к уголовной ответственности только в качестве организатора, подстрекателя или пособника.

2. Если лицо, не являющееся специальным субъектом, выполнило объективную сторону преступления со специальным субъектом по подстрекательству специального субъекта или совместно с ним, то оно подлежит уголовной ответственности за пособничество в данном преступлении, если в его деянии нет иного состава преступления.
3. Если лицо, не являющееся специальным субъектом, совершило объективную сторону данного преступления по подстрекательству специального субъекта или совместно с ним, и в его деянии имеется иной состав преступления, то оно подлежит уголовной ответственности только за пособничество в преступлении со специальным субъектом, если за преступление со специальным субъектом предусмотрено более строгое наказание, чем за преступление, признаки которого имеются в деянии лица, не являющегося специальным субъектом.
4. Если лицо, не считающееся специальным субъектом, совершило объективную сторону данного преступления по подстрекательству специального субъекта или совместно с ним, и в его деянии имеется иной состав преступления, то оно подлежит уголовной ответственности только за преступление, признаки которого имеются в его деянии, если для этого предусмотрено более строгое наказание.
5. Если лицо, не считающееся специальным субъектом, совершило объективную сторону данного преступления по подстрекательству специального субъекта или совместно с ним, и в его деянии имеется иной состав преступления со специальным субъектом, субъектом которого он является, то он подлежит уголовной ответственности в качестве исполнителя только этого преступления.
6. Если лицо, не являющееся специальным субъектом преступления, указанного в статье Особенной части настоящего Кодекса, совершило объективную сторону данного преступления по своей инициативе, то оно подлежит уголовной ответственности за преступление,

предусмотренное Особенной частью настоящего Кодекса, признаки которого присутствуют в его деянии.

Несмотря на то, что законодатель попытался урегулировать данную проблему (имеется ввиду несовершенство ч. 3 ст. 39 действующего УК РА, ч. 4 ст. 34 УК РФ), тем не менее ряд изменений небесспорны. Проблемы состоит в том, что наряду с преступлениями со специальным субъектом, существуют также преступления *со специальным составом*, в которых не только субъект, но и остальные элементы имеют специфический характер, обусловленный особенностями правового статуса специальных субъектов, включаемых в сферу специфических общественных отношений нормативным способом (должностные преступления, преступления против интересов военной службы и др.)[8].

Например, непонятно как квалифицировать действия женщины, принимавшей непосредственное участие в половом сношении (по новому УК - ст. 198 понятие «изнасилование» не используется). Если за преступление против жизни и здоровья, тогда ее субъективная направленность против половой свободы и половой неприкосновенности будет проигнорирована.

Завершая, отметим, что все достоинства и недостатки нового УК РА могут быть выявлены во времени, с учетом позиции правоприменительных органов.

Список литературы

1. Долгова Д.В. Уголовно-правовое значение института соучастия в преступлении / Д.В. Долгова // в сборнике: Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы Сборник научных статей по материалам VI международной заочной научно-практической конференции. – 2015. – С. 38-42.
2. Иванов Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве: онтологический аспект / Под ред. О.Ф. Шишова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1991. С. 127.

3. Бурчак Ф.Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев, 1986. С. 117.
4. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. - М.: Статут, 2013. – С. 199-200.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1980. Т. 3. С. 341.
6. Морозов В.И., Галкин В.В. Квалификация преступлений, совершенных с участием лиц, не подлежащих уголовной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. С. 63.
7. Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. В.В. Лукьянова, В. С. Прохорова, В. Ф. Щепелькова, перераб. и доп. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2013. С. 279-280.
8. Аветисян С.С. Соучастие в преступлениях со специальным составом: монография – М.: изд-во «ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право». – С. 295-433.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF COMPLICITY IN CRIME UNDER THE NEW CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

S.S. Avetisyan, *Doctor of Law, Professor, Judge of the Criminal Chamber of the Court of Cassation of the Republic of Armenia, Professor of the Russian-Armenian University, Honored Lawyer of the Republic of Armenia*

Abstract. The institute of complicity is one of the most complex institutions of criminal law, many issues of which do not have unity in theory and law enforcement practice. In the light of the criminal law reform carried out in the Republic of Armenia and the adoption of a qualitatively new Criminal Code, this article analyzes the conceptual changes concerning the institution of complicity.

Keywords: complicity, types of accomplices, responsibility of accomplices, criminal community, organized group, excesses of accomplices, special subject.

КЛЕВЕТА ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН СНГ (КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АСПЕКТ)

*Аниськина Эвелина Геннадьевна, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» Смоленский филиал,
кандидат юридических наук, доцент*

Аннотация: Представленная статья посвящена анализу защиты чести и достоинства в странах СНГ. Были рассмотрены нормы разных отраслей права, предусматривающие ответственность за клевету, и сделан вывод о наиболее эффективном регулировании этого института.

Ключевые слова: клевета, честь, достоинство, дифференциация уголовной ответственности.

Защита чести и достоинства человека гарантирована Конституциями многих стран мира, не являются исключениями и страны СНГ. Так, в ч.1 ст. 21 Конституции РФ отмечается: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления», а ч.1 ст. 23 дополняет: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени». Конституция РБ в ст.25 также указывает: «Государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности». И далее, в ст.28: «Каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство». В Конституции Азербайджана предусмотрена отдельная ст. 46, именуемая - «Право на защиту чести и достоинства». В Конституции Казахстана ч.1 ст.34 гласит: «Каждый обязан соблюдать Конституцию и законодательство Республики Казахстан, уважать права, свободы, честь и достоинство других лиц». Ст. 31 Конституции Армении называется «Неприкосновенность частной и семейной жизни, чести и доброго имени». В ч.2 ст.32 Конституции Молдовы

говорится, что «свобода выражения не должна наносить ущерб чести, достоинству или праву другого лица иметь собственные взгляды». Ч.2 ст.5 Конституции Таджикистана указывает, что «жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны», и ст.42 дополняет, что «в Таджикистане каждый обязан соблюдать его Конституцию и законы, уважать права, свободы, честь и достоинство других людей». Ст. 3 Конституции Туркменистана гласит, что «государство ответственно перед каждым гражданином и обеспечивает создание условий для свободного развития личности, защищает жизнь, честь, достоинство и свободу, личную неприкосновенность, естественные и неотчуждаемые права гражданина», и далее в ст.25 – «Каждый человек имеет право на защиту от произвольного вмешательства в его личную жизнь, а также от нарушения правил сохранения тайны корреспонденции, телефонных и иных сообщений, посягательств на его честь и репутацию». И наконец, в ст. 43 определено, что «гражданам гарантируется судебная защита чести и достоинства, личных и политических прав и свобод человека и гражданина, предусмотренных Конституцией и законами». Ст. 3 Конституции Украины провозглашает, что «человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в Украине наивысшей социальной ценностью». Узбекистан в своей Конституции также отмечает, что «демократия в Республике Узбекистан базируется на общечеловеческих принципах, согласно которым высшей ценностью является человек, его жизнь, свобода, честь, достоинство и другие неотъемлемые права» (ст.13) и далее, что «каждый имеет право на защиту от посягательств на его честь и достоинство...» (ст.27) и что, «граждане обязаны соблюдать Конституцию и законы, уважать права, свободы, честь и достоинство других людей» (ст.48).

Интересно отметить, что в Конституции Кыргызстана при указании в ч. 1 ст.29, что «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, защиту чести и достоинства. Человеческое достоинство в Кыргызской Республике абсолютно и неприкосновенно», есть дополнение в ч. 2 о том, что

никто не может быть подвергнут уголовному преследованию за распространение информации, порочащей или унижающей честь и достоинство личности. Впервые в конституционном законодательстве стран СНГ дается запрет на уголовное преследование за клевету. Данное законодательное решение связано с рекомендацией БДИПЧ ОБСЕ, положений международных документов[1]. По мнению Представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ Дуныи Миятович, отмена положений об уголовном наказании за клевету должна улучшить ситуацию со свободой слова в Кыргызстане[2].

Таким образом, честь и достоинство человека определены в качестве важнейших ценностей всех стран СНГ. Но вот уголовная политика, реализуемая в форме правотворчества, несколько отличается у исследуемых стран. Так, если в Беларуси мы наблюдаем тенденцию к частичной декриминализации клеветы с одновременной криминализацией отдельных ее видов и унификации уголовной ответственности за клевету. В Азербайджане, Узбекистане и Туркменистане почти такая же тенденция, только с большей дифференциацией уголовной ответственности, особенно в Узбекистане. В Казахстане, Украине, Таджикистане, Кыргызстане, Молдове и Армении отмечается полная декриминализация клеветы. То в России, наоборот, наблюдается пенализация и детальная дифференциация за отдельные виды клеветы.

Рассмотрим эти различные тенденции в исследуемых государствах и определим, какие из них в большей мере будут более эффективны в противодействии распространению заведомо ложных и порочащих сведений.

Азербайджанский законодатель первоначально в УК с момента его утверждения Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ не предусмотрел основного состава клеветы, аналогичного УК РФ, сузив уголовную ответственность исключительно за клевету в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации (ст.147.1) и соединенную с обвинением лица в

совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (ст.147.2). В связи с развитием интернет-технологий вполне логично, что в 2013 году произошло дополнение нормы новым признаком объективной стороны – средством и способом: «при массовом распространении, в информационном ресурсе Интернета». Это был новаторский законодательский шаг на территории стран СНГ. Но для киберклеветы характерно не только распространение через сеть Интернет, но использование и иных информационно-телекоммуникационных сетей. Распространение информации с использованием этих средств также представляет повышенную общественную опасность по причине молниеносности распространения информации, масштабности распространения информации (неограниченное число пользователей или большое количество), преступление носит дистанционный характер (место совершившего, место нахождения компьютера, с помощью которого было совершено преступление, и место потерпевшего могут не совпадать), легкости и доступности и в большинстве своем латентности. И поэтому не совсем понятно почему законодатель не пошел дальше и не предусмотрел в качестве средства – иные информационно-телекоммуникационные сети. Чуть позже появляется новый вид клеветы, предусмотренный в статье 148-1 «Клевета в информационном интернет-ресурсе путем массового распространения, с использованием поддельных имен пользователя, профилей или учетных записей», фактически анонимная кибер-клевета. Таким образом, мы видим декриминализацию простого распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, и тенденцию к дифференциации ответственности (фактические три разных вида клеветы). Что же касается иных видов клеветы, то ответственность за них регламентируется гражданским законодательством, в КоАП норм о клевете нет.

Похожий вариант уголовно-правового регулирования отмечается в Туркменистане, где клевета, хотя и не во всех ее видах, остается преступным

деянием, так в ч.1 ст.132 УК Туркменистана предусмотрена ответственность за клевету, если она осуществлена «в публичном выступлении, публично выставленном произведении или средствах массовой информации», а в ч.2 «если она повлекла за собой тяжкие последствия либо осуществлена совместно с обвинением в совершении особо тяжкого преступления либо преступления, связанного с коррупцией». Но иные виды клеветы в отличие от Азербайджана являются административно-наказуемым деянием (ст. 337 Кодекса Туркменистана «Об административных правонарушениях» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 18.12.2021 г.). Анализ законодательства Туркменистана показывает, что в нем до сих пор киберклевета не находит повышенной наказуемости.

Тождественную позицию, но с большим количеством видов криминальной клеветы занимает узбекский законодатель, который предусмотрел в ст. 139 УК три вида состава клеветы: клевета, совершенная после применения административного взыскания за такие же действия (ч.1); клевета в печатном или иным способом размноженном виде, в том числе размещенная в средствах массовой информации, сетях телекоммуникаций или всемирной информационной сети Интернет (ч.2); клевета а) соединенная с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления; б) повлекшая за собой тяжкие последствия; в) совершенная опасным рецидивистом; г) из корыстных или иных низменных побуждений (ч.3). Таким образом, мы наблюдаем более глубокую дифференциацию уголовной ответственности за клевету.

В отличие от УК Узбекистана в Беларуси произошла частичная декриминализация, итогом которой явилось исключение Законом Республики Беларусь №171-З от 09.01.2019 года из ч.1 ст.188 УК РБ нормы о распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений, совершенном в течение года после наложения мер административного взыскания за клевету или оскорбление. Данные изменения вступили в силу 19.07.2019 года. Таким образом, основной состав клеветы не зависимо от

наличия или отсутствия административной преюдиции полностью стал административным проступком. А квалифицированный состав клеветы в несколько уточненном варианте стал основным. Изменения коснулись терминов, отражающих предмет клеветы (ранее – позорящие другое лицо измышление, в современной редакции – порочащие другое лицо сведения) и средств совершения клеветы (добавлено – использование иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи). Вполне логично дополнение нормы новым признаком объективной стороны – средством, так как для киберклеветы характерно не только распространение через сеть Интернет, но использование и других каналов иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи.

Изложенные изменения можно считать процессом криминализации отдельных разновидностей клеветы, потому что деяние, совершенное с выше отмеченными средствами, ранее первый раз признавалось административным проступком, а ныне сразу признается преступлением. Таким образом, мы видим, что для Беларуси характерна общемировая тенденция ужесточения наказания за киберклевету.

Унификация уголовной ответственности за клевету выражается в исключении множественных норм о клевете не только из уголовного, но и административного кодекса, и оставлении единственной статьи с одной частью - ст.188 УК РБ. Так с 1 марта 2021 года вступил в силу новый КоАП Республики Беларусь от 6 января 2021 года, в котором была исключена административная ответственность за клевету (ст. 9.2 КоАП 2003 года).

Казахский же законодатель 26.06.2020 полностью исключил клевету, как основной, так и квалифицированные составы, из УК РФ, установив за нее административную ответственность в ст. 73-3 КоАП. Предложенный вариант хотя бы не оставил со стороны государства защиту чести и достоинства обычных граждан при основном составе клеветы. Однако, квалифицированные виды клеветы: публично или с использованием средств

массовой информации или сетей телекоммуникаций, а также соединенные с обвинением лица в совершении коррупционного, тяжкого или особо тяжкого преступления, все-таки обладают повышенной общественной опасностью и требуют закрепления в УК. Почти такая же модель используется в Молдове, где ст.170 УК была исключена Законом N 111-XV от 22.04.2004 и на сегодняшний день ответственность за отдельные виды клеветы предусмотрена в ст.70 Кодекса о правонарушениях от 24.10.2008, где установлена ответственность за распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений, сопряженное с обвинением в совершении особо тяжкого или чрезвычайно тяжкого преступления либо преступления, повлекшего тяжкие последствия. Таким образом, не за все виды клеветы предусмотрена ответственность по кодексу о правонарушениях, что сужает защиту личности, а именно чести и достоинства, со стороны государства.

Аналогичный подход мы видим и в Армении, где в соответствии с НО-98-N от 18 мая 2010 года деяние, предусмотренное ст.135 УК Армении, было декриминализовано, но в отличие от Казахстана и Молдовы, нормы о клевете предусмотрены исключительно в гражданском законодательстве (ст. 1087.1 «Порядок и условия компенсации вреда, причиненному чести, достоинству или деловой репутации»). Такой же вариант правового регулирования мы отмечаем в Киргизской республике, где ст.127 утратила силу в соответствии с Законом КР от 11 июля 2011 года № 89. Таджикский и украинский законодатели пошли по пути своих вышеотмеченных зарубежных коллег и декриминализовали клевету (ст.135 УК Таджикистана; ст.151.1 УК Украины), предусмотрев ответственность в рамках исключительно гражданского законодательства.

В России, наоборот, наблюдается тенденция пенализации за отдельные виды клеветы и тенденция к дифференциации уголовной ответственности. Это выражается в большом количестве квалифицирующих (ч.2 ст.128.1 УК РФ) и особо квалифицирующих признаков (ч.3-5 ст.128.1 УК РФ), а также в

появлении новых отягчающих состав клеветы признаков, в частности, клевета совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет", либо в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных (ч.2 ст.128.1 УК РФ).

Вопрос о том, какие тенденции более адекватно отражают защиту чести и достоинства человека, вопрос сложный. Л.Е. Смирнова отмечает, что «результатом взаимодействия процессов унификации и дифференциации является обеспечение эффективности правового регулирования, при этом унификация и дифференциация могут осуществляться: последовательно; параллельно друг другу; попутно в рамках и при главенствующей роли одного из этих процессов»[3]. На наш взгляд, конституционные права, такие как честь и достоинство любого человека, а не только отдельных граждан государства, требуют адекватной защиты нормами уголовного права, по крайней мере административного. Поэтому видится, российский подход более удачен, чем полное исключение клеветы как административного или уголовно-противоправного деяния. Таким образом, мы защищаем честь и достоинство каждого гражданина не зависимо от его статуса и не зависимо от способа и средств осуществления клеветы.

Другой вопрос - о детальной дифференциации, также не однозначен. На наш взгляд, новая система квалифицирующих признаков, разработанная российским законодателем, более или менее отражает характер общественной опасности содеянного, кроме одного нового признака – «в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных». Признак клеветы «в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных», это «новодел» российского законодателя, он юридико-технически не соответствует другим составам преступлений. И может впоследствии вызвать ряд вопросов применения.

Суммируя изложенное, приходим к выводу, что нам в целом предпочтительней российское законодательное решение, за небольшим, но

очень важным уточнением в части нового признака - «клевета в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных», требующего исключения в качестве такового. И вряд ли можно согласиться с зарубежными коллегами, что ради свободы слова, надо отказываться от уголовного преследования за распространение заведомо ложных и порочащих сведений, особенно при отягчающих обстоятельствах. Для реализации этой ценной свободы должны быть избраны иные способы.

Список литературы

1. Лысенко В. Ответственность за оскорбление и клевету: зарубежный электоральный опыт // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rfsv.ru/law/informirovanie/otvetstvennost-za-oskorblenie-i-klevetu-zarubezhnyi-elektoralnyi-opyt> (дата обращения: 03.02.2022).
2. Кенешова Р. Клевета- не преступление // [Электронный ресурс]. – URL: <https://rus.azattyk.org/a/24273615.html> (дата обращения: 03.02.2022).
3. Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2006. С. 8 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/197379374.pdf> (дата обращения: 03.02.2022).

LIBEL UNDER THE CRIMINAL LAW OF THE CIS COUNTRIES
(COMPARATIVE ASPECT)

*Aniskina Evelina Gennadievna, associate professor of the Chair of Criminal Law
Smolensk branch of Saratov State Academy of Law, candidate of juridical science, associate
professor*

Abstract. The presented article is devoted to the analysis of the protection of honor and dignity in the CIS countries. The norms of various branches of law providing for liability for libel were considered, and a conclusion was made about the most effective regulation of this institution.

Keywords: libel, honor, dignity, differentiation of criminal liability.

КАКИМ МОЖЕТ СТАТЬ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В СФЕРЕ ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ ПРЕКУРСОРОВ ЗАВТРА

научный руководитель – В.Ю. Владимиров
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
профессор кафедры управления органами расследования преступлений
Академии управления МВД России
Фомина Татьяна Васильевна
Адъюнкт 3-го факультета Академии управления МВД России

Аннотация: В статье затрагиваются тема совершенствования деятельности специалистов-криминалистов с целью освоения применения новых портативных (мобильных) технико-криминалистических средств определения контролируемых веществ в ходе предварительного исследования, а также о методе диагностики психоактивных веществ, основанном на принципе иммунохроматографического анализа. Формулируются акценты определения роли и места экспертно-криминалистических подразделений в общей системе раскрытия, расследования и предупреждения наркопреступлений.

Ключевые слова: специалист-криминалист, портативные (мобильные) технико-криминалистические средства, иммунохроматографический анализ, аналитические тесты, психоактивные вещества.

1. Введение

Противодействие преступным деяниям в области общественных отношений, связанных с оборотом субстанций, обладающих одурманивающим эффектом, является сферой социального напряжения, в которой должны быть приложены интеллектуальные силы научного сообщества из разных областей знаний [1, с. 181-186]. Складывающаяся тенденция объединения интеллектуальных усилий субъектов из разных сфер научного знания требует формирования «единого языка», позволяющего

единообразно понимать предметную область криминальной активности и социальной напряжённости по её противодействию.

Деятельность экспертно-криминалистической службы МВД в части сопровождения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров подвергается объективной критике. Протасовым К.В. и Арутюновым А.С. выделен ряд проблемных вопросов, а также предложены направления совершенствования экспертно-криминалистической деятельности [2, с. 96-101].

Проблематика вектора развития экспертно-криминалистической службы МВД концептуально изложена в работах Волынского А.Ф. и Лапина В.О. По их мнению производство судебных экспертиз в современных условиях абсолютизировано, в ущерб вниманию важнейшей, если не сказать ключевой, деятельности специалистов, направленной на технико-криминалистическое обеспечение собирания и неотложное, ситуационное исследование доказательств, для успешного раскрытия и расследования преступлений [3, с. 142-152]. Однако факт столетнего сосуществования «экспертно-криминалистической деятельности» и «судебно-экспертной деятельности» свидетельствует в защиту традиции организационного построения экспертно-криминалистической службы МВД России (далее ЭКС). Причину искажения вектора следует искать не в организационной структуре самой службы, а в наличии не используемых до настоящего времени организационно-методических и технико-криминалистических резервов как внутри самой ЭКС, так и во взаимодействии ЭКС с оперативными подразделениями, органами следствия и дознания, а главное в явно не достаточно развитой коммуникации между специалистами ЭКС и специалистами судебно-медицинских экспертных учреждений.

Неотложное, ситуационное реагирование на обстановку - ключевая характеристика оперативной деятельности - изначально подразумевающее исключение проволочек. Новые требования как к специалисту-

криминалисту, так и к эксперту-химику диктуются характером деятельности оперативных сотрудников, занятых в сфере противодействия наркопреступности.

На современном историческом этапе возникает опасность, что выдвигаемые оперативниками требования могут свести экспертно-криминалистическую деятельность до некой сервисной, обслуживающей функции. Необходимо построить экспертно-криминалистическую деятельность таким образом, чтобы заинтересованные службы видели в ней существенную научно обоснованную поддержку и даже контрольный индикатор качества проводимой работы.

Уровень развития современной науки и техники, позволяет расширить роль специалиста, обеспечивающего экспертно-криминалистическое сопровождение оперативно-розыскных мероприятий (далее ОРМ). В Учебно-методическом пособии Кузовлева В.Ю. Глава II § 2.2 Техничко-криминалистические средства предварительного криминалистического исследования психоактивных веществ [4, с. 161] подробнейшим образом описаны существующие «переносные (мобильные) технико-криминалистические средства определения контролируемых веществ» [4, с. 163], которые возможно использовать в ходе осмотра, проводимого на месте их обнаружения. Остается позаботиться о интеллектуальном потенциале кадрового состава специалистов ЭКС, уделив внимание образовательным программам, направленным на освоение новых технико-криминалистических средств. Правовой основой оперативного исследования психоактивных веществ (далее ПАВ) в полной мере является закон «Об ОРД». Именно в рамках этого нормативного правового акта действует сотрудник экспертно-криминалистического подразделения, проводя оперативное исследование материалов, веществ и изделий, производя опрос очевидцев по специально разработанной методике в целях составления субъективных композиционных портретов, осуществляя отождествление личности или иных объектов по криминалистическим учётам [5, с. 20-21].

По нашему мнению, следует дополнить предложенный в учебно-методическом пособии Кузовлева В.Ю. перечень технических средств аналитическими тестами, работа которых основана на применении принципов высокотехнологичного иммунохроматографического (ИХ) анализа и обеспечением возможности последующего оформления полученных результатов в виде справки об исследовании.

Необходимые аналитические тесты существуют на отечественном рынке, они недороги, просты в использовании. Как и портативные (мобильные) технические средства, аналитические тесты не потребуют больших временных затрат для проведения диагностики. Не исключается их применение вне лабораторных условий, а главное, их применение не требует специальных навыков в области химии. Реализация такого подхода позволит не только оптимизировать временные затраты на проведение предварительного исследования, повысить востребованность и престиж труда специалиста-криминалиста, но и существенно разгрузить аналитическое оборудование, применяемое экспертами-химиками для проведения судебных физико-химических экспертиз ПАВ.

Необходимо отметить, что довольно высокая вероятность ложноположительного или ложноотрицательного результата экспресс-тестирования с применением ИХ-метода чаще всего в литературе иллюстрируется исследованием метаболитов психоактивных веществ в биологических средах человека, что не следует относить к диагностике действующего психоактивного вещества, исследуемого почти в чистом виде. Проведение предварительного исследования психоактивных веществ с применением ИХ-метода требует подтверждающих методов анализа, что может быть реализовано с применением новых портативных (мобильных) средств, а также в ходе производства судебной физико-химической экспертизы в лабораторных условиях. Комплексный подход в ходе предварительной диагностики позволит свести вероятность недостоверности результата к нулю.

На практику применения, достоверность и результативность аналитических тестов, работающих на принципе ИХ-метода обращают внимание не только специалисты-наркологи, но и правоведы. Специалисты в области медицины призывают к внедрению иммунохроматографических тест-систем в работу врачей-наркологов с целью контроля наркозависимых пациентов [6, с. 62-65]. О программе «Выявления наркотических веществ в условиях дорожного движения», действующей в Германии с 1997 года, также как и об опыте ряда других стран Европейского союза, Великобритании, США, Канады и Кипра пишет в своей статье К.С.Баканов [7, с. 173-178]. Аналитические тесты с применением ИХ-метода не могут быть оставлены без внимания специалистов в области криминалистики.

С целью реализации предложенного подхода не потребуется радикальных изменений правового характера, поскольку законодатель довольно широко характеризует носителя специальных знаний в уголовно-процессуальном законодательстве. А это значит, что краткого образовательного курса для освоения методики использования аналитических тестов, работающих на принципе ИХ-метода, а также иных устройств, необходимых для проведения, к примеру, оценки массы психоактивных веществ, в рамках повышения квалификации сотрудников экспертно-криминалистических подразделений вполне достаточно.

С целью коррекции ведомственной регламентации следует внести изменения в пункт 39.2 Наставления об организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России, где указано, что «Предварительное исследование может проводиться сотрудником, имеющим право самостоятельного производства судебных экспертиз... соответствующей характеру выполняемого исследования», поскольку имеющаяся формулировка существенно отстает от темпов развития современного научного знания, не соответствует уровню актуальной криминалистической техники, не удовлетворяет потребности оперативных подразделений и сковывает развитие сотрудников экспертно-

криминалистических подразделений. По нашему мнению, проведение оперативных исследований ПАВ и иных объектов в рамках закона «Об ОРД» не следует с организационно-методических позиций отождествлять с производством судебных экспертиз. Оперативные исследования, как не порождающие уголовно-процессуальных последствий, должны иметь возможность проводить специалисты более широкого круга. Основанием для допуска такого специалиста к конкретным видам производства исследований должна быть соответствующая подготовка и решение руководителя ЭКП. Это будет способствовать повышению уровня оперативности в получении оперативным составом ориентирующей криминалистически значимой информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Владимиров В. Ю., Ковалев А. В., Сидоренко В. А.* О необходимости разработки основных положений и понятийно-терминологического аппарата формирующейся отрасли научно-практического знания «Псевдо-правомерный оборот потенциально опасных материалов, веществ и изделий. Генезис, признаки, превенция» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 181–186.

2. *Протасов К. В., Арутюнов А. С.* Повышение эффективности противодействия незаконному обороту наркотиков экспертно-криминалистическими подразделениями // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2020. - № 4 (50).

3. *Волынский А. Ф., Лапин В. О.* Экспертно-криминалистическая служба МВД России: когда и почему искажен вектор ее развития, как его исправить // Труды Академии управления МВД России. - 2021. - № 1 (57).

4. Криминалистическое обеспечение борьбы с незаконным лабораторным наркопроизводством: учебно-методическое пособие / В.Ю. Кузовлев. – Домодедово : ВИПК МВД России, 2021. – 238 с.

5. *Владимиров В.Ю., Каймак Е.В.* О статусе экспертно-криминалистических подразделений в системе оперативно-розыскной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. - № 3.

6. *Вострых Д.В., Зорохович И.И., Кирина Ю.Ю., Лопатин А.А., Рубцова О.С., Селедцов А.М.* Применение иммунохроматографических экспресс-тест-систем в наркологической практике // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. - 2016. - № 2 (91).

7. *Баканов А.С.* Перспективы внедрения современных средств диагностики наркотического опьянения в деятельность Госавтоинспекции // Труды Академии управления МВД России. - 2018. - № 3 (47).

**WHAT KIND OF EXPERT-FORENSIC SUPPORT OF OPERATIONAL-
INVESTIGATIVE MEASURES IN THE SPHERE OF TRAFFICKING IN NARCOTIC
DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES AND THEIR PRECURSORS CAN BECOME
TOMORROW**

Scientific supervisor Vladimirov V. Yu.

DPhil, professor, honored Lawyer of the Russian Federation

*Professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies Academy of Management of
the Ministry of Internal Affairs of Russia*

T.V. Fomina

Adjunct of Faculty 3 Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia

Abstract. The article touches on the topic of improving the activities of forensic specialists in order to master the use of new portable (mobile) technical and forensic means for determining controlled substances during a preliminary study, as well as on the method of diagnosing psychoactive substances based on the principle of immunochromatographic analysis. The accents of determining the role and place of forensic units in the general system of disclosure, investigation and prevention of drug crimes are formulated.

Keywords: specialist criminologist, portable (mobile) technical and forensic tools, immunochromatographic analysis, analytical tests, psychoactive substances.

НЕЗАКОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ БИОБАНКИНГА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

*Галюкова Мария Игоревна, кандидат юридических наук, доцент,
судья Центрального районного суда города Челябинска*

Вопросы безопасного хранения предметов и информации интересовали человечество с древних времен, ростовщичество упоминается ещё в Ветхом Завете. Искусствоведы и археологи продолжают поиски Ковчега Завета, хранившего каменные Скрижали Завета с десятью заповедями. Считается, что он таинственно пропал в VI в. до н. э. во время покорения Иудеи вавилонским царём Навуходоносором II. К числу самых известных в мире и действующих старых банков данных относят Monte dei Paschi di Siena (Италия, 1472 г.), Berenberg Bank (Германия, 1590 г.), Stadsbank van Lening (Голландия, 1614 г.), Sveriges Riksbank (Швеция, 1668 г.), Hoare & Co (Англия, 1672 г.), Metzler Bank (Германия, 1674 г.). Но современные ценности - это не только деньги, ценные бумаги и драгоценности. Это будущее, синонимом которого теперь является генетическая информация. Своеобразным сейфом для хранения таковой выступает биобанк.

Значительную научную и практическую ценность для ученых всего мира представляют биобанки Великобритании (UK Biobank), Японии (BioBank Japan, BBJ) и Исландии (deCODE Genetics). Но самым масштабным можно назвать проект МГУ Национальный банк-депозитарий живых систем «Ноев Ковчег» [1]. Биорепозитарий должен аккумулировать биоматериалы всех живых организмов на планете.

В России в 2018 г. образована Национальная ассоциация биобанков и специалистов по биобанкированию (NASBIO), позволившая объединить 23 российских биобанка и 39 специалистов в этой области. В октябре 2021 г.

появился первый цифровой биобанк. Уникальную платформу разработал российский широкопрофильный исследовательский биобанк («Национальный БиоСервис» (НБС)), который занимается развитием сети отечественных биобанков в рамках дорожной карты «Хелснет» НТИ.

В феврале 2021 г. новостные ленты СМИ сообщили, что в Армении в рамках проекта Ереванского государственного медуниверситета (ЕГМУ) по генетическим исследованиям онкологических болезней будет создан биобанк, соответствующий европейским стандартам.

В ходе состоявшейся онлайн-презентации ректор ЕГМУ Армен Мурадян выразил надежду, что этот проект станет одним из первых в числе долгосрочных исследовательских инициатив по изучению влияния окружающей среды на уровень выявления онкологических заболеваний, особенно в Армении. (это просто мое предложение как вариант)

Партнерами ЕГМУ являются исследователи из Карлова университета (Чехия), Медицинского университета Граца (Австрия) и Международного агентства по изучению рака (International Agency for Research on Cancer)[2].

Создание биобанков, безусловно, мощный шаг в развитии современных биомедицинских технологий, который, к сожалению, еще не имеет полноценного правового регулирования.

Итак, биобанк - это основная терминология, которая используется на территории Российской Федерации и Республики Армения, между тем в зарубежной юридической литературе широко используются такие синонимичные понятия, как «медицинские и генетические банки данных», «банки проб и данных», «биобанки человека», «банки тканей», «биорепозитории», «биотека»[3]. По мнению А.А. Мохова, каких-либо достоверных различий по одному или нескольким критериям между биобанками (Biobank), биорепозиториями (Biorepository), биологическими ресурсными центрами (Biological resource centre) не усматривается[4].

Исследовательская инфраструктура биобанков и биомолекулярных ресурсов (BBMRI, Австрия) под биобанком предлагает понимать

организацию, которая хранит биологические образцы и связанную с ними информацию, являясь источником материала, информации для развития биотехнологий, здравоохранения, исследований в области наук о жизни[5].

Законодательного определения биобанка, как и полноценного законодательства о биобанках в Российской Федерации, не существует, но с 1 марта 2022 г. на территории России вступает в действие Национальный стандарт Российской Федерации «Биотехнология. Биобанкинг. Руководство по внедрению ИСО 20387» (Biotechnology. Biobanking. Guidelines for the implementation of GOST R ISO 20387). Согласно данному стандарту, биобанк (ИСО 20387, 3.5) определяется как юридическое лицо или структурное подразделение юридического лица, которое осуществляет биобанкинг, а термин «биобанкинг» (ИСО 20387, 3.6) - как процесс приобретения и хранение биологического материала, включая конкретные действия или все действия, связанные со сбором, подготовкой, сохранением, испытанием, анализом и передачей определенного биологического материала, а также соответствующей информации и данных. В настоящем стандарте термин «биобанк» включает не только персонал, выполняющий деятельность в сфере биобанкинга от имени биобанка, но и саму организацию.

Биобанки могут представлять различные типы организаций, выступать независимыми юридическими лицами или принадлежать государственным, академическим учреждениям, больницам, некоммерческим или коммерческими организациям.

Несет ли деятельность биобанка угрозу охраняемым уголовным законодательством общественным отношениям, а также угрозу человеку, особенно в условиях надлежащего регулирования со стороны позитивного законодательства? Должны ли подлежать биоколлекции дополнительной уголовно-правовой защите?

Одной из примитивных форм существования биобанка является криохранилище. В сентябре 2021 г. зафиксирован факт кражи криокамер с трупами и органами. В центре криминального скандала оказалась криогенная

компания «КриоРус», которая предлагает полный комплекс услуг по крионике. Это технология, позволяющая сохранять людей и животных в состоянии глубокого охлаждения с расчетом на то, что в будущем их удастся оживить. Тела помещаются в криостат (сосуд Дьюара), где, по утверждению компании, могут храниться без значимых изменений в течение сотен лет. Компания имеет собственные криохранилища[6].

Другими словами, мы уже имеем преступление в сфере биобанкинга. Следовательно, необходимо приступить к выявлению потенциального круга криминогенных угроз в сфере биохраниения.

В целях закрепления аргументированности нашей позиции, обратимся к ситуативной аналогии. В августе 2020 г. СМИ было заявлено, что в даркнет произошла утечка базы данных лиц, проголосовавших за поправки в Конституцию Российской Федерации[7]. А теперь представим, что произошла утечка базы генетических данных из Биобанка N. Принимая во внимание, что генетический материал необходим для исследований в сфере изучения и возможного редактирования генома человека, бесконтрольное использование биоматериала приведет как минимум к нарушению правил биоэтики, а как максимум - к созданию генетических химер и биооружия. Более того, генетические данные - это та информация, которая постоянно находится в зоне контроля военных разведок и бизнес-разведок развитых стран мира. Соответственно, ценность данной информации крайне высока, а о рисках несанкционированного доступа к биоданным очень точно сказал В. В. Путин во время Международного фестиваля и студентов в Сочи (октябрь, 2017 г.): «Страшнее ядерной бомбы для человечества может стать способность изменять генетический код человека»[8].

Может ли действующее уголовное законодательство Российской Федерации и Республики Армения блокировать возможные противоправные деяния в сфере биобанкинга? И да, и нет одновременно.

Генетические данные следует отнести к персональным данным человека, следовательно, при несанкционированном доступе к ним возможна

квалификация по ст. 137 УК РФ и ст. 144 УК РА. Более того, законодатель Республики Армения предусмотрел отдельную статью за разглашение врачебной тайны, что, на наш взгляд, является абсолютно правильным и верным решением как с позиции предупреждения ятрогений, так и с точки зрения формирования резервной мощности уголовного закона, направленного на обезвреживание угрозы распространения генетических данных.

В случае проникновения в генетические хранилища и реального изъятия биообъектов, квалификация возможна по ст. ст. 158, 162, 209, 210 УК РФ и ст. ст. 175, 176, 177, 222, 223 УК РА.

Но не стоит забывать, что работа биобанков построена на биоинформатике и специальном программном обеспечении, соответственно, любой незаконный доступ к системе компьютерной информации либо неправомерное завладение компьютерной информацией будет квалифицироваться по ст. ст. 251 и 254 УК РА.

Интерес в этом плане представляет новелла российского законодателя, представленная правоприменителю в 2017 году, - ст. 274.1 УК РФ «Неправомерное воздействие на критическую информационную структуру Российской Федерации».

Согласно ст. 8 ФЗ от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», в целях учета значимых объектов критической информационной инфраструктуры федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, ведет реестр значимых объектов критической информационной инфраструктуры.

Полагаем, что биобанки должны быть включены в реестр значимых объектов критической информационной инфраструктуры, что позволит гарантировать максимальную защиту виртуальной информации.

В заключение отметим, что исследование правового статуса биобанков является межнациональным вопросом, требующим совместного регулирования во всех отраслях права. При этом действующие уголовные законодательства Российской Федерации и Республики Армения позволяют при возникновении первоначальных угроз интересам личности и государства адекватно и своевременно блокировать преступную деятельность. Вместе с тем следует учитывать специфику объекта правового регулирования – биомедицинские технологии и генетические технологии, необходимо продолжить уголовно-правовые исследования в области биобезопасности.

Список использованных источников:

1. <http://depository.msu.ru/> (дата обращения: 12.01.2022).
2. *Впервые* в Армении будет создан биобанк в рамках генетических исследований рака. <https://newsarmenia.am/news/science/vpervye-v-armenii-budet-sozdan-biobank-v-ramkakh-geneticheskikh-issledovaniy-rika-/> (дата обращения: 12.01.2022).
3. *Кубышкин А.В., Косилкин С.В., Астрелина Т.А.* Международно-правовое регулирование генетических исследований, биобанкинга, биоинформатики и репродукции человека: анализ основных международно-правовых актов // *Международный правовой курьер.* №2-3 (31-32) апрель-июнь 2019. С. 29 – 34.
4. *Мохов А.А.* К вопросу о биоресурсных центрах и биоколлекциях // *Бизнес, Менеджмент и Право.* 2021. №1 (49). С. 26 – 30.
5. *Assamler M., Zatloukal K.* Biobanks: transnational, European and global network. *Brief.Funct.Genomic. Proteomic* 2007; 6 (3): 193 – 201.
6. *Основатели «КриоРус» не поделили бизнес: грузовики с замороженными «криопациентами» перехватила полиция* // <https://rb.ru/news/kriorus-business/> (дата обращения: 22.01.2022).
7. *В даркнет* утекла база данных проголосовавших по поправкам в Конституцию //

https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/08/2020/5f28ce729a7947056524fb49 (дата обращения: 12.02.2022).

8. *Путин* назвал технологию, которая станет страшнее атомной бомбы
<https://ria.ru/20171021/1507310983.html> (дата обращения: 22.01.2022).

**ЭКСТРЕМИЗМ КАК УГРОЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ НОРМ ОБ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

*Дегтерев Андрей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры уголовного права ФГБОУ ВО Астраханского государственного университета*

Аннотация. Проводимые в Российской Федерации с конца XX века политические и экономические реформы, изменили все сферы жизнедеятельности российского общества. В стране стала складываться и новая модель уголовного права, принципиально отличающаяся от ранее существовавшей, с новой нормативной базой противодействия преступлениям, в том числе преступлениям экстремистской направленности. Попытки решить вопрос о правильной квалификации и об ответственности за экстремистские преступления, породили проблемы разграничения указанных преступлений от смежных составов преступлений. Неверная квалификация преступлений экстремистской направленности и отсутствие в современном уголовном праве Российской Федерации мер противодействия преступлениям экстремистской направленности порождает резкий всплеск таких деяний, ставящих под угрозу безопасность не только России, но и всего мирового сообщества.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, безопасность, квалификация преступлений, приговор, назначение наказания, эмоциональные проявления, высказывания в сети интернет, медийное пространство, организация экстремистского сообщества, финансирование экстремистской деятельности.

Правильная квалификация преступлений экстремисткой направленности является одним из наиболее важных направлений совершенствования правоприменительной практики. Точное установление признаков уголовно-наказуемого деяния на первоначальной стадии уголовного судопроизводства обеспечивает законное, обоснованное и справедливое вынесение приговора. И последующее назначение наказания, должно быть только за то преступное поведение, которое действительно совершено виновным.

События, которые произошли в России в января 2021 года, в Казахстане в январе 2022 года и в целом по республикам СНГ, говорят о уверенном росте экстремистских проявлений в обществе. Резкий рост преступлений этой направленности, скорее всего, является следствием напряженной социально-экономической ситуации в странах и недовольством людей в обществе. На сегодняшний день Уголовный закон России не дает, каких либо разграничений понятию экстремизма вообще. В связи с чем, в российских судах выносят приговора, за эмоциональные проявления, за их взгляды и высказывания в сети интернет. С точки зрения простого обывателя это явно не неправильный подход к сложившейся ситуации в стране. Задачей любого демократического государства является обеспечить соблюдения законных интересов своих граждан. По мнению автора статьи именно халатное выполнение, властью своих обязанностей по защите гражданских интересов приводит к увеличению преступлений экстремистской направленности. Если человек не находит ответа у власти и правоохранительных органов, то его эмоции только увеличиваются, он готов перейти границы допустимого, в том числе и совершить преступные деяния экстремистской направленности. Так же стоит учитывать, что экстремизм имеет определенную подпитку со стороны заинтересованных лиц. В таком случае экстремистские проявления будут только нарастать. Как правило, в этом случае происходит расслоение самого общества. Стоит признать, что любой экстремизм имеет начало с момента социального раздражения в обществе, по разного рода причинам.

Многие люди недовольны деятельностью политиков, другие люди, стоимостью коммунальных услуг, третьи, ростом цен на продукты, четвертые люди, приезжими мигрантами и так можно продолжать до бесконечности. Чтобы разрешить ту или иную проблему в очаге социального возбуждения необходимо привлечь людей или организации, у которых имеется идея решения возникшей проблемы, при этом могут привлекаться и люди с радикальными идеями, от этого никто не защищен. В таких ситуациях важно не привлекать к ответственности и не выносить приговора, а скорее проводить профилактическую работу, вести диалог с людьми, т.е. убеждать, влиять и разбираться. Еще во времена СССР глава КГБ Андропов Ю.В. говорил, что «посадить человека легко, сложно сохранить его для общества. Гордиться надо не тем, что кого-то отправили в камеру, а тем, что уберегли человека от тюрьмы». В сегодняшней действительности мы переживаем полное отсутствие диалога и неспособность построить коммуникацию в системе уголовного судопроизводства. Никому из системы уголовного судопроизводства начиная от следователя и заканчивая судьями, не хочется понимать, чего именно хотят люди, совершая экстремистские проявления. Криминологическая характеристика экстремиста в учет не принимается. По мнению автора в сегодняшней действительности правоохранительная, судебная системы действуют по принципу «уголовный закон, свой – субъект преступления, чужой». Яркими примерами являются уголовные дела по группировкам «Сети» и «Артподготовки», которые оказались в медийном пространстве. Конечно, - это повод для определенной тревоги в самом обществе, т.к. на их примере, даже с учетом обвинительного приговора, может стать заразительным для молодежи. В сегодняшней действительности, значительная часть активной молодёжи, которая жаждет борьбы, старается не переступить контрольную черту между законными методами выражения своих требований и совершением преступлений экстремистской направленности.

Если проанализировать содержание Постановления Пленума Верховного суда РФ от 10.06.2010 №12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)»[1] и Постановления Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. N 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», то в них раскрываются основные понятия и сущность преступного сообщества. Это позволяет правоприменителю охарактеризовать их общие черты как стабильность состава и согласованность действий. Согласно указанным выше документов стабильность состава означает, что преступное сообщество замкнуто, количество его участников неизменно, и все они связаны друг с другом совместно осуществляемой преступной деятельностью. Основным правилом является, то, что вхождение в нее новых участников и выход старых сопровождается определенными трудностями. Участники преступного сообщества имеют совместные цели, их действия заранее согласованы. Преступный результат достигается только общими, совместными усилиями. Участники экстремистского сообщества заранее разрабатывают план совместных действий, согласовывая его со всеми участниками. Члены преступного экстремистского сообщества действуют как единое неделимое целое. Если провести сравнение между преступным экстремистским сообществом и преступным сообществом, то невольно должен возникнуть вопрос, в их отличии. В преступном экстремистском сообществе иная цель в отличии от преступного сообщества, деятельность которого предусмотрена ст. 210 УК РФ. Целью преступного сообщества является совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Кроме того, преступное сообщество, преследует цель имущественного обогащения, что не относится к целям преступного экстремистского сообщества. Экстремистские группы совершая преступления преследуют иные цели. Они направлены исключительно на разжигание политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды. Поэтому при квалификации

преступления должно быть установлено, что все участники преступного экстремистского сообщества осознают, что их действия направлены на реализацию только экстремистских мотивов. Поэтому создание преступного экстремистского сообщества на практике необходимо ограничивать от создания террористического сообщества, которое предусмотрено статьей 205.4 УК РФ. На основании части 1 статьи 205.4 УК РФ террористическое сообщество представляет собой устойчивую группу лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного, либо нескольких преступлений террористического характера.[2] Террористическое сообщество в отличие от экстремистского отличается согласованностью преступных действий и устойчивостью своих членов. Именно цель их деятельности является отличительным признаком между названными преступными сообществами. Экстремистская деятельность присуща только экстремистскому сообществу. Террористическому сообществу свойственно осуществление только террористической деятельности. Подводя итог, можно сказать, что статья 205.4 УК РФ и статья 282.2 УК РФ соотносятся как специальная и общая нормы, при конкуренции которых приоритет остается за первой.

Согласно действующему УК РФ к экстремистским преступлениям относится преступление, предусмотренное статьей 282 УК РФ - «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». По мнению многих ученых, указанный состав преступления в некоторых случаях может составлять конкуренцию террористическому акту[3]. Но при этом преступные действия должны быть направлены на унижение достоинства человека либо группы лиц в зависимости от пола, расы, национальности, отношения к религии и т. д.. Разграничение таких преступлений возможно по объективной стороне преступления, т.е. по действиям, которые выполнены. Зачастую экстремисты не останавливаются на достигнутой цели и продолжают совершать иные преступления, в том числе и террористические акты. По мнению автора в практической

деятельности такого рода преступные проявления подлежат отождествлению терроризма от форм экстремистской деятельности.

Те кто изначально планировал совершить терроризм не думал, о совершении экстремизма преступлений явно. Согласно диспозиции статьи 205 УК РФ это преступление имеет материальный состав. Оконченным преступление является с момента наступления последствий в виде поджога, взрыва. Преступления экстремистской направленности имеют формальный состав. При совершении экстремистских преступлений наступившие последствия в виде причинения вреда здоровью не могут влиять на квалификацию содеянного.

Если рассматривать преступления террористической направленности и экстремистской, то и признаки объективной стороны указанных преступлений будут различными. По своему содержанию выполняемые действия отличаются друг от друга. При совершении преступлений террористической направленности невольно происходит насилие, применение психологического и физического воздействия в зависимости от пола, расы, национальности, отношения к религии и т. д.. Происходит возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства.

Не редко в практической деятельности возникает необходимость отграничения преступлений экстремистской направленности от разного рода хулиганских проявлений, которые предусмотрены статьей 213 УК РФ. Это происходит по тому, что у этих преступлений объект преступного посягательства совпадает. Оба преступления нарушают общественный порядок и общественную безопасность. При квалификации содеянного объективная и субъективная сторона совершенного преступления будут выступать отличием между этими составами. Преступления экстремистской направленности совершаются исключительными способами указанными в диспозиции статьи. Хотя в практической деятельности наряду с экстремистскими преступлениями совершаются и иные преступления, требующие дополнительную квалификацию. По мнению автора такого рода

деяния, при наличии признаков, предусмотренных пунктом «е» статьи 63 УК РФ относятся к идеальной совокупности: преступления экстремистской направленности и иного совершенного преступления.

При совершении хулиганства, преступные действия могут иметь различное восприятие при применении оружия, и предметов, используемых в качестве оружия, одно понимание. При совершении преступления совершенного по статье 213 УК РФ и сопровождающееся нецензурной бранью, оскорблениями другое понимание. Квалифицируя содеянное основными отличиями между исследуемыми видами преступных посягательств являются мотив и цель преступных действий самого субъекта преступления. Наличие мотива преступления при определении понятия хулиганства по Уголовному законодательству РФ не определено. Хотя поведение преступника всегда мотивированно, целенаправленно и является следствием изъявления его воли, т.е. преступного поведения. Безмотивных преступных деяний не существует[4].

При совершении статьи 213 УК РФ преступник показывает свое негативное отношение к окружающим людям, при этом создавая опасность для их жизни и (или) здоровья. Именно так как правило и проявляется мотив при совершении хулиганства. При совершении преступлений экстремистской направленности происходит иная ситуация. Целью преступлений экстремистской направленности в основном является преследование людей, которых объединяют общие признаки. К ним относятся национальность, религия, пол, раса и другие, в том числе путем совершения в отношении них только активных действий в виде нападения и причинения вреда здоровью.

В таком случае выступает еще и обязательный дополнительный объект, как честь и достоинство личности, здоровье и жизнь, собственность, а также могут выступать и иные права граждан, такие как право на труд, право на свободу передвижения, право на пенсионное обеспечение, право избираться и быть избранным и т.д.. Квалифицировать преступления по статье 213 УК РФ по таким признакам нельзя. При квалификации любого хулиганства

основной целью является демонстрация исключительности своих действий. При квалификации преступных деяний экстремистской направленности целью совершения преступлений является подавление, ограничение чужой групповой особенности и самобытности.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что квалификация экстремистских преступлений должна исходить прежде всего из детального выявления всех признаков совершенного преступления. На сегодняшний день практические работники правоохранительных органов и суда имеют только общие понятия и определения, которые при квалификации преступлений экстремистской направленности противоречат друг другу. В сегодняшнем виде преступления экстремистской направленности разграничить от схожих элементов иных преступлений, таких как хулиганство, террористический акт, создание преступного сообщества очень сложно, а порой не возможно. Точная квалификация преступления зависит от правильного выявления всех признаков преступного посягательства.

При определении объективных признаков преступления, которые предусмотрены статьей 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества» правоприменители сталкиваются с еще одной существенной проблемой, которая не определена на законодательном уровне. Термин «сообщество» используется в нормах Общей части УК РФ, (ч. 4 ст. 35 УК РФ) и в Особенной части УК РФ, (ст. ст. 205.1, 210 и 282.1 УК РФ). Конструируя УК РФ законодателями явно вкладывалось в понятие и определение «сообщество», одно и то же значение. Но в практической деятельности понятие «сообщество» применяется не одинаково.

Многие ученые считают, что сложность в определении признаков экстремистского сообщества обусловлено существованием двух господствующих позиций в науке относительно природы указанного явления: основатели первой теории полагают, что экстремистское сообщество необходимо рассматривать как специальное проявление преступного сообщества, а все признаки данной формы соучастия должны на

него распространяться. Юдичева С.А. указывает, что экстремистское сообщество может выступать в качестве самостоятельной организованной формы преступной деятельности только в случае совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Её позиция четко указывает на то, что диспозиция ч. 4 ст. 35 и ст. 282.1 УК РФ соотносятся как общая и специальная нормы[5].

Позицию Юдичевой С.А. разделяет и Фридинский С.Н.. Он обосновывает свою выдвинутую редакцию статьи 282.1 УК РФ, в примечании к которой излагает дефиницию экстремистского сообщества как структурированной организованной группы или объединения организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности[6].

Согласно Пленума Верховного Суда РФ, в п. 12 постановления от 28.06.2011г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», говорится, что «под экстремистским сообществом следует понимать устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для подготовки или совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности, характеризующуюся наличием в ее составе организатора (руководителя), стабильностью состава, согласованностью действий ее участников в целях реализации общих преступных намерений. При этом экстремистское сообщество может состоять из структурных подразделений (частей)». Получается что экстремистское сообщество должно восприниматься как разновидность организованной группы лиц.

Другие ученые выдвигают иное мнение относительно экстремистского сообщества, говоря о том, что, на законодательном уровне при принятии УК РФ допущена терминологическая ошибка. Она выражается в том, что всего лишь в двух статьях Особенной части УК РФ использование одного и того же термина «сообщество», не дает правоприменителям оснований полагать, что экстремистское сообщество является одной из форм преступного

сообщества. По мнению автора такое определение экстремистского сообщества является обоснованным, т.к. признак структурированности, в преступлении не является обязательной характеристикой экстремистского сообщества. Он может присутствовать в преступлении, но может и отсутствовать в нем.

Подводя итог, можно сказать, что терминологическая проблема существует с момента введения указанной статьи в УК РФ и она не решена законодателем до настоящего времени. По мнению автора, в целях правильного понимания и восприятия название статьи 282.1 УК РФ, необходимо просто изменить, назвав её «Организация экстремистской преступной группы». Такое название позволит исключить двусмысленное толкование этой нормы.

Проводя анализ ст. 282.2 УК РФ, стоит отметить, что она имеет ряд терминологических недостатков. В этой статье устанавливается ответственность за организацию деятельности экстремистских организаций. Но в Общей части УК РФ содержится только понятие «преступная организация», которое является синонимом термина «преступное сообщество». Законодатель используя понятие «организация» в ст.282.2 УК РФ вновь создал проблемы в уголовном судопроизводстве. При выявлении и квалификации преступления, предусмотренного ст. 282.2 УК РФ на практике применяется Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Согласно п. 2 ст. 1 указанного закона под экстремистской организацией законодательно понимается: «общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности»[7].

Резюмируя можно сказать, что понятие «организация» охватывает в ст. 282.2 УК РФ все формы объединений, которые предусмотрены различными законами.

Одним из признаков наступления уголовной ответственности по ст. 282.2 УК РФ является наличие вступившего в законную силу судебного решения о признании такой организации или объединения экстремистским. Из буквального толкования следует, что уголовная ответственность возникает только за организацию деятельности экстремистской организации. По мнению автора для устранения этого противоречия следует также изменить название ст. 282.2 УК РФ.

Особую тревогу у правоприменителя вызывает ст. 282.3 УК РФ. В этой статье говорится об ответственности за финансирование экстремистской деятельности. Многие ученые юристы считают, что ст. 282.3 УК РФ несет в себе противоречия. Несоответствия имеются в наименовании «Финансирование экстремистской деятельности», а также в содержании самой нормы. Так в диспозиции статьи говорится о финансировании хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности либо деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации. Это свидетельствует о содействии только части экстремистских проявлений, но явно не всей экстремистской деятельности. Имеются и частичные совпадения диспозиций ст. ст. 282.1 и 282.2 УК РФ со ст. 282.3 УК РФ о финансировании экстремистской деятельности. Т.к. сама деятельность организатора либо участника экстремистского сообщества или экстремистской организации может выражаться в организации материально-технического обеспечения. Кроме того, по мнению автора, законодатель не верно использовал в диспозиции ст. 282.3 УК РФ слово «подготовка». Согласно Общей части УК РФ существует «приготовление» к преступлению. По мнению автора в диспозиции ч. 1 ст. 282.3 УК РФ должна быть указана сумма самого размера финансирования или минимальная шкала финансирования. В практической

деятельности возникает множество вопросов у органов предварительного следствия, суда по применению указанной статьи.

Так же стоит согласиться и с тем, что с момента введения ст. 282.3 УК РФ законодатель ввел уголовную ответственность за это преступление, хотя ранее они также считались преступными. Такое применение уголовного закона недопустимо в силу принципа *non bis in idem* («не дважды за одно и то же»). Однако ст. 282.3 УК РФ до настоящего времени является действующей уголовной нормой. Автор считает, что ст. 282.3 УК РФ должна быть исключена из Уголовного кодекса РФ, ввиду того, что действия направленные на финансирование преступлений экстремистской направленности, можно квалифицировать и назначать наказание с помощью института соучастия в преступлении.

Такого рода дополнения в уголовный закон указанными выше статьями только создало трудности при квалификации содеянного, что неизбежно привело к немотивированной уголовной репрессии со стороны уголовного судопроизводства.

Подводя итог, стоит отметить, что в уголовном судопроизводстве недопустима необоснованная репрессия, в связи с чем целесообразно исключить из УК РФ дублирующие нормы права. Такого рода нормы приводят к неправильной квалификации преступлений и неверному назначению наказания.

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. №12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)»// СПС КонсультантПлюс, 2020.
2. Агешкина Н.А., Беляев М.А., Белянинова Ю.В., Бирюкова Т.А., Болдырев С.А., Буранов Г.К., Воробьев Н.И., Галкин В.А., Дудко Д.А., Егоров Ю.В., Захарова Ю.Б., Копьёв А.В. Научно-практический

- комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ. - Специально для системы ГАРАНТ, 2016 г.
3. Агапов П.В., Борисов С.В., Вагурин Д.В., Коршунова О.Н., Меркурьев В.В., Хлебушкин А.Г. Организация экстремистского сообщества: проблемы квалификации и доказывания: пособие (под редакцией д.ю.н., проф. В.В. Меркурьева). - "Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации", 2013. С.248.
  4. Актуальные проблемы Особенной части уголовного права. Учебник. / под ред. Подройкина И. А., Улезько С. И. — М.: Проспект. 2020. С. 331
  5. Юдичева С. А. Актуальные проблемы юридического анализа составов преступлений организации экстремистского сообщества и участия в нем // Новый юридический журнал. 2013. № 2. С. 182
  6. Фридинский С. Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование) : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 2011. С.17.
  7. Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. N 30 ст. 3031.

**EXTREMISM AS A THREAT TO THE POLITICAL SYSTEM OF THE
RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF DISTINGUISHING THE NORMS ON
RESPONSIBILITY FOR EXTREMIST CRIMES FROM RELATED CRIMES**

**A.A. Degtyarev, PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor of the
Department of Criminal Law of Astrakhan State University**

Annotation. The political and economic reforms carried out in the Russian Federation since the end of the twentieth century have changed all spheres of life of Russian society. A new model of criminal law has also begun to take shape in the country, fundamentally different from the previously existing one, with a new

regulatory framework for countering crimes, including extremist crimes. Attempts to resolve the issue of the correct qualification and responsibility for extremist crimes have given rise to problems of distinguishing these crimes from related crimes. The incorrect qualification of extremist crimes and the lack of measures in the modern criminal law of the Russian Federation to counter extremist crimes generates a sharp surge in such acts that jeopardize the security of not only Russia, but also the entire world community.

Keywords: extremist crimes, security, qualification of crimes, sentence, sentencing, emotional manifestations, statements on the Internet, media space, organization of extremist community, financing of extremist activities.

ПРОБЛЕМЫ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ ДЕЯНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Жилкин Максим Геннадьевич, доктор юридических наук, доцент начальник кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Аннотация. В статье исследуется генезис российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства о малозначительности деяния, проводится сравнительно-правовой анализ законодательного оформления данного института в действующем законодательстве Армении, Белоруссии, Казахстана и России, выявляются отдельные проблемы, связанные с применением нормы о малозначительности деяния, предлагается их решение с позиций *de lege ferenda*.

Ключевые слова: малозначительность деяния, общественная опасность, оценочные понятия, сравнительно-правовой анализ, уголовное законодательство.

Институт малозначительности деяния был введен в российское уголовное законодательство путем установления в ст. 6 УК Р.С.Ф.С.Р. 1926 г., определяющей понятие преступления, примечания следующего содержания: «Не является преступлением действие, которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части настоящего Кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно-опасного»[1]. Этим положением законодатель констатировал, что отсутствие в деянии общественной опасности исключает возможность его определения в качестве преступления. Деяние лишается общественной опасности в силу совокупного установления двух критериев – «явной малозначительности» и «отсутствия вредных последствий». Таким образом, малозначительность деяния с одной стороны

должна быть явной, то есть не вызывать сомнений, а с другой – наличие вредных последствий, исходя из смысла комментируемой нормы, исключает малозначительность и предопределяет наличие общественной опасности деяния. Однако, в каком случае малозначительность действия будет явной, а когда нет, законодатель не определил, но зато уточнил, что последствия деяния, как признак общественной опасности должны быть именно вредными, то есть влекущими негативные изменения в объекте посягательства.

Вместе с тем следует отметить, что такое понимание исключения общественной опасности деяния в силу малозначительности лишь формально закрепило ранее установленное в ст. 4-а УПК РСФСР. 1923 г. (введена Декретом ВЦИК, СНК РСФСР от 09.02.1925) право прокурора и суда отказаться от уголовного преследования, если деяние не может признаваться общественно-опасным «вследствие своей незначительности, маловажности и ничтожности своих последствий»[2]. Представляется, что в данной норме определяется именно понятие малозначительности деяния как незначительного, маловажного и влекущего ничтожные последствия. Как видно, каждый из использованных законодателем здесь терминов содержит оценочные понятия, установление содержания которых отдается на откуп правоприменителю, что подтверждается отсутствием императивного предписания на прекращение уголовного преследования при данных обстоятельствах.

Мы не случайно достаточно подробно остановились на анализе первых законодательных позиций относительно малозначительности деяния, так как это с одной стороны дает возможность установить исходные положения становления рассматриваемого института, а с другой – позволяет выявить его сильные и слабые стороны:

1. Введение института малозначительности стало вынужденной мерой гармонизации жесткой уголовной репрессии, установленной в нормах действующего уголовного законодательства, с реалиями стремительно

меняющихся общественных отношений, связанных с прекращением гражданской войны и переводом государственной политики на мирные рельсы.

2. Предоставленные правоприменителю широкие дискретные полномочия в части признания малозначительным деяния, формально содержащего признаки преступления, демонстрируют высокое доверие, оказываемое органам следствия и суду как органам, которые должны следовать не только букве, но и духу закона, проявляя таким образом гуманное и чуткое отношение к каждому конкретному нарушению уголовно-правовых запретов.

3. Норма уголовно-процессуального законодательства о прекращении уголовного преследования ввиду незначительности, маловажности деяния и ничтожности его последствий устанавливает правовой механизм осуществления, условия и порядок реализации уголовно-правовой нормы о малозначительности деяния.

4. Определение малозначительности деяния через оценочные признаки, выраженные в терминах «явная», «маловажность», «незначительность», «ничтожность», требует от правоприменителя самостоятельного наполнения содержания данных признаков при отсутствии каких-либо формально-определенных критериев.

Эволюция института малозначительности деяния привела к трансформации его содержания. Так в ст. 7 УК РСФСР 1960 г. малозначительность деяния также, как и в предшествующем уголовном законе выступает основанием для исключения общественной опасности деяния и соответственно не признания его преступлением. Однако в отличие от УК Р.С.Ф.С.Р. 1926 г. в УК РСФСР 1960 г. говорится, что малозначительным может быть не только действие, но и бездействие, и при этом отсутствует упоминание о явном характере малозначительности. Кроме того, в данной норме нет указания на то, что общественная опасность деяния как-то связана с вредными последствиями. Таким образом, можно сказать,

что законодатель еще больше расширил возможность судебного усмотрения в части установления основания признания деяния не представляющего общественной опасности в силу малозначительности.

Отмечаем, что корреспондирующей уголовно-процессуальной нормы, предусматривающей порядок и условия реализации уголовно-правовой нормы о малозначительности деяния в УПК РСФСР 1960 г., не появилось. Правда в ст. 50 УПК РСФСР указывалось, что лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности, может быть освобождено от уголовной ответственности. При этом в его отношении может быть принято одно из решений: о привлечении лица к административной ответственности; о передаче материалов дела на рассмотрение товарищеского суда; о передаче материалов дела на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних; о передаче лица на поруки общественной организации или трудовому коллективу. Однако здесь речь идет о деянии, не представляющем *большой* (курсив мой – М.Г.) общественной опасности, в то время как в уголовном кодексе, где малозначительность выступает основанием для непризнания деяния преступлением, такого оценочного признака общественной опасности не содержится. Логично предположить, что полное отсутствие общественной опасности не позволяет поставить деяние в один ряд с любым правонарушением и исключает к применению к лицу хоть каких-либо санкций. Однако такое серьезное решение должно быть подкреплено основательными аргументами, базирующимися на глубоком и всестороннем исследовании формально установленного криминального события со стороны органов следствия и суда с, но как это сделать без каких-бы то ни было законодательных критериев, не понятно. В том числе поэтому сегодня некоторые исследователи считают норму о малозначительности деяния нежизнеспособной, предлагая исключить ее из уголовного закона[3].

УК РФ 1996 г. в первоначальной редакции содержал норму о малозначительности деяния отличающуюся от УК РСФСР 1960 г. Причем это

отличие довольно значительное, так как в ч. 2 ст. 14 УК РФ появилось понятие малозначительного деяния не представляющего общественной опасности – «не причинившее вреда и не создавшее угрозы причинения вреда личности, обществу или государству». Как видно законодатель по сути частично вернулся к положениям УК РСФСР. 1926 г., где главным критерием малозначительности признавалось отсутствие вреда охраняемым уголовным законам интересам.

Такой подход представляется логичным, и кстати норма о малозначительности деяния именно в такой редакции, с незначительными отступлениями, воспроизведена в ч. 2 ст. 18 действующего Уголовного кодекса Республики Армения 2003 г. Однако уже в 1998 г. российский законодатель внес изменения в ч. 2 ст. 14 УК РФ и исключил определение малозначительности через отсутствие причиненного или ожидаемого вреда, вернувшись таким образом к позициям УК РСФСР 1960 г. Такую же позицию занял и казахский законодатель, практически дословно воспроизведя в действующем Уголовном кодексе Республики Казахстан 2014 г. аналогичную норма из УК РФ.

Здесь следует отметить, что наиболее развернутое определение малозначительности, в силу которого действие или бездействие не является преступлением дал белорусский законодатель в ч. 4 ст. 11 действующего Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. При этом малозначительность деяния исключает не всякую общественную опасность, а только присущую преступлению, а ее главным критерием признается содержательная характеристика деяния – невозможность причинения *существенного* (курсив мой – М.Г.) вреда охраняемым уголовным законом интересам. Также устанавливается, что признание деяния малозначительным не исключает применение мер административного или дисциплинарного взыскания. Кстати возможность привлечения лица, совершившего малозначительное деяние к другой юридической ответственности, допускают и отечественные исследователи[4].

Между тем, в российской правоприменительной практике, связанной с признанием деяния малозначительным фактически устанавливаются критерии малозначительности, которые, однако не зафиксированы ни в уголовном, ни в процессуальном законодательстве. Верховный суд Российской Федерации в Кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам от 01.06.2021 № 3-УДП21-16-К3 по делу Косьяненко Е.П. прямо указал, что «возможность или невозможность расценивать деяние в качестве малозначительного не может быть установлена абстрактно, исходя только из сформулированного в уголовном законе конструкции состава преступления, за совершение которого установлена ответственность».

В связи с этим предлагаем в УК РФ применить интегрированный подход и сформулировать *de lege ferenda* следующее содержание нормы о малозначительности деяния:

«Не является преступлением деяние, не представляющее общественной опасности в силу малозначительности, определяемой с учетом объекта посягательства, степени реализации преступных намерений, характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли лица в преступлении, совершенном в соучастии, вида умысла либо неосторожности, поведения лица, предшествующего совершению деяния и (или) в период совершения деяния, обстоятельств, способствовавших совершению деяния».

Корреспондирующую норму об основаниях и условиях прекращения уголовного преследования ввиду малозначительности деяния следует ввести и в уголовно-процессуальное законодательство.

Список литературы

1. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

2. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 (ред. от 31.01.1958) «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.
3. Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2014. С. 20.
4. Пудовочкин Ю. Е. Оценка степени общественной опасности при установлении малозначительности деяния (по материалам судебной практики). Российское правосудие. 2019. № 8. С. 59-75.

PROBLEMS OF INSIGNIFICANCE OF ACTS IN CRIMINAL LAW

Maxim Gennadievich Zhilkin, Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, Department of Criminal Law and Criminology, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the genesis of the Russian criminal and criminal procedure legislation on the insignificance of an act, conducts a comparative legal analysis of the legislative design of this institution in the current legislation of Armenia, Belarus, Kazakhstan and Russia, identifies certain problems associated with the application of the rule on the insignificance of an act, and proposes their solution. from the standpoint of de lege ferenda.

Keywords: insignificance of the act, public danger, evaluative concepts, comparative legal analysis, criminal law.

ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Зайцев Олег Александрович, главный научный сотрудник центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Нудель Станислав Львович, заведующий центром уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук

Семыкина Ольга Ивановна, ведущий научный сотрудник центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

Аннотация. Авторы статьи на основе сравнительно-правового анализа источников, раскрывающих «в режиме реального времени» основные направления совершенствования уголовной политики государств – участников СНГ в сфере обеспечения экономической безопасности раскрывают основные тенденции развития национального уголовного и уголовно-процессуального законодательства по делам о преступлениях, сопряженных с осуществлением экономической деятельности. Делается вывод о сходных векторах трансформации уголовно-правовых и уголовно-процессуальных институтов как, движущихся в направлении либерализации, так и ригоризма.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовный кодекс, экономическая безопасность, экономическая деятельность, преступления в сфере экономики, субъект предпринимательства, государства – участники СНГ.

В последнее десятилетие константой уголовной политики государств – участников СНГ в сфере обеспечения экономической безопасности стала тенденция либерализации уголовного законодательства по делам о преступлениях экономической направленности, сопряженных с ведением предпринимательской деятельности. Сравнительно-правовой анализ нормативных правовых источников, формирующих основные направления совершенствования уголовной политики государств – участников СНГ в данной области, позволяет говорить о сходных, но не идентичных, векторах трансформации институтов Общей части (прежде всего, об уголовной ответственности) и Особенной части (с акцентом на систему преступлений в сфере экономической деятельности) национальных уголовных кодексов. Речь идет о пересмотре традиционных и внедрении новых уголовно-правовых механизмов защиты свободы экономической деятельности, прав и законных интересов добросовестных субъектов предпринимательства от риска применения к ним репрессивных мер «жесткого права».

На сегодняшний день, центробежная сила таких новаций обновила и дополнила многие институты уголовного права. В рамках Общей части уголовных кодексов государств – участников СНГ эти преобразования коснулись, например, одного из самых динамичных институтов – освобождения от уголовной ответственности [1].

В уголовных кодексах многих государств – участников СНГ «привилегии» освобождения от ответственности за преступления в сфере экономической деятельности нашли закрепление в нормах Общей части. Например, на основании ст. 88-1 УК Республики Беларусь [2] лицо освобождается от уголовной ответственности за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, в том числе против порядка осуществления экономической деятельности, если оно на добровольной основе возместило причиненный ущерб, уплатило преступный доход и выполнило иные, определенные нормативным правовым актом [3], условия освобождения. Иной подход освобождения от ответственности в связи с возмещением

ущерба демонстрируют УК Азербайджанской Республики (ст. 73-2)[4] и УК РФ (ст. 76.1)[5], дифференцируя такие основания в зависимости от видов преступлений, совершенных в сфере экономической деятельности[6].

В уголовных кодексах некоторых стран государств – участников СНГ дерепрессивные механизмы стимулирующей направленности включены также в положения Особенных частей в виде привилегированных оснований освобождения субъектов преступлений в сфере экономики от ответственности либо отдельных видов наказания.

В частности, в примечании 2 к гл. 25 УК Республики Беларусь установлен запрет на назначение наказания в виде лишения свободы лицам, впервые осуждаемым за преступления против порядка экономической деятельности, не представляющие большой общественной опасности либо являющиеся менее тяжкими. УК Республики Казахстан в п. 2 ч. 1 ст. 55 содержит указание о снижении судами репрессии уголовного закона путем назначения (в пределах санкции статьи или части статьи Особенной части) за совершение деяний в сфере экономической деятельности менее строгого наказания по сравнению с лишением свободы. В УК Республики Узбекистан[7] в плоскости либерализации норм уголовного законодательства находятся исключение негативной практики применения к субъектам таких деяний принципа «non bis in idem» путем установления запретов: а) на назначение им наказания в виде лишения права на занятие предпринимательской деятельностью (ч. 5 ст. 45); б) применения наказания в виде лишения свободы и ограничения свободы в случае полного возмещения должностными лицами хозяйствующих субъектов причиненного имущественного ущерба (ч. 4 ст. 167, ч. 4 ст. 168, ч. 2 ст. 180, ч. 2 ст. 181). По некоторым видам преступлений в сфере экономики УК Республики Узбекистан допускает освобождение от уголовной ответственности при отсутствии рецидива и возмещении нанесенного деянием ущерба в 30-дневный срок со дня обнаружения посягательства (ч. 4 ст. 178, ч. 3 ст. 180, ч. 3 ст. 181, ч. 2 ст. 188, ч. 4 ст. 190)[8].

Имеется еще одна, межотраслевая модель освобождения от ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, «пронизывающая» кроме отраслей уголовного и уголовно-процессуального права, иные общественные отношения – налоговые, бюджетные и банковские. Например, в Российской Федерации[9] и Республике Казахстан[10] апробировано «сквозное» для отраслей уголовного, уголовно-процессуального и налогового права основание освобождения (амнистии) от уголовной ответственности субъектов экономической деятельности вследствие признания государством прав на имущество, выведенного из легального экономического оборота, на основании процедуры его добровольного декларирования (легализации)[11].

Как видно, в уголовных кодексах государств – участников СНГ не имеется универсальной модели уголовно-правовых механизмов, стимулирующих субъектов преступлений в сфере экономической деятельности к положительному посткриминальному поведению как основному условию освобождения их от уголовной ответственности. Однако параметры целеполагания у них все же тождественны. В частности, активация таких оснований допустима лишь при достижении компромисса (консенсуса) между сторонами конфликта: государство отказывается от «традиционной» реакции на совершенное преступление, а субъект деяния – исполняет важнейшие условия, среди которых, как правило, добровольное возмещение ущерба, причиненного преступлением, и содействие правосудию[12].

Как и в Российской Федерации[13], в государствах – участниках СНГ ведется активная законотворческая работа по оптимизации ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, в том числе в форме декриминализации деяний данной категории. Например, в УК Республики Беларусь утратили общественную опасность нарушение порядка открытия счетов за пределами Республики Беларусь (ст. 224), лжепредпринимательство (ст. 234), нарушение антимонопольного законодательства (ст. 244),

ограничение конкуренции (ст. 247), незаконное использование (ст. 248) и дискредитация (ст. 249) деловой репутации конкурента[14].

В уголовной политике государств – участников СНГ оптимизация уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности состоит в форме криминализации нарушений принципа свободной экономической деятельности. В частности, в УК Республики Казахстан установлена ответственность за рейдерство (ст. 249) и усилена криминализация злоупотреблений со стороны сотрудников правоохранительных органов и судей (ст. ст. 361, 365, 366 и 369). Общественную опасность рейдерских захватов признает и УК Кыргызской Республики[15] (ст. 226). В УК Республики Узбекистан в разделе третьем «Преступления в сфере экономики» УК Республики Узбекистан гл. XIII.1 криминализировано совершенное должностными лицами правоохранительных, контролирующих и других государственных органов воспрепятствование осуществлению хозяйствующими субъектами экономической деятельности и реализации права частной собственности (ст. ст. 192-1, 192-2) [16].

Если говорить об уголовно-процессуальном законодательстве, то «привилегированный заслон» на произвол должностных лиц, уполномоченных на ведение уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, сопряженных с предпринимательской деятельностью, включен, в частности, в институты доследственных и досудебных проверок (ревизий), возбуждения уголовных дел, избрания мер пресечения, прекращения уголовного преследования, доказывания и доказательств по уголовным делам [17].

Например, в соответствии с ч. 2 ст. 122 УПК Республики Казахстан орган уголовного преследования по ходатайствам участников процесса или по собственной инициативе вправе по находящемуся в его производстве уголовному делу требовать производства ревизий и проверок от органов и должностных лиц, уполномоченных на это законодательством Казахстана.

Но о требовании производства таких ревизий и проверок орган уголовного преследования обязан в течение суток уведомить прокурора. В соответствии с ч. 2 ст. 260 УПК Республики Казахстан [18] только согласованное с прокурором требование органа уголовного преследования является основанием для руководителей и других должностных лиц государственных органов, предприятий, учреждений, организаций для проведения внеплановой проверки, документальной ревизии или иной служебной проверки субъектов предпринимательства.

В УПК Республики Узбекистан [19] внесены коррективы в один из концептуальных институтов стадии досудебного производства – возбуждения уголовного дела. Так, в ч. 5 ст. 331 УПК определяется, что такие уголовные дела в отношении субъектов предпринимательства по фактам, связанным с предпринимательской деятельностью, возбуждаются только с санкции прокурора. В структуру разд. 3 Общей части УПК Республики Узбекистан о доказательствах и об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, включена гл. 22.1 о производстве ревизий малого бизнеса и частного предпринимательства. Такая ревизия назначается постановлением дознавателя, следователя, прокурора или определением судьи в связи с возбужденным уголовным делом в тех случаях, когда сведения об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, могут быть получены лишь путем изучения и сопоставления бухгалтерских, финансовых, статистических, банковских и иных документов проверяемых субъектов. Причем предмет ревизии четко ограничен ст. 187.1 УПК Республики Узбекистан [20].

В Азербайджанской Республике сформирован междисциплинарный институт производства проверок субъектов предпринимательства. Так, на основании Закона Азербайджанской Республики от 20 октября 2015 г. № 1410-IVQ «О приостановлении проверок в сфере предпринимательства» [21] в целях стимулирования предпринимательской деятельности в период до 1 января 2023 г. могут проводиться только ограниченные виды проверок. В

их числе названный Закон указывает, например, налоговые проверки, проверки в сфере финансовых рынков, в рамках надзора за соблюдением законодательства о противодействии легализации преступных доходов, а также по случаям, создающим серьезную угрозу жизни и здоровью людей, безопасности и экономическим интересам государства. До истечения этого срока проверяющие органы не могут проводить другие плановые и внеплановые проверки субъектов предпринимательской деятельности. Иные вопросы производства проверок, выходящие из сферы предмета правового регулирования названного Закона, закрепляются в Законе Азербайджанской Республики от 2 июля 2013 г. № 714-IVQ «О регулировании проверок, проводимых в области предпринимательства и защите прав предпринимателей»[22].

В некоторых государствах – участниках СНГ в рамках антикоррупционного блока норм развивается еще одна актуальная тенденция – разработка типовых нравственно-этических принципов поведения должностных лиц, непосредственно уполномоченных на производство проверок деятельности хозяйствующих субъектов. Например, в Кодексе этики проверяющих должностных лиц Республики Таджикистан [23] уточняются правила поведения соответствующих должностных лиц: соблюдение обычаев народов, социально-этических групп, толерантности и профессиональной культуры; недопустимость превышения служебных полномочий, личной неприязни, обиды, вражды и национализма, местничества; беспристрастность; запреты на получение подарков и иных проявлений внимания [24].

Резюмируя изложенное, отметим следующее. Представленные модели либерализации уголовного и уголовно-процессуального законодательства в юрисдикциях ряда государств – государств СНГ хотя и не идентичны в своем концепте, но преследуют тождественную цель защиты частной собственности и выведения из системы уголовного правосудия добросовестных, готовых к добровольному сотрудничеству с государством и

покрытию материальных убытков субъектов предпринимательства. На достижение этой цели и направлены тренды:

– снижения степени карательного воздействия уголовного закона и усиления механизмов, стимулирующих субъектов преступлений в сфере экономической деятельности к положительному посткриминальному поведению путем введения поощрительных и согласительных оснований урегулирования уголовно-правового конфликта (например, в Российской Федерации, Азербайджанской Республике, Республике Беларусь, Республике Казахстан);

– декриминализации преступлений в сфере экономической деятельности, исходя из соразмерности ответственности субъекта экономической деятельности характеру и степени общественной опасности совершенного им деяния (в частности, в Российской Федерации, Республике Беларусь, Республике Узбекистан);

– криминализации нарушений принципа свободной экономической деятельности (путем вмешательства в деятельность хозяйствующего субъекта либо в целях завладения правом управления в нем) как со стороны специальных субъектов – должностных лиц правоохранительных, контролирующих (надзорных) и иных государственных органов (как это осуществлено в Республике Беларусь и Республике Казахстан);

– расширения дерепрессивного подхода к назначению наказания за совершение преступлений в сфере экономической деятельности, предполагающему введение привилегированных оснований для неприменения к субъектам таких преступлений видов наказания, связанного с изоляцией от общества (в Республике Беларусь, Республике Казахстан, Республике Узбекистан).

– формирование междисциплинарных основ правовой защиты субъектов предпринимательства, в рамках которых гарантии обеспечения свободы экономической деятельности корреспондируются с уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными запретами воспрепятствования

экономической деятельности.

Список литературы

1. Экономическая безопасность (уголовно-правовые механизмы обеспечения): монография / отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2021. С. 297-305; Хатеневич Т.Г. Освобождение от уголовной ответственности: законодательная модель института и вопросы реализации с учетом параметров целеполагания // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе: [сборник научных статей] / Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. — Минск. — 2017. — Вып. 3. С. 228-229, 231-233.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275>.
3. Указ Президента Республики Беларусь от 3 декабря 1994 г. № 250 «Об утверждении Положения о порядке осуществления в Республике Беларусь помилования осужденных, освобождения от уголовной ответственности лиц, способствовавших раскрытию и устранению последствий преступлений» (в ред. от 26 марта 2021 г. № 122). URL: <https://president.gov.by/bucket/assets/uploads/documents/2021/122uk.pdf>.
4. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2670.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/codex/>.
6. Зайцев О.А., Маликов С.В., Нудель С.Л. Вопросы освобождения от уголовной ответственности за преступления в финансово-бюджетной сфере // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 469. С. 63–68; Нудель С.Л. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения экономической безопасности (проблемы и тенденции законодательной регламентации) // Журнал Российского права. 2020. № 6. С. 106–119; Гравина А.А. Гуманизация уголовного законодательства и ее роль в предупреждении преступлений в сфере предпринимательской деятельности // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 85–95; Экономическая безопасность (уголовно-правовые механизмы обеспечения): монография / отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2021. С. 288-291, 301-302.
7. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XI. URL: <https://lex.uz/docs/111457>.
8. Уголовно-правовая охрана финансово-бюджетной сферы: научно-практическое пособие / отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2021. С. 278; Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование: монография / В.Ю. Артемов, И.С. Власов, Н.А. Голованова и др.; отв. ред. Н.А. Голованова, С.П. Кубанцев; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2019. С. 127-128.
9. Федеральный Закон РФ от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ «О добровольном

- декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СПС «Консультант Плюс»); ч. 3 ст. 76.1 УК РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (СПС «Консультант Плюс»); п. 6 ч. 3 ст. 56, пп. 2.2 и 2.3 ч. 2 ст. 75, ч. 3 ст. 140, п. 4.1 ч. 4 ст. 164 УПК РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (СПС «Консультант Плюс»)
10. Закон Республики Казахстан от 30 июня 2014 г. № 213-V ЗРК «Об амнистии граждан Республики Казахстан, оралманов и лиц, имеющих вид на жительство в Республике Казахстан, в связи с легализацией имущества» (URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000213>); п. 2 ч. 5 ст. 48, ст. 223, п. 2 ч. 4 ст. 361, п. 4 ч. 4 ст. 362 и п. 4 ч. 3 ст. 365 УК Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК (URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>); ч. 2 ст. 122 УПК Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК (URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>).
  11. Уголовный закон и экономическая деятельность (соотношение частных и публичных интересов): научно-практическое пособие / В.Ю. Артемов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина [и др.]; отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. — Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2020. С. 357, 361, 368-369, 371-374.
  12. Семькина О.И. «Консенсусное правосудие» по уголовным делам: новации государств – участников СНГ // Государство и право. 2021. № 8. С. 50-58.
  13. Зайцев О.А., Нудель С.Л. Уголовно-правовая ситуация в области обеспечения экономической безопасности: состояние и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 34–49.
  14. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / В.П. Кашепов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина и др.; отв. ред. В.П. Кашепов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ООО «Юридическая фирма КОНТРАКТ», 2018. С. 247-251; Шаблинская Д.В., Ладутько В.К. Декриминализация как направление уголовно-правовой политики в сфере борьбы с преступлениями против порядка осуществления экономической деятельности // Формирование эффективной уголовной политики и оптимальной модели досудебного производства – приоритетная задача юридической науки и практики: сб. материалов Междунар. научно-практ. конф., Минск, 25–26 апр. 2019 г. // Следств. ком. Респ. Беларусь; редкол.: С.Я. Аземша (гл. ред.) [и др.]. – Минск: ЮрСпектр, 2019. С. 134–138; Лукашов А.И. Уголовный закон как регулятор имущественных отношений и хозяйственной деятельности: новеллы 2019 года // Юстиция Беларуси. 2019. № 2. С. 33–39; Лукашов А.И. Уголовный закон как регулятор имущественных отношений и хозяйственной деятельности: новеллы 2019 года // Юстиция Беларуси. 2019. № 3. С. 28–34; Марчук В.В. Уголовно-правовая политика в сфере обеспечения экономической деятельности и проблемы правоприменения // Формирование эффективной уголовной политики и оптимальной модели досудебного производства – приоритетная задача юридической науки и практики: сб. материалов Междунар. научно-практ. конф., Минск, 25–26 апр. 2019 г. // Следств. ком. Респ. Беларусь; редкол.: С.Я. Аземша (гл. ред.) [и др.]. – Минск : ЮрСпектр, 2019. – С. 72–78.
  15. Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309?cl=ru-ru>.
  16. Семькина О.И., Ключко Р.Н. Преступления в сфере экономической деятельности: гуманизация и ригоризм уголовной политики государств – участников СНГ // Уголовная политика в области обеспечения экономической безопасности: вызовы и угрозы: материалы международного круглого стола «Уголовная политика в области

- обеспечения экономической безопасности: вызовы и угрозы» (Москва, 30 ноября 2021 г.) / отв. ред. О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. М.: Юриспруденция, 2021. С. 206-216.
17. Уголовный закон и экономическая деятельность (соотношение частных и публичных интересов): научно-практическое пособие / В.Ю. Артемов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина [и др.]; отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2020. С. 356-367, 381-383.
  18. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>.
  19. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII. URL: <https://lex.uz/docs/111463>.
  20. Уголовный закон и экономическая деятельность (соотношение частных и публичных интересов): научно-практическое пособие / В.Ю. Артемов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина [и др.]; отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2020. С. 384-389.
  21. https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=80309.
  22. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=64236.
  23. Кодекс этики должностных лиц проверяющих органов: утвержден Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 7 октября 2016 г. № 421. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=94729.
  24. Экономическая безопасность (уголовно-правовые механизмы обеспечения): монография / отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2021. С. 318-319.

TRENDS IN THE CRIMINAL POLICY OF THE CIS MEMBER STATES IN THE FIELD OF ENSURING ECONOMIC SECURITY

Zaitsev Oleg Alexandrovich, Chief Researcher of the Center for Criminal, Criminal Procedure Legislation and Judicial Practice, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Nudel Stanislav Lvovich, Head of the Center for Criminal, Criminal Procedure Legislation and Judicial Practice, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law

Semykina Olga Ivanovna, leading researcher of the Center for Criminal, Criminal Procedure Legislation and Judicial Practice, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, PhD

Abstract. The authors of the article, on the basis of a comparative legal analysis of sources that reveal "in real time" the main directions for improving the criminal policy of the CIS member states in the field of ensuring economic security, reveal the main trends in the development of national criminal and

criminal procedure legislation in cases of crimes involving the implementation economic activity. The conclusion is made about similar vectors of transformation of criminal law and criminal procedure institutions, both moving in the direction of liberalization and rigorism.

Keywords: criminal policy, criminal code, economic security, economic activity, economic crimes, business entity, CIS member states.

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО НОВОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Зограбян Наира Юрьевна, и .о. заведующей кафедрой уголовного права и уголовно-процессуального права Института права и политики Российско-Армянского университета, кандидат юридических наук

Уголовно-правовая реформа Республики Армения привела к принятию концептуально нового уголовного кодекса. В числе прочих нововведений новое уголовное законодательство содержательно изменило главу об обстоятельствах, исключающих противоправность деяния (глава 6 нового УК РА). Этому предшествовали ряд изменений в других главах, во-первых, в новой редакции изменилось название главы 4 (в новом УК это глава 5) «преступление и его признаки», вследствие этого законодатель обоснованно переместил такие статьи, как невменяемость, невиновное причинение вреда (они уже не вписывались в контексте названия главы 5 УК РА) и объединил их в главу 6 под названием «Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность».

Следует отметить, что они различны как по критериям, так и по основаниям. Некоторые из них социально полезны и в силу этого не образуют преступления (необходимая оборона, крайняя необходимость, обоснованный риск и т.д.), другие не содержат состава преступления (невменяемость). Не вписываются в эту систему также добровольный отказ от совершения преступления, малозначительность деяния, истечение сроков давности, законодатель воздержался от их объединения в рамках одной главы. Произведенные изменения можно рассматривать исключительно с позиции одного факта, а именно все они, в конечном итоге исключают уголовную ответственность. В этом случае законодатель игнорирует социальные свойства совершенных совершенных деяний.

Эти признаки относятся к различным элементам состава преступления, невменяемость, не достижение возраста – признаки субъекта преступления,

отсутствие вина относится к субъективной стороне. Единственным объединяющим критерием, разных по содержанию обстоятельств, является отсутствие уголовной ответственности. Но основания различаются, при невменяемости отсутствие обязательного признака субъекта преступления, при добровольном отказе – отсутствие состава преступления.

Что касается терминологии, то рассматриваемые обстоятельства по-разному именуется в уголовно-правовой науке: обстоятельства, исключающие преступность деяния, обстоятельства исключающие уголовную ответственность, обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния, основания уничтожающие преступность деяния и т.д.

Проведем семантический анализ термина «обстоятельство» - это явление, сопутствующее другому явлению, с ним связанное. Название главы 8 «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» давало простор для воображения и, некоторые авторы расширительно его толковали, например, Трахов, говорил, что речь идет о преступлениях, совершенных при этих обстоятельствах, а не о самих обстоятельствах, и что название и содержание главы не совпадают. С.В.Пархоменко [1], в своей монографии ввела в обиход новый термин «деяние преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости». Ключевым аспектом здесь является то, что вред является основным критерием разграничения преступного деяния от не преступного. За пределами главы 8 УК РФ остались такие обстоятельства как малозначительность деяния, невменяемость, невиновное причинение вреда, добровольный отказ от преступления.

Наличие в главе 8 обстоятельств, при наличии которых причинение вреда не влечет уголовной ответственности, также порождает много проблем. В.П. Коняхин [2] отмечает, что управомочивающие предписания, закрепленные в общей части УК, наделяют участников правоотношений субъективными правами, указывают на возможность активного

использования предоставленных дозволений. Да, эти нормы позволяют отграничивать преступное поведение от поведения, вынужденного причинить вред, разрешенный уголовным законом, является социально полезным, стимулирует общественно полезное поведение, которое несмотря на причиненный вред, не является преступлением. Предложено также определение Разрешенное причинение вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния.

По мнению А.В. Наумова, «все обстоятельства исключают и уголовную противоправность, и общественную опасность, и виновность, и наказуемость деяния, а следовательно, его преступность» [3]. Принимая во внимание тот факт, что настоящая концепция соответствует изменениям отечественного и международного уголовного законодательства и коррелирует с выводами западной юридической науки, нельзя не отметить ее радикальность: отрицание преступности деяния по абсолютному основанию – отсутствию всех признаков преступления. Рассматривая основания, исключающие преступность деяния, С.Г. Келина дифференцирует их на деяния, исключающие общественную опасность, противоправность или виновность [4]. Ю. В. Баулин выделяет следующие группы обстоятельств, исключающих преступность деяния: 1) первая группа объединяет поступки, отличающиеся присущей преступлению степенью опасности, которые, однако, по каким-либо причинам не предусмотрены уголовным законом. Эти поступки целесообразно именовать обстоятельствами, исключающими уголовную противоправность деяния; 2) вторая группа охватывает деяния, формально соответствующие признакам определенного состава преступления, но по своему содержанию лишены общественной опасности; 3) в третью группу входят общественно значимые поступки, которые, внешне напоминая преступление, в отличие от него характеризуются положительным социально-политическим содержанием и соответствуют признакам юридической формы правомерного поведения [5].

Рассматривая юридическую природу обстоятельств, исключающих преступность деяния, необходимо определить какой из признаков, характеризующих преступление отсутствует: общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость. Общественная опасность как признак разграничивающий преступление от административного правонарушения, здесь также играет важную роль и от этого отталкиваются, исключая в рассматриваемой системе обстоятельств наличие общественно опасного вреда.

Во главе ставится теория социальной полезности, но даже в этом случае, справедливости ради следует выделить, что указанные обстоятельства обладают разной степенью полезности (при необходимой обороне, крайней необходимости, обоснованном риске, причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, в то время как психическое или физическое принуждение, исполнение приказа или распоряжения не являются полезными, хотя и исключается уголовная ответственность в силу отсутствия общественной опасности. Для определения юридической природы обстоятельств, исключающих преступность деяния, необходимо проанализировать признаки преступления и степень их отражения в содержании вышеназванных обстоятельств.

Общественная опасность проявляется в следующих признаках: способность причинять вред, охраняемым уголовным законом общественным интересам, деяние является общественно опасным в конкретном случае, обстоятельства, относящиеся к субъекту и субъективной стороне, причинение вреда объекту, возможность причинения вреда объекту и т.д. Все обстоятельства, предусмотренные в главе 8 УК РФ и в главе действующего УК РА предусматривают признак общественной опасности, в каждом из этих обстоятельств указывается на фактическое причинение вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Таким образом, совершение преступления в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости, обоснованного риска, осуществление профессиональных функций и т.д.

обладает общественной опасностью, но при соблюдении мер допустимости и соразмерности причиненного и предотвращенного вреда, противоправность деяния исключается.

Если пойти по пути исключения общественной опасности из содержания рассматриваемой группы обстоятельств, то появится возможность внести в данную группу обстоятельств такие как, добровольный отказ, истечение сроков давности. Высок риск расширительного толкования необходимости, оправдание тяжких последствий при отражении, например, посягательства. Армянский законодатель в новом уголовном кодексе предусмотрел понятие формальное определение преступления: «преступлением признается виновно совершенное субъектом преступления деяние, запрещенное настоящим кодексом под угрозой наказания». Как видим, законодатель отказался от материального признака преступления, однако в содержании обстоятельств, исключающих преступность деяния, он указывает на фактическое причинение вреда, то есть признак общественной опасности является ключевым.

Что касается признака «социальной полезности причинения вреда», то необходимо не допустить смещения акцента морально-этическую сферу.

Признак противоправности деяния означает его запрещенность уголовным законом. В новом уголовном законе в содержании обстоятельств, исключающих преступность деяния, допускается факт причинения вреда, то есть даже при наличии общественной опасности, деяние не может являться противоправным. В доктрине уголовного права давно существует мнение, что признак противоправности является производным признака общественной опасности. Невозможно не согласиться с мнением А.В. Наумов, «настало время отказаться от принятой трактовки взаимосвязи материального и формального признаков преступления, когда в основу кладется общественная опасность, а уголовная противоправность объявляется производным от него... В правовом государстве первое место должен занять признак противоправности».

Указывая в ст. 37 – 42 УК РФ на то, что не является преступлением причинение вреда в состоянии необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, физического и психического принуждения, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения, закон, по сути, лишает деяние формального признака преступности – его противоправности, а внешние факторы, вызвавшие причинение вреда (общественно опасное посягательство, совершение задерживаемым преступления, наличие опасности и др.), являются условиями, непосредственно устраняющими противоправность посредством прямого указания в УК РФ на отсутствие преступления. При наличии того или иного условия, предусмотренного в ст. ст. 37 – 42 УК РФ, в деянии фактически сохраняются все признаки состава преступления, однако оно не признается таковым в силу наличия дозволяющего обстоятельства, нивелирующего противоправность причинения вреда. В то же время нарушение условий правомерности обстоятельств позволяет оценивать такой вред как преступный.

Что касается признака виновности, то следует признать, в случаях, когда лицо, причиняет вред при отражении посягательства, при задержании лица, совершившего преступление, делает это осознанно, целенаправленно, и можно с уверенностью констатировать, что имеет место психологическая составляющая виновности.

Существующая в науке уголовного права мнение, что в УК РФ и действующем УК РА дано только общее определение обстоятельств, исключающих преступность деяния, и это примерный перечень. Поэтому в своих исследованиях авторы расширяют систему обстоятельств, исключающих преступность деяния, посредством включения иных обстоятельств: выполнения служебных и профессиональных обязанностей, добровольный отказ, малозначительность, причинения вреда при выполнении профессионального задания, осуществления законного права т.д.

Армянский законодатель в новом уголовном кодексе предусмотрел расширительный перечень таких обстоятельств.

В заключении, отметим, что решение данного вопроса видится в следующем контексте:

1. Глава «Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность», в которой предусмотрены следующие обстоятельства: невменяемость, невиновное причинение вреда, причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии нервно-психической нагрузки, истечение сроков давности,
2. Глава «Обстоятельства, исключающие противоправность деяния», в которой предусмотрены следующие обстоятельства: необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего противоправное посягательство, крайняя необходимость, непреодолимая сила, физическое или психическое принуждение, обоснованный риск, осуществление профессиональных функций, спортивный риск, выполнение требований закона или иных правовых актов, сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Литература

1. Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. Дисс. д-ра юрид.наук. Иркутск. 2004.С.137
2. Коняхин В.П. Теоретические основы построения общей части российского уголовного права. Монография СПб.: Юрид.центр «Пресс», 2002.С.148
3. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. М.: Проспект. 2019. С.312
4. Келина С.Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: преступность и виды // Уголовное право 1999. N3 С.5-7
5. Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Харьков: Основа. 1991.С.24.

СОВРЕМЕННАЯ УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В СТИЛЕ НУАР

Иванов Никита Георгиевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, профессор кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России.

Сразу хочу пояснить, в каком значении употреблено слово «нуар». Оно употреблено в значении пессимизма и разочарования. Существительное «нуар» чаще всего характеризует кинематографический жанр, который отличает сюжетная неопределённость, порождающая смутную тревогу, пессимизм. Взирая на «мятущиеся» кадры современной уголовной политики, я не мог не вспомнить об этой жанровой картинке, поэтому и воспользовался её семантическими услугами, дабы в рамках этой реплики предложить видение современной уголовной политики главным образом Российского государства, но, как мне представляется, характеризующей и этапы развития законодательства других государств, в частности, армянского уголовного законодательства.

Желающих дать собственное определение уголовной политики много, отчего в литературе по уголовному праву представлено множество дефиниций, но, если их обобщить, всё сводится к одному общему направлению, которое лапидарно представлено в книге М.М.Бабаева и Ю.Е.Пудовочкина: «Уголовная политика – это социальная политика борьбы с преступностью» [1]. Всё остальное – частности, которые имеют отношение к генеральной линии и таких частностей может быть сколько угодно много, хотя они не влияют на генеральную линию политических амбиций «борцов с преступностью»¹.

Уголовная политика, по крайней мере в российских пределах, давно практически во всех изданиях характеризуется как нечто непоследовательное, чреватое скорее ожидаемыми, чем неожиданными всплесками в рамках шараханий от либерализма до ригоризма. Выбор варианта реагирования на социальные обстоятельства в нормативном плане

---

¹ Мне, автору этой статьи, претит выражение «борьба» в контексте преступности, т.к. это всегда поединок, где выявляется победитель, а на сегодняшний день победа не за борцами. Кроме того, преступность неистребима. Поэтому термин «борьба» должен быть заменён на «воздействие».

зависит от ожиданий и основанных на ожиданиях более или менее реалистичных прогнозах развития внутренней и международной обстановки, а правильное – тенденциях, которые оказывают влияние на нормативно-политические решения. Термин «нормативно-политические решения» употреблён для того, чтобы подчеркнуть статус любого законодательного акта не только как нормативного, но и как политического документа, по которому судят о развитии общественного формирования. Поэтому, когда так называемая «мировая общественность» превозносит либеральные новаторства и, в частности, «вводит в моду» всяческие варианты либерального отношения в нашем контексте к лицам, нарушившим закон, законодатель реагирует на такие вещи, дабы соответствовать. Всё это было со времён победного шествия теории социальной защиты, а затем, новой социальной защиты по миру юриспруденции. В литературе и на законодательных площадках обсуждались идеи Филиппо Грамматика, который определял социальную защиту как реакцию против репрессивного уголовного права: «он добивается замены уголовного права, понимаемого *stricto sensu* (в узком смысле – Н.И.), некарательной системой реакции против антисоциальности» [2]. Грамматика и его сторонники предлагали заменить наказание – ресоциализацией путём использования лечебных и иных превентивных мер. Трудно в этом месте удержаться от сравнения с Вольтером, который предлагал сжечь старые законы, проникнутые волюнтаризмом, и написать новые правильные законы [3]. В настоящее время гуманистические идеи, способствующие торжеству замыслов идеологов теории социальной защиты, воплощаются как я уже заметил, всплесками, перемежающимися с ригористическим отношением к социальным метаморфозам в период, когда проходит либеральная эйфория и наступает этап раздумий (который должен предшествовать решениям) и критики, поскольку в итоге такого рода всплесков, всегда отличающихся непоследовательностью, возникали несообразности. Например, в результате принятия ФЗ от 7 марта 2011 года «О внесении изменений в Уголовный

кодекс Российской Федерации» были отменены нижние пределы наказаний и в итоге преступления в рамках одной статьи, несмотря на их различие в степени опасности, получили одинаковые, но совершенно неоправданные возможности минимизации наказания. Так, в ч.1 ст.111 УК РФ, устанавливающей ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью, минимальное наказание в виде лишения свободы стало одинаковым с минимум лишения свободы по ч.4 этой статьи, где в качестве последствия преступления названа смерть по неосторожности.

Я уже неоднократно писал о том, что либерализм в современной уголовной политике – это тренд, который воплощается не только в идеологическом плане, но и в плане конкретных решений, как это уже было показано на примере ст.111 УК РФ. И этот тренд занимает первую и ведущую позицию как явное, показательное отношение государства к социальным катаклизмам. Все нормативные акты и проекты нормативных актов сопровождаются возгласом (термин, употребляемый в православной службе): в целях дальнейшего гуманизма. Так, цитируемый ФЗ от 7 марта 2011 года предваряется преамбулой о внесении изменений в УК в связи с либерализацией последнего. И дальше либерализм-гуманизм, сопровождающий изменения УК, шествует по всем проектам и вступившим в силу законам как непременный и уже навязчивый артефакт. В одном из последних документов, вносящих новеллы в УК, а именно в пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» (постановление пленума Верховного суда РФ от 13 октября 2020 № 24) предложен такой аргумент «... необходимы дальнейшие меры по гуманизации уголовного законодательства». Но вот парадокс: уголовное законодательство – максимально репрессивное законодательство. Конечно, оно, как и другие отрасли законодательства, должно содержать константы гуманизма, но не беспредельно. Если превышена мера гуманизма в рамках

репрессии, тогда о какой репрессии можно толковать? Фраза «дальнейшие меры» по гуманизации уголовного законодательства которая превращается в некое перманентное состояние, абсурдна главным образом потому, что не сочетается с необходимой для уголовного закона репрессивностью. Кроме того, дальнейшая гуманизация уголовного законодательства предполагает, что нынешний УК – это УК Драконта, что это какой-то кошмар и ужас, который необходимо постоянно очеловечивать. Но тогда может быть вовсе отказаться от УК и пойти по пути социальной защиты, организовав клиники вместо тюрем. Между тем уголовный закон, позволю себе такой афоризм, предназначен для страха (принцип психологического принуждения). В этом контексте актуальными мне представляются философские размышления великого итальянского гуманиста Петрарки, писавшего: «Конечно, жестокость вещь опасная и противная человеческой природе, но страх, откуда бы он ни исходил, - это полезная узда для искоренения пороков и укрощения распутившегося народа»[4]. Мысль Петрарки далеко не нова. Так, уже в старом Завете страх показывается как необходимое условие воздаяния: «Путь Господень – твердыня для непорочных и страх делающих беззаконие» (Притч. 10:29). К такому же мнению приходили и русские мыслители, даже не сопрягая порой страх с эсхатологическими грёзами. Так, Герцен к исходу жизни задаётся вопросом: если произойдёт революция, будет установлен новый строй – станет ли лучше? Потому что свободу может воспринять только свободная личность. А массам нужны благополучие и законность [5]. Кстати: когда помещик Николай Платонович Огарёв объявил крестьянам волю, они упали на колени и умоляли не делать этого. Социологический опрос российских современников подтверждает тезисы, покрытие почтенной завесой седой старины. Так, выяснилось, что более 70 процентов опрошенных россиян готовы пренебречь демократией ради порядка в стране [6]. Так и хочется воскликнуть вслед за героями Водлазкина – вот и весь гуманизм.

Гуманизация, а тем более дальнейшая, нужна только тогда, когда граждане подготовлены к соответствующим отношениям в своих, главным образом, нравственных потенциях и когда позволяет обстановка. Ничего подобного в России, да и в мире нет и когда будет – неизвестно. Поэтому возникает вопрос: *cui prodest* (кому выгодно)? Кому выгодно устанавливать минимальные наказания за максимально опасные преступления (ч.4 ст.111 УК и т.п.), вводить уникальные возможности освобождения от уголовной ответственности за приносящие колоссальную прибыль экономические преступления и формулировать эти составы по лекалу проступков, вводить в рамки УК составы, которые не могут быть преступлениями в силу отсутствия деяния и так далее. Впрочем, ссылка на гуманизм и, естественно, на справедливость, способна всё оправдать. Очень удобно для легализации фантасмагорий и лоббистских атак.

Гуманизм при проведении в жизнь уголовно-политических идей играет, как уже было замечено, главную идеологическую функцию, роль омофора, под которым можно производить любые манипуляции. Но наступает период, когда гуманизм становится неуместен, поскольку государство начинает опасаться разрастающейся преступности, которая может вызвать недовольство масс (а бунт, особенно русский, по выражению А.С.Пушкина, - бессмысленный и беспощадный), в связи с чем Демиург должен делать что-то, что в глазах бюргера может быть оправдано в качестве социальной заботы. В частности – изменение в законодательстве, которое выражается уже в ужесточении нормативного обеспечения блага и процветания граждан. Но, учитывая характер «всплесков» процесса новеллизации, шарханье из гуманизма в жестокость выглядит довольно, мягко выражаясь, противоречиво.

В контексте «жестокости» проявляются разные тенденции, которые и должны проявляться при создании Уголовного кодекса, каковой, повторяю, обязан быть «страшным» с непеременимыми элементами гуманизма. Иначе все начинания в области воздействия на преступность вряд ли будут успешными.

Но вот что недопустимо, так это создание кодекса опасного состояния, который интенсивно разрабатывается в современном юридическом пространстве. Имеется ввиду реанимация ответственности за неоднократность, систематичность, введение судимости в качестве свидетельства повышенной опасности преступления и административной преюдиции. В УК России нормы с такими вариантами множественности деяний активно применяются и это есть ни что иное как следование воззрениям теории социальной защиты, которая развивает интересные идеи гуманистического толка, но содержит одновременно взгляды, способные породить монстра жестокости. Может быть бессознательно, но тем не менее законодатель, вводя в ткань кодекса варианты множественности деяний, которые призваны свидетельствовать о наличии преступления, искажает суть доктрины уголовного права и создаёт преступление там, где можно говорить только о характере преступника.

Напомню, что Филиппо Грмматика и его сторонники предлагали заменить понятие вины, преступления и наказания понятием «опасное состояние личности» и «меры безопасности». Но до этого, в 1912 году, в рамках парижского совещания центрального бюро Международного союза криминалистов было принято важное решение о признании практически необходимым для воздействия на преступность такого феномена, как опасное состояние, наличие которого давало бы право государственного вмешательства даже в том случае, если преступление ещё не было совершено, т.е., как отмечал Адольф Принс, «где нет ни преступления, ни проступка» [7]. Практически то же самое происходит и с введением в УК таких разновидностей, как неоднократность, систематичность судимость и административная преюдиция. Обоснование следующее: «необходимость таких мер обусловлена тем, что лицо, проигнорировав однажды общепринятые в той или иной сфере жизнедеятельности человека правила поведения и понеся за это наказание, вновь неосмотрительно относится к правилам неосторожности»[8]. Вот, собственно говоря, это и есть онтология

обоснования необходимости включения в ткань УК, посредством криминализации, опасного состояния личности. Воздействие, оказанное на субъекта ранее, не дало позитивных результатов, вследствие чего можно говорить о его испорченности, которая должна быть криминализована и таким образом представлена как учёт в законе криминального дрейфа. Но разве от этого повышается степень общественной опасности преступления?

В сущности, множественность деяний, включая множественность преступлений и административная преюдиция, представляют собой акцент на субъективных потенциях индивида-девианта. Исключением в данном случае следует считать совокупность преступлений, которая предполагает ответственность не за субъективные потенции, а за ряд посягательств на важные для общества ценности. Система противоправных актов, их неоднократность и т.п. не претендуют на роль маркера ценностного объекта или особой характеристики посягательства. Посягательство и объект остаются прежними. Повторный акт аналогичного поведения не привносит никаких новшеств в характеристику общественной опасности деяния. Повторяется только поведенческий акт, а степень общественной опасности деяния остаётся прежней. Извольте, учитывайте такое повторение при назначении наказания, пользуясь относительно определёнными и альтернативными возможностями санкций. Но при чём здесь криминализация?

Давно известно, что преступление есть деяние, посягающее на ценностные объекты. Бентам достаточно точно выразил это в сентенции: «преступлением называется всякий акт, который считают нужным запрещать по причине зла, которое он производит или стремится произвести»[9]. Бентам говорил об акте человеческого поведения, что восприняли кодексы практически всех государств. В ст.14 УК РФ преступлением признаётся деяние, такой же акцент на деянии сделан в ст. 18 УК Республики Армения. Деяние, а не деятель с его характеристиками могут быть признаны преступлением.

Я не стану уделять более внимание разновидностям множественности деяний, которые по степени общественной опасности одинаковы и не могут составлять отдельного преступления, характеризуя исключительно потенции деятеля (например, неоднократность, систематичность...), поскольку на эту тему мною уже много сказано, обращаю внимание читателя лишь на один из последних сюжетов, который может быть охарактеризован как апофеоз окончательного воплощения теории опасного состояния в Уголовных кодексах. В российском УК - это статья 210.1, которая называется «Занятие высшего положения в преступной иерархии», за что установлено наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет. В данной связи вспоминается история развития средневековой государственности, когда пираты создавали социальные образования, называли их государствами, как, например, порт Сале на побережье Марокко или Магриб – Варварийский берег и в такой социальной чехарде нелегко было определить, является ли это образование официально признанным государственным образованием или криминальным сообществом. Кстати, европейские государства часто пользовались услугами таких сообществ.

Не собираясь проводить никаких параллелей, хотел бы обратить внимание вот на какие нюансы. Во-первых, что следует понимать под преступной иерархией с учётом того обстоятельства, что, например, преступное сообщество может состоять из нескольких преступных организаций, каждая из которых содержит иерархические звенья, а высшим звеном является иерархическая структура сообщества? Во-вторых, высшее положение – это единоначалие или принцип юридического лица? И так далее, и так далее. Но самое главное - в другом. Разве факт высшего положения в какой-либо иерархии свидетельствует о деянии, тем более что его нет? В данном случае криминализуется не деяние, а статус субъекта, который превращается в деяние. Об этом, в частности, свидетельствует пояснительная записка к тексту проекта, где с сожалением констатируется, что уголовная ответственность за сам факт лидерства в преступной иерархии не

предусмотрена. В данном контексте, с учётом криминализации разновидностей множественности, свидетельствующей об опасном состоянии личности и новеллой проекта, а также памятуя уверения Гёте о том, что ему неизвестны преступления, которые он не мог бы совершить сам, считаю целесообразным предложить уголовную ответственность, например, за исполнение вокальных композиций, романтизирующих криминальное бытие, включая композиции, посвящённые Робин Гуду; за исполнение опер Вагнера, которого любил Гитлер и который романтизировал образ сверхчеловека; за пустые обещания, если ранее субъект привлекался к административной ответственности за то же; ответственность руководителя (лидера) организации, призванной вывозить мусор, за его невывоз, если деяние совершено неоднократно; ответственность за систематическое появление в нетрезвом виде в общественных местах и так далее (фантазии неисчерпаемы).

В УК Республики Армения предусмотрены четыре нормы подобного плана, вызывающие точно такие же вопросы и недоумения, которые были продемонстрированы при описании ст.201.1 УК РФ. Это ст.322, которая называется «Предоставление или получение, или сохранение высшего статуса уголовной иерархии» и новые для России нормы: ст. 323 «Создание или руководство группировкой, носящей уголовную субкультуру». Интересно, клуб любителей песен Высоцкого или Михаила Круга, где они воспевают «романтику централов» тоже относится к уголовно-наказуемому деянию? Это к вопросу о том, во-первых, что следует понимать под уголовной субкультурой и, во-вторых, кто и как должен оценивать конкретный культурный сегмент как уголовную субкультуру.

Статья 324 «Участие или вовлечение в группировку, носящую уголовную субкультуру». Интересна диспозиция статьи: «Участие в группировке, носящей уголовную субкультуру, либо участие в осуществлении преследуемых ею целей, либо организация собраний группировки, носящей уголовную субкультуру, либо участие в них...». Возвращаясь к определению

группировки с уголовной субкультурой – ансамбль, исполняющий «Владимирский централ» и подобные вокализы принадлежит к такой группировке, а участники этого ансамбля могут быть осуждены за участие в ней? И так далее.

Статья 325 «Обращение к участнику группировки, носящей уголовную субкультуру, или к лицу, имеющему высший статус уголовной иерархии/степени». Всё те же вопросы, главным из которых является вопрос-недоумения по поводу характеристики такой группировки.

Перечисленные императивы закрепляют в качестве преступных исключительно только статус субъекта (иногда весьма аморфный), но не создают преступления. Вот это и есть торжество кодекса опасного состояния. Оно уже началось, подождём продолжения.

Список литературы

1. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М. Проспект. 2014. С.9.
2. Ансель Марк. Новая социальная защита. М. «Прогресс». 1970, с.29.
3. Вольтер. Избранные произведения по уголовному праву. М. Государственное издательство юридической литературы. 1956. С.33.
4. Петрарка. О средствах против превратностей судьбы. Саратов. Волга. 2016. С.381.
5. Нарская Е. Герцен: забвение и актуальность. Знание-сила. 2020. № 5. С.62.
6. Валерий Выжutowич. Стабильность выросла в цене. Российская газета. 04.09.2020.
7. Принс А. Защита общества и преобразование Уголовного права. М. 1911. С.131.
8. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Т.8. Множественность преступлений. Стадии преступления. Книга 1. Под ред. Н.А.Лопашенко. М. «Юрлитинформ». 2016. С.42.
9. Антология мировой правовой мысли. В пяти томах. Т.3. М. «Мысль». 1999. С.395.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СУДА И УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ

*д-р Иван Д. Милич, ассистент кафедры уголовного права Юридического факультета
государственного Университета в городе Нови-Сад, Республика Сербия*

Аннотация:

Цель: Описание решений в Уголовном кодексе Республики Сербии, которые относятся к предупреждению суда и условному осуждению, а также указание на то, в какой мере эти санкции назначаются в судебной практике.

Методология: нормативно-правовой и статистический метод.

Выводы: Несмотря на то, что тюремное заключение в РС предусмотрено почти за каждое преступление, это не самый распространенный вид наказания, который назначается. Назначение наказания в виде лишения свободы и направление осужденного для отбывания наказания является санкцией, которая влияет не только на осужденного, но, как правило, и на членов его семьи. Если цель наказания может быть достигнута таким образом, что лицу, совершившему уголовное правонарушение не назначается тюремное заключение, суд может в случаях, предусмотренных законом, назначить иную меру наказания, не отражающуюся в том, что осужденный лишен свободы (наказание, которое не подразумевает лишение свободы). Лицу, совершившему уголовное преступление может быть назначено предупреждение суда или условное осуждение.

Научная и практическая значимость. Указывая на нормативные решения в Уголовном кодексе РС, можно увидеть преимущества и недостатки регулирования двух санкций: предупреждения суда и условного осуждения.

Ключевые слова: предупреждение суда; условное осуждение; наказания; предупредительные меры; Уголовный кодекс.

Введение

После установления в уголовном разбирательстве факта совершения уголовного преступления и виновности обвиняемого, суду необходимо

наложить уголовное наказание. Назначение уголовного наказания представляет собой сложную процедуру, в ходе которой судья или судебная коллегия должны оценить все обстоятельства, касающиеся совершенного преступления и виновного, и после этой оценки назначить соответствующее уголовное наказание. Прежде чем суд назначит наказание в виде лишения свободы, необходимо индивидуализировать наказание, поскольку в современном уголовном праве наказание в виде лишения свободы назначается в определённом диапазоне. Так, в РС не предусмотрены фиксированные наказания, а они назначаются в определённом диапазоне. Статья 54 УК РС [1] определяет обстоятельства, которые суд должен оценить при индивидуализации наказания, и это те обстоятельства, которые касаются личности виновного и совершенного преступления. Суд назначает наказание лицу, совершившему уголовное преступление в пределах, установленных законом для этого преступления, имея в виду цель наказания и принимая во внимание все обстоятельства, которые влияют на смягчение наказания (смягчающие и отягчающие обстоятельства), особенно: степень вины, мотивы, по которым было совершено преступление, тяжесть угрозы или повреждение охраняемых законом объектов, обстоятельства, при которых было совершено преступление, прежняя жизнь лица, совершившего уголовное преступление, его личные обстоятельства, его поведение после совершения преступления и особенно его отношение к потерпевшему, а также иные обстоятельства, относящиеся к личности виновного. Вместо тюремного заключения лицу, совершившему уголовное преступление, может быть назначено другое наказание, а именно: штраф, обязательные работы или лишение водительских прав. Также, при соблюдении условий, суд может назначить лицу, совершившему уголовное преступление, в дополнение к наказанию, такую меру безопасности, как принудительное лечение от алкоголизма и наркозависимости. Однако вместо наказания лица, совершившего уголовное правонарушение, одной из предупредительных мер может быть *предупреждение суда* или *условное осуждение*. Предупреждение

суда и условное осуждение могут быть назначены за преступления небольшой тяжести, даже в том случае, если суд оценит, что для достижения цели наказания достаточно предупреждения или условного осуждения.

1. Предупреждение суда

Самым мягким уголовным наказанием, которое может быть назначено совершеннолетнему лицу, совершившему уголовное правонарушение, является *предупреждение суда*. Предупреждение может быть назначено за самые легкие преступления. Предупреждение может быть назначено за уголовные правонарушения, в отношении которых регламентировано наказание в виде лишения свободы на срок до *одного года* или *штраф* и которые совершены при таких смягчающих обстоятельствах, которые делают их особенно легкими (статья 77, пункт 1 УК). Таким образом, законодатель предусмотрел объективный критерий назначения судебного предупреждения – наказание, определенное законом (в случае, если преступление совершено при наличии существенных смягчающих обстоятельств). При решении вопроса о вынесении предупреждения, суд обязан оценить обоснованность назначения предупреждения. Учитывая цель предупреждения, суд принимает во внимание личность виновного, его прежнюю жизнь, его поведение после совершения преступления и, прежде всего, его отношение к потерпевшему, степень вины и иные обстоятельства, при которых было совершено преступление (статья 77, пункт 4 УК). Это аналогичные обстоятельства из статьи 54 УК, которые оцениваются при оценке наказания. Для оценки судом этих обстоятельств необходимо определенное время, особенно при оценке личности виновного. Оценка личности в данном случае чрезвычайно важна[2]. Когда речь идет о прежней жизни преступника, как правило, судебная практика лишь проверяет, был ли он ранее судим или нет. Эту информацию легко узнать, потому что каждый осужденный ставится на учет, который ведется полицией[3]. Однако, прежняя жизнь лица не подразумевает только наличие судимости, ее можно и нужно рассматривать гораздо шире. Например, в какой семье он родился, какое у него было воспитание,

образование, рос ли он без родителей, был ли когда-то жертвой преступления, является ли он беженцем, жертвой войны и т. д. Предупреждение суда является альтернативой тюремному заключению и штрафу. В случае предупреждения суда виновный не отправляется отбывать наказание, поэтому не может произойти так называемая криминальная инфекция. Большое число осужденных в РС являются рецидивистами. Также имеется большое количество лиц, которые даже после отбытия наказания вновь совершают преступление и вновь отбывают наказание в пенитенциарных учреждениях. В случае предупреждения суда лицо, совершившее уголовное правонарушение, предупреждается о том, что в случае повторного совершения им уголовного правонарушения оно может быть приговорен к лишению свободы. Лицо, совершившее уголовное правонарушение, которому объявлено предупреждение суда, считается осужденным. Это означает, что оно ставится на учет лиц, совершивших уголовное преступление, но снимаются с учёта по истечении одного года от вступления в законную силу решения суда, которым было вынесено предупреждение суда. Хотя лицо считается осужденным, оно не может страдать от правовых последствий осуждения.

Согласно Уголовному кодексу, правовые последствия осуждения могут выражаться в прекращении или утрате определенных прав или запрете на приобретение определенных прав (таких как прекращение трудовых отношений или невозможность трудоустройства). Есть две категории лиц, совершивших преступления, которым не может быть вынесено предупреждение суда. Во-первых, военнослужащим не может быть вынесено предупреждение суда, если они совершили преступления против Вооруженных сил Сербии. Речь идет о том, что в случае совершения ими преступления против Вооруженных сил Сербии[4], за которое предусмотрено тюремное заключение на срок до трех лет, возбуждение дела не обязательно. В этом случае вместо уголовного дела в отношении военнослужащего может быть возбуждено дисциплинарное производство и в

нем может быть наложено дисциплинарное взыскание. Дисциплинарное производство будет проводиться в том случае, если уголовное правонарушение приобрело особо легкую форму и если этого требуют интересы службы. Таким образом, военнослужащий считается несудимым. Также, судебное предупреждение нельзя быть назначено несовершеннолетним лицам, совершившим уголовные преступления.

2. Условное осуждение

Условное осуждение, как предупредительная мера, является более строгим, чем предупреждение. Вместо тюремного заключения может быть назначено условное осуждение. При условном осуждении, в отличие от предупреждения суда, виновному в совершении уголовного правонарушения назначается наказание в виде лишения свободы, но наказание в виде лишения свободы не исполняется, а определяется испытательный срок. Совершившему уголовное правонарушение предоставляется возможность не отбывать назначенное наказание в виде лишения свободы, если он не совершит новое уголовное правонарушение в течение испытательного срока. Таким образом, осужденный не направляется в пенитенциарное учреждение для отбывания наказания в виде лишения свободы. Условное наказание может быть назначено только за преступления небольшой тяжести. Является ли преступление легким или тяжким, зависит от грозящего приговора, и, таким образом, грозящий приговор определяет, может ли быть назначено условное осуждение. Согласно Уголовному кодексу РС условное осуждение не может быть назначено, если уголовное преступление наказывается лишением свободы на срок до восьми лет или более строгим наказанием. Для назначения условного осуждения, кроме грозящего приговора также должно быть выполнено условие, касающееся установленного наказания. Условное осуждение может быть назначено, если лицо, совершившее уголовное правонарушение приговорено к лишению свободы на срок менее двух лет. Будет ли назначено наказание в виде лишения свободы на срок менее двух лет за уголовное преступление, зависит от всех смягчающих и отягчающих

обстоятельств, которые суд установил и оценил при индивидуализации наказания. Суд также обязан определить срок испытания. Это период, когда преступник находится под особым контролем, т.е. в случае совершения им уголовного правонарушения условное наказание должно быть или может быть отменено (в зависимости от тяжести совершенного уголовного правонарушения). Если условное осуждение отменяется, то назначенное наказание в виде лишения свободы исполняется, а это значит, что осужденный направляется в пенитенциарное учреждение для отбывания наказания. Контроль за осужденным длится определенное время (не оправдано проверять осужденного на всю оставшуюся жизнь). По уголовному кодексу РС срок испытания не может быть менее одного года и более пяти лет. Срок испытания определяет суд, оценивая все обстоятельства, связанные с совершенным деянием и личностью виновного. Осужденный, которому назначено условное наказание, также ставится на учет и снимается с него по истечении определенного срока.

3. Назначение предупреждения суда и условного осуждения в судебной практике

Хотя в РС есть более тридцати пенитенциарных учреждений, где исполняется наказание в виде лишения свободы[5], и независимо от того, что наказание в виде лишения свободы может отбываться в помещениях, в которых осужденный проживает (в Республике Сербии существует так называемый домашний арест). В тюрьмах, где заключенных больше по вместимости, одной из самых больших проблем, безусловно, является ресоциализация осужденных. В связи с этим в РС чаще всего применяется не лишение свободы, а условное осуждение.

Для того, чтобы увидеть, как часто в РС выносятся предупреждение суда и условное осуждение по отношению к другим наказаниям, приведем статистические данные за 2020 год. Всего в этом году было 25 487 совершеннолетних осужденных, и это статистика по наложенным санкциям, не считая мер безопасности:

Тюремное заключение	6150
Штраф	2683
Условное осуждение	14179
Домашний арест	2113
Предупреждение суда	136
Принудительные меры воспитательного воздействия	46
Признан виновным, но освобожден от наказания	53
Обязательные работы	123
Лишение водительских прав	4

Очевидно, что условное осуждение является наиболее часто применяемой в судебной практике уголовной санкцией. С другой стороны, предупреждения назначаются реже, что может быть следствием того, что преступные деяния, за которые может быть вынесено предупреждение суда, совершаются редко.

Вывод

Очевидно, что в РС прописываются санкции, являющиеся альтернативой тюремному заключению. Такое решение вполне оправдано. Назначение наказания в виде лишения свободы и направление осужденного для отбывания наказания в исправительном учреждении действительно является строгим наказанием, которое должно применяться в тех случаях, когда оно оправдано. В любом случае судья обязан оценить все обстоятельства и применить адекватную уголовную санкцию к лицу, совершившему уголовное правонарушение. В случае предупреждения или условного осуждения виновному ясно указывается о совершении им уголовного правонарушения, а также его предупреждают о том, что в случае совершения им уголовного правонарушения в будущем он может быть приговорен к лишению свободы. В случае, когда выносится условное осуждение, некоторое время осуществляется контроль за поведением осужденного и за тем, совершает ли он преступные действия. Если осужденный совершает уголовные правонарушения, условное осуждение может или должно быть отменено. Если виновному назначено предупреждение или условное

осуждение, это означает, что он не может понести правовых последствий осуждения. Его трудовые отношения не будут прекращены (если он трудоустроен), и он сможет позаботиться о себе и своей семье. С другой стороны, если преступник был приговорен к тюремному заключению, то трудовые отношения прекращаются, поэтому он не может материально помогать членам своей семьи, а отбывание тюремного заключения оплачивается государством, что в данном случае является затратным.

Список литературы

1. Уголовный кодекс "Службени гласник РС", №№ 85/2005, 88/2005, 107/2005, 72/2009, 111/2009, 121/2012, 104/2013, 108/2014, 94/2016, 35/2019; *серб.* Кривични законик, "Службени гласник РС", бр. 85/2005, 88/2005, 107/2005, 72/2009, 111/2009, 121/2012, 104/2013, 108/2014, 94/2016, 35/2019.
2. *Милич И.*, О необходимости исследования личности обвиняемого в уголовном процессе // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе // Материалы Международной научно-практической конференции, 25–26 сентября 2014. г. С.192- 196.
3. *Милич И.*, Об учётах лиц, совершивших уголовные правонарушения // I Стояновские чтения. Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее: материалы научно-практической конференции (Москва, 15 апреля 2021 года) М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2021. С. 112-115.
4. Закон «О Вооруженных силах Сербии // "Службени гласник РС", №№ 116/2007, 88/2009, 101/2010, 10/2015, 88/2015 – Решение Конституционного суда, 36/2018, 94/2019, 74/2021 – Решение Конституционного суда (ст. 143)

5. Милич И., Где исполняется наказание в виде лишения свободы в Республике Сербия? // Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал — 2020 — № 3. С. 168-174.

Электронные источники:

<https://publikacije.stat.gov.rs/G2021/Pdf/G20215677.pdf>

ON CERTAIN QUESTIONS REGARDING JUDICIAL ADMONITION AND SUSPENDED SENTENCE

Ivan D. Milić, Ph.D., Assistant, University of Novi Sad, Faculty of Law Novi Sad

Abstract

Mission: Highlighting provisions of the Criminal Code of the Republic of Serbia related to judicial admonition and suspended sentence and presenting how often these sanctions are applied by courts in practice.

Methodology: Normative legal and statistical method.

Conclusions: Although a prison sentence is prescribed in the Republic of Serbia for almost all criminal acts, it is not the most common sentence. Sentencing a convict to prison and committing him to a penal institution affects not only the convict but also the members of his family. If the goal of sentencing may be achieved without sentencing a convict to prison, the court can, in cases foreseen by the law, choose a different sanction, which does not entail the deprivation of the convict of his freedom (by avoiding the imposition of a prison sentence). The convict may be cautioned by judicial admonition or serve a suspended sentence.

Scientific and practical significance. Highlighting the normative solutions in the Criminal Code of the Republic of Serbia makes it possible to examine the advantages and faults in the regulation of the two sanctions: the judicial admonition and the suspended sentence.

Keyword: judicial admonition; suspended sentence; sentence; cautionary measures; Criminal Code.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРИНУДИТЕЛЬНЫМ МЕРАМ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

*Красовская Оксана Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права Федерального государственного
образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная
юридическая академия»*

Аннотация. В статье представлены уголовно-правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации, сформулированные Пленумом в постановлении от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», относительно нормативных предписаний уголовного законодательства России. В статье анализируются уголовно-правовые позиции в аспекте обязательности освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних с применением названных мер, что представляется справедливым ввиду установления судом возможности исправления виновного посредством их применения, и о последствиях систематичности неисполнения несовершеннолетним назначенных мер, отмечается отличительное от законодателя видение вопроса обязательности отмены меры в случае систематического ее неисполнения и привлечение несовершеннолетнего к уголовной ответственности. Предлагается внесение изменений в ч. 1 и ч. 4 ст. 90 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступление, освобождение от уголовной ответственности, исправление, наказание.

Противодействие преступлениям предполагает применение «мер различного характера, среди которых уголовно-правовые меры занимают особое место» [1, с. 42]. Принудительные меры воспитательного воздействия, не являясь наказанием, относятся к иным мерам уголовно-правового характера. Их профилактическое воздействие связано в первую очередь с воспитательной функцией, что возможно без назначения несовершеннолетнему наказания. Также несовершеннолетний может быть освобожден от уголовной ответственности с применением названных мер,

что говорит об отсутствии обвинительного приговора суда. Возможность применения принудительных мер воспитательного воздействия, как и угроза назначения уголовного наказанием, удерживает «неустойчивых» несовершеннолетних от совершения преступления, что соотносится с задачей уголовного законодательства – предупреждение преступлений, говоря о приоритете «профилактики правонарушений перед мерами ответственности за совершение правонарушения» [2, с. 16].

В доктрине исследователи отмечают их как эффективную альтернативу наказания [3, с. 289]. Однако их применение, регулируемое нормативными предписаниями раздела V Уголовного кодекса Российской Федерации [4] (далее – УК РФ), вызывает сложности у правоприменителя [5, с. 49], что связано с некоторым их рассогласованием с уголовно-правовыми позициями Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховного Суда).

Уголовно-правовые позиции Верховного Суда по применению принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним в связи с их освобождением от уголовной ответственности нашли свое отражение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 28 октября 2021 г.) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [6] (далее – постановление Пленума). Часть этих позиций не в полной мере согласуется с некоторыми нормативными предписаниями раздела V УК РФ.

Так, ст. 90 УК РФ регламентирует право (не обязанность) суда освободить несовершеннолетнего от уголовной ответственности и право (не обязанность) назначить ему при этом принудительные меры воспитательного воздействия при условии, если суд придет к выводу, что применение названных мер будет достаточно для исправления несовершеннолетнего. Решая вопрос о том, возможно ли исправление несовершеннолетнего, суду следует учитывать наличие положительной характеристики личности подростка. Убежденность суда в исправлении несовершеннолетнего

применением принудительных мер воспитательного воздействия должна основываться на анализе общественной опасности преступления (оценке значимости объекта посягательства, роли в преступлении, размера причиненного вреда и т.д.) и данных о личности преступника (положительная характеристика по месту учебы, наличие алкогольной и наркотической зависимости, совершение преступления в силу стечения неблагоприятных обстоятельств, негативное влияние со стороны взрослых и т.д.).

В указанном выше нормативном предписании законодатель обозначает именно право (не обязанность). По данному вопросу имеется уголовно-позиция Верховного Суда: согласно п. 31 выше названного постановления Пленума суды не должны назначать уголовное наказание несовершеннолетним, если ими было совершено преступление небольшой или средней тяжести и их исправление может быть достигнуто без привлечения к уголовной ответственности. Таким образом, мы видим, что Пленум однозначен в этом вопросе: если основания и условия к применению принудительных мер воспитательного воздействия имеются – наказание назначать нельзя. Следует поддержать данную позицию Верховного Суда, поскольку при принятии решения о возможности (не обязанности) освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности судом в любом случае решается вопрос о том, может ли быть достигнуто исправление несовершеннолетнего путем применения назначенных мер. Соответственно нет оснований не применять такие меры, если судом устанавливается возможность такого исправления. В связи с этим предлагается внести следующие изменения в УК РФ, представ ч. 1 ст. 90 в редакции: «Несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, *освобождается* от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия».

Предупреждение состоит в разъяснении общественной опасности совершенного преступления и уголовно-правовых последствиях продолжения преступной активности.

При передаче под надзор родителям и иным лицам суд убеждается, что указанные лица имеют положительное влияние на несовершеннолетнего лицо, критически оценивают факт совершения им преступления, способны обеспечить правопослушное поведение ребенка. Например, не имеет смысла отдавать ребенка под надзор родителей, которые злоупотребляют алкогольными напитками, вследствие чего не занимаются воспитанием несовершеннолетнего.

При возложении обязанности загладить причиненный вред суду надлежит учитывать то, как эта принудительная воспитательная мера скажется на несовершеннолетнем и окажет ли она на него какое-либо положительное влияние. В качестве примера можно представить ситуацию, когда несовершеннолетнему из обеспеченной семьи назначают этот вид принудительной воспитательной меры, при этом несовершеннолетний может даже не заметить, что на него оказывалось какое-то воспитательное воздействие, так как родители (а не сам виновный несовершеннолетний) покроют все расходы. При определении размера компенсации морального вреда суду необходимо оценить степень страданий (нравственных и физических) лица, которому причинен вред, степени вины несовершеннолетнего и иных заслуживающих внимания обстоятельств дела для того, чтобы принятое им решение было в первую очередь справедливо.

Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего состоит из неисчерпывающего перечня ограничений (требований); такой подход способен существенно нарушить права и свободы несовершеннолетнего, так как он представляет собой расширительное толкование обстоятельств, отягчающих уголовно-правовое воздействие.

Суд, решая вопрос о неисполнении назначенных несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия, ориентируется на системность неисполнения. В постановлении Пленума представлены разъяснения и уголовно-правовая позиция относительно такой систематичности.

Сама систематичность образуется при неоднократном (более двух раз) нарушении меры в период срока обязанности ее соблюдения. При чем неисполнение (нарушение) назначенной мер должно быть в установленном законом порядке зарегистрировано специализированным государственным органом.

Верховным Судом Российской Федерации представляется уголовно-правовая позиция относительно систематического нарушения принудительных мер воспитательного воздействия в случае назначения сразу нескольких таких мер. В данном случае можно отметить поддержку несовершеннолетнего: если ему назначено несколько мер, подсчет нарушений идет по каждой мере отдельно. Таким образом, допускается не более двух нарушений по каждой назначенной мере воспитательного воздействия. В выше названном постановлении немного иначе трактуются действия суда при систематическом нарушении мер, чем в ч. 4 ст. 90 УК РФ. Законодатель обязывает суд отменить меру воспитательного воздействия и направить материалы на новое рассмотрение. Обращаясь к выше названному постановлению, можно заключить, что при установлении систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия суд вправе (не обязан) по ходатайству специализированного государственного органа отменить постановление о применении такой меры и направить уголовное дело в отношении несовершеннолетнего на новое судебное рассмотрение. В данном случае Пленум Верховного Суда говорит о праве суда, а не об обязанности.

Стоит отметить, что более гуманным будет вариант, представленный правовой позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации, так

как несовершеннолетние в силу своих возрастных особенностей могут не в полной мере понимать значение назначаемых им мер воспитательного воздействия, могут относиться к ним не так серьезно, как того требует закон.

В связи с этим предлагается внести следующие изменения в УК РФ, представ ч. 4 ст. 90 в редакции: «В случае систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия эта мера по представлению специализированного государственного органа *может быть отменена* и материалы *могут быть направлены* для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности».

Таким образом, анализ уголовно-правовых позиций Суда по применению принудительных мер воспитательного воздействия позволяет заключить следующие их гуманистические положения, которые могут потребовать внесения уточняющих изменений и дополнений в некоторые нормативные предписания раздела V УК РФ об уголовной ответственности несовершеннолетних.

1. Освобождение несовершеннолетнего, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия является обязанностью (не правом) суда при возможности его исправления их применением.

Данная правовая позиция Верховного Суда может быть четко читаема в ч. 1 ст. 90 УК РФ при следующей (уточняющей) ее обновленной редакции: Несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, *освобождается* от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

2. При систематическом неисполнении (нарушении) несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия суд исходит из систематичности по каждой отдельной мере, при этом он

вправе (не обязан) отменить применение мер и направить уголовное дело на новое судебное рассмотрение.

Данная уголовно-правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации может быть отражена в уголовном законе (ч. 4 ст. 90 УК РФ) путем придания нормативному предписанию факультативного характера: В случае систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия эта мера по представлению специализированного государственного органа *может быть отменена* и материалы *могут быть направлены* для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зограбян Н. Ю. Некоторые вопросы уголовно-правового регулирования организованной преступной группы в Республике Армения и в странах СНГ / Н. Ю. Зограбян // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 1(24). С. 42–46.
2. Красовская О. Ю. О развитии и совершенствовании федерального профилактического законодательства / О. Ю. Красовская // Наука в современном мире: сборник научных трудов по материалам XXVI Международной научно-практической конференции, Анапа, 08 октября 2021 года. Анапа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов» в Южном Федеральном округе, 2021. С. 16–27.
3. Понкротова Е. Г. Понятие и цели принудительных мер воспитательного воздействия / Е. Г. Понкротова // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 10–1. С. 288–295.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru

5. Тахаутдинова А. Р. Принудительные меры воспитательного воздействия: понятие и проблемы правового регулирования / А. Р. Тахаутдинова, Н. Ж. Данилина, Ю. О. Мещерякова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 3 (42). С. 49–54.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 28 октября 2021 г.) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 4; 2021. № 12.

LEGAL POSITIONS OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION ON COERCIVE MEASURES OF EDUCATIONAL INFLUENCE

O. Yu. Krasovskaya

Saratov State Law Academy

Abstract. The article presents the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, which were reflected in the decision of the Plenum of February 1, 2011, No. 1 (amended on October 28, 2021) "On judicial practice in the application of legislation regulating the peculiarities of criminal responsibility and punishment of minors." It is noted that the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation and the legislator set out in the Criminal Code of the Russian Federation on the issue of mandatory exemption from criminal liability with the simultaneous appointment of a compulsory measure of educational influence differ. The legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the question of the systematic failure to comply with the measures assigned to a minor are presented. There is a contradiction between the provisions of these documents on the obligation to abolish the compulsory measure of educational influence and to bring a minor to criminal responsibility in the event of a systematic violation of such a measure.

Keywords: minors, crime, exemption from criminal liability, correction, punishment.

О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИНЦИПА ВОЗМЕЗДНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ XXI ВЕКА

Молдабаев Саркытбек Сарсембаевич, Профессор филиала Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан по Алматинской области, доктор юридических наук, профессор

На наш взгляд, для дальнейшего развития уголовного права - построения эффективной, устойчивой, современной системы уголовного законодательства, необходимо пересмотреть **концепцию самого уголовного законодательства СНГ.**

Поскольку анализ современного уголовного законодательства и практики его применения показывает, что не смотря ни на какие реформы органов правосудия и правоохранительных органов, а также принятия нового уголовного и уголовно-процессуального законодательства, продолжает сохраняться карательный уклон при принятии решений о привлечении к уголовной ответственности или освобождении от неё и из-за отсутствия цивилизованного подхода к защите интересов потерпевших, возмещение ущерба.

Кроме того, в новом действующем уголовном законодательстве Республики Казахстан не сложилось такого обособленного, самостоятельного института, который интегрировал бы основания для реализации идей восстановительного правосудия.

Все это порождает массу проблем в сфере отправления правосудия и поэтому совместно с уточнением конституционных основ судебной системы и прокуратуры необходимо ввести принцип возмездного правосудия, то есть внедрение в уголовное законодательство (материальное и процессуальное) возмездного принципа, который бы

помог избежать или хотя бы существенно снизить вышеуказанные проблемы.

Характеризующими признаками возмездного принципа в уголовном законодательстве являются:

1. Признание преступления как **вреда**, наносимого личности, обществу, природе и т.д.;

2. Признание единственным критерием при решении вопроса о виновности и о степени виновности преступника **размера нанесенного им ущерба другому лицу, обществу, природе и т.д.**;

3. Признание возмещения ущерба подозреваемым, обвиняемым и подсудимым как **универсального метода уголовного наказания** (*возмещение вреда должно быть безусловной обязанностью виновного лица*);

4. Признание компенсацией материальных средств от преступника, от его коллег, родственников или «третьих лиц». Или в виде личной отработки на тяжелых - но не унижительных! - номинально оплачиваемых работах.

Требование компенсации может быть предъявлено через суд и другие официально установленные органы потерпевшим или любым лицом с необходимым обоснованием нанесения ущерба. При этом, ни о какой отмене или о снижении уровня следственных работ не может быть и речи.

Ретроспективный взгляд на историю развития нашего уголовного законодательства, показывает, что судебное законодательство нашей страны в нынешнем виде существовало не всегда, резкая смена правовых основ произошла после присоединения Казахского ханства к Российской империи.

До этого, в основе правосудия казахов действовал возмездный принцип, т.е. право общества требовать себе возврата того и в большой мере, чем отнято у него преступником. Об этом свидетельствуют все историко-правовые памятники наших предков как уложения «Қасым ханның қасқа жолы» («Постановление Касым хана»), «Есім ханның ескі

жолы» («Постановление Есим хана») и «Жеті жарғы» («Законы Тауке хана»).

В обычном уголовном праве казахов единственным наказанием за всякие деяния, начиная с убийства и кончая ничтожнейшим поступком, являлись штрафы - «аип» за маловажные проступки и «кун» за лишение жизни, увечья и раны. Например, существовал такой вид наказания, как «Мойнына қосақ, кәтіне тіркеу», который назначали за воровство скота. Данное наказание состоит в том, что виновный при возвращении украденной скотины должен присоединить еще двух такого же рода животных, привязав одно к шее, а другое к хвосту украденной скотины. Следует отметить, что «аип» и «кун», то есть штрафы были очень высокими, однако в казахских степях тюрем не было и соответственно не было такого наказания как лишения свободы. Знаменитый ученый, профессор – ориенталист В.В. Григорьев, в 19 веке писал: «Мы видим у казахов такое превосходное судоустройство и такие порядки следственного и судебного процесса, каким могут позавидовать многие издавна цивилизовавшиеся народы»¹.

Возмездный принцип имеет очень давнее происхождение, тысячелетия до нашей эры. Например, в законах вавилонского царя Хаммурапи (XVIII в. до н.э.) предусматривалась в 80% статей – возмещение вреда или уплата штрафа, в 10% статей - телесные наказания и в 10 % - смертная казнь.

Таким образом, испокон веков, во всех традиционных вероучениях (*ислам, христианство, буддизм, иудаизм*) человеческое правосудие сводилось к возмещению понесённого им ущерба и к удовлетворению чувства мести.

Да и в Европе, до появления Римских принципов в основе законодательств, это полторы тысячелетий назад и около четырех столетий назад в России преступление рассматривалось в первую очередь как вред,

---

¹«О скифском народе саках». Историческая монография управляющего восточным отделом Императорского русского археологического общества В.В. Григорьева. СПб., 1871. С.63.

причинённый жертве и её семье, а возмещение считалось основным способом устранения этого вреда и восстановление общественного спокойствия.

В России, после принятия некоего «Соборного уложения», написанного комиссией под руководством боярина Н.И. Одоевского, во время царствования «тишайшего» Алексея Михайловича в 1649 году, путём слепого копирования византийских правил - эмпирических наработок римских юристов, увеличилось кодифицированное законодательство. К возмещению вреда жертве преступления, стали прибегать все реже и реже, и на смену пришли законы о штрафах, каторгах в пользу государства.

Впоследствии хорошо сформировавшись в Российское имперское законодательство, не обошло стороной и Казахское ханство, а когда формировалось Советское законодательство, то послужило её основой. Ну, а то, что уголовное законодательство современного Казахстана является наследницей Советского законодательства ни для кого не секрет.

Таким образом, со временем «обычное право» уступает дорогу «закону», сугубо формализованным методам правотворчества, и судопроизводство постепенно превращается в серийное производство массовых наказаний.

На наш взгляд, достойной альтернативой будет возрождение на новой основе того, что было до появления Российского имперского права и что до сих пор остаётся во многих других цивилизациях нашего мира - это возвратное право, т.е. хорошо забытое старое обычное право казахов. Для реализации возмездного (возвратного) принципа есть уже достаточно много элементов в действующем законодательстве и очень много сделано дополнительно: есть понятие ущерба, есть требование его возмещения, есть какие-то правила того, как и что надо оценивать и кому возмещать. Кстати, вопрос о возмещении ущерба тесно соседствует с уже давно поднятой проблемой выбора наказания, не связанных с лишением свободы.

Рассматривается и развитие так называемого восстановительного права, медиации и т.д.

С позиции возвратных принципов, преступность - это массовое решение одними людьми своих проблем за счёт эксплуатации других людей, т.е. с нанесением им невозмещаемого ущерба.

Исследования специалистов да и сама логика вещей показывают, что чем больше вероятность наступления криминального события и чем выше размер вероятного ущерба, тем большие затраты требуются и от вероятной жертвы, и от общества в целом. При этом прямой ущерб от преступности складывается, из различных потерь единовременного или (и) долгосрочного характера. Сюда, относятся:

- во-первых, суммарные потери благ и ценностей, утраченные самими потерпевшими — и физическими, и юридическими лицами;

- во-вторых, экономические потери государства и общества, связанные с необходимостью реализации специальных мер защиты от криминальных рисков; расходы на содержание системы уголовной юстиции и всей соответствующей инфраструктуры, социальных и иных специальных служб и т. п.;

- в-третьих, потери, непосредственно связанные с затратами на медицинскую помощь, лечение и реабилитацию, с физическими и моральными страданиями потерпевших и их родственников (отсюда, кстати говоря, социальная обоснованность исков о возмещении морального вреда), с потерей доходов, снижением уровня занятости и производительности труда и т. д.

Скажем, прямые потери от таких деяний, как насилие в отношении женщин. Согласно опубликованным данным ООН, оцениваются в Канаде, например, в сумму, составляющую более 1 млрд. канадских долларов в год; в Финляндии такие экономические потери примерно в то же время оценивались в 101 млн. евро, а в Великобритании — в 23 млрд. фунтов стерлингов в год. Как видно, различия весьма существенные. Отсюда

возникает проблема сопоставимости ущерба и потребность в единообразии подходов и методики расчетов.

Или взять, например, методику расчёта потерь от убийства. В США и Великобритании, например, при наличии тех или иных нюансов методики за основу берётся средний заработок погибшего, его возраст и средняя продолжительность жизни. Разница между средней продолжительностью жизни и возрастом погибшего, умноженная на его средний заработок, даёт стоимостное выражение «цены» одного убийства; в свою очередь, этот показатель, умноженный на общее число убийств в году, даёт стоимостное выражение потерь от всех убийств, совершенных в стране. К этим показателям надо соответственно добавить страховые выплаты, расходы по компенсации ущерба из специализированных общественных фондов поддержки жертв преступлений и другие указанные выше расходы.

Огромные и при этом постоянно растущие экономические потери от преступности несут не только страны СНГ, но и Казахстан. Однако, реальное положение дел с преступностью, с её социальными последствиями, с «ценой» преступности, которая помимо всего прочего имеет непосредственное влияние на темпы экономического развития страны, мы не знаем. К сожалению, до осознания значимости этих последствий, их масштабов и экономической стоимости время, похоже, ещё не пришло.

Поэтому организация учёта средств, идущих на обеспечение безопасности, является необходимой и политически актуальной задачей для стран СНГ.

К тому же, нам необходимо организовать работу по определению расходов на борьбу с преступностью. Сегодня, в период рыночных отношений всех нас должно интересовать, сколько «стоят» преступления? Сколько средств, тратит правительство на борьбу с преступностью. Иначе говоря, какая доля ВВП страны или какая сумма в расчёте на душу населения тратится на борьбу с преступностью?

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ СТИЛИСТИКИ РЕЗОЛЮТИВНОЙ ЧАСТИ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА

Муратова Надежда Георгиевна, профессор, доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета, Адвокат Адвокатской палаты Республики Татарстан, Лауреат общенациональной премии «Профессор года» по Приволжскому федеральному округ (2021)

Тарханов Ильдар Абдулхакович, профессор, доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права, научный руководитель юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

Аннотация: В результате комплексного теоретико-прикладного исследования показано, во-первых, значение законодательных формулировок, обязывающих использовать правовую терминологию в тексте приговора, структурная конструкция которого точно позиционируется в законе; выявлена, во-вторых, требуемая взаимосвязь содержания судебного приговора с реализацией концептуальных основ разделения властей; излагается, в-третьих, авторская идея о договорной сущности приговора; показана, в-четвертых, предиктивная рейтинговая модель судебного приговора и социальное назначение резолютивной части обвинительного приговора. Авторы следовали положениям общей теории права в сфере юридической техники, о процессуальном договоре как о юридическом документе. В рамках сравнительно-правового анализа уголовно-процессуального законодательства государств-участников СНГ показано значение резолютивной части обвинительного приговора. Это позволило сформулировать и обосновать актуальные направления исследования качества резолютивной части обвинительного приговора в рамках возможного применения искусственного интеллекта.

Ключевые слова: Юридическая терминология, судебный приговор, процессуальный договор, резолютивная часть, искусственный интеллект.

Генезис проблематики. Данное исследование исходит из того, что приоритетным является относительно широкий круг проблем, многие из которых не могут быть обделены вниманием. В частности, законодательная терминология, используемая при характеристике резолютивной части обвинительного приговора, рассматривается достаточно четко, что, иными словами, не оставляет пространства для научной дискуссии. Казалось бы, отсутствует проблема, которая требует новых решений и достигнуты оптимальные сочетания формы и заключенного в ней содержания. Однако, эти выводы представляются преждевременными. Анализ социального назначения современного состязательного уголовного процесса и правоприменительная практика убеждают в наличии некоторых методологических и практически значимых аспектов проблем значения, качества и правовых последствий резолютивной части обвинительного приговора.

Известно, что авторитетный юрист и профессор, считающийся родоначальником автор современных представлений о состязательности судебных процедур, И.Я.Фойницкий, утверждал, что сама мысль о возможности опровержения приговора – успокаивает обывателя и внушает надежду на справедливое решение. Но рассуждения и мнения о содержании приговора, о его видах и значении как акта правосудия – это уже стало традиционным, канонизированным и бесспорным, носящим описательный характер. Но вопросы всё-таки возникают, и всё чаще. Почему нередко при одной и той же фактической картине содеянного и юридической оценке – резолютивные части обвинительных приговоров могут существенно различаться по решениям суда? В чём судебное усмотрение? Общественной резонанс? Информационная доступность судебного процесса? Комментарии в СМИ? В связи с этим можно ли говорить о применении искусственного интеллекта и его реальных возможностях при анализе им всех параметров уголовного дела с тем, чтобы назвать «сумму лет лишения свободы»? Почему в последнее время участились коррупционные обещания

недобросовестных адвокатов «добиться условного осуждения» или иного «желаемого решения», содержащегося в резолютивной части обвинительного приговора?

Первыми письменными правовыми документов, регулировавшими необходимые для того времени вопросы судопроизводства, следует читать *Договоры Руси с Византией 907 г., 911 г., 944 г., которые* содержали нормы, свойственные обычному праву и регулировавшие судопроизводство древнего общества[1]. Термин и понятие «суд» впервые встречается в *Уставе «О десятинах, судах и людях церковных»*[2], где отчетливо формулируются соответствующие тому времени нормы процесса и содержание судебного решения. В *Уставе «О церковных судах»*[3] излагаются основные черты и специфика данных судов.

Первый исторический «кодификационный» документ - Русскую Правду - М. Ф. Владимирский-Буданов, определяя источник как «попытку неофициальной кодификации законов», подчеркивал при этом значение начальной законодательной кодификации в Псковской и Новгородской судных грамот[4]. Историк права С.В.Юшков показал последовательное развитие судебного приговора и показал значение Русской Правды, Псковской и Новгородской судных грамот, Двинской и Белозерской уставных грамот, Судебника 1497. Он считал заслуживающим внимание писанный источник «Правосудие метрополичье» теми своими правилами, которые сформулированы в «п.10:ты ж, судья, суде слова, а не сердца: то есть суд, что идёт у человека из уст», а также в «п.13: татя (*преступник - прим.авт.*) без поличного ни вязати, ни казнити, ни повесити».[5]

Историки обращали внимание, например, на «древнейший порядок римского суда: в заключении процесса *in jure* происходил торжественный акт между сторонами» (заключение торжественного контракта, в силу которого стороны обязывались подчиняться решению судьи).[6] Российский криминалист И.Я.Фойницкий говорил о «кратком приговоре»

(резолуция) и о «подробном приговоре» (сущность ответов судьи на вопросы факты и права).[7]

Таким образом, зародившейся на древних этапах развития права идее законодательной справедливости судебного приговора предвосхищалось требование юридической техники для формулирования текстов судебных актов; оно определялось возможностью определить соотношение рейтинговых ожиданий с реальным состоянием воздействия общественной реакции на резолюции суда о виновности и наказании субъекта права за совершенное преступление.

В конце XV- начале XVI вв. происходит изменение исторического типа судопроизводства и института постановления приговора, связанное с введением следственной формы судебного процесса или «розыска». В. А. Линовский утверждает, что главная цель следственного процесса – исследование фактов, которые основывалось только на судебных доказательствах[8].

Судебник 1550 г. продолжает уделялось большое внимание судебному приговору. М.Ф. Владимирский-Буданов впервые начал говорить о «нерешительном приговоре», который построен на противоречиях в показаниях.[9] В связи с этим, отметим, что Соборное Уложение 1649 г., завершил процессуальные процедуры отделения уголовного от гражданского процесса: появилась письменная форма судебного акта – приговор.[10] А.Ф.Кони – известный русский юрист, судья, принимая решения по уголовным делам предостерегал о недопустимости теории формальных доказательств, « из-за которых сквозило постоянное недоверие в дореформенном суде..»[11]. В приговорах суда должна быть «видна живая личность подсудимого и правда».[12]

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 года впервые дано определение и содержание «резолуции суда»: состав преступления, фамилия и имя подсудимого, сущность приговора, который в окончательной форме должен быть изготовлен не позже двух недель (ст.787, ст.793). Кроме

вопросов, указанных в резолюции в приговоре, указывают предмет обвинения и соображения обвинения «как с представленными по делу доказательствами и улики, так и с законами» (ст.797).

Таким образом, генезис исследования в следующем; во-первых, прослеживаются законодательные требования составления письменных судебных приговоров; во-вторых, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство формируют новые традиции русского правопонимания правовых свойств, социальных и юридических последствий постановления и содержания судебного приговора; в-третьих, складывается структура судебного приговора; язык и стиль приговора актуализируют и ответственность судьи, и значение приговора как акта правосудия.

Актуальность исследования. В ст.5 УПК РФ раскрывается понятия - «процессуальное решение» (п.55) , «судебное решение» (п.53.1), «итоговое судебное решение» (п.53.2) , «промежуточное судебное решение» (п.53.3).[13] В ст.6 УПК государств-участников СНГ также даны аналогичные основные определения, понятия и разъяснения их законодательного содержания. Так, в ст.6 УПК Армении определяются понятия: «окончательное решение» (п.10) , «судья» (п.15). В другом законе применяется термин «судебный акт» (п.2 ч.2 ст.70 Судебный кодекс Армении, подписанный президентом С.Саргсяном 10.02.2018).[14] В Модельном УПК РФ для государств-участников СНГ существуют также такие термины : «вердикт» (п.11 ст.9), «санкция»(п.14 ст.9), «содержание в неволе» (п.43 ст.9).

Представляется, что проблема содержания и характеристики законодательных уголовно-процессуальных терминов является актуальной и весьма значимой в плане сравнительного правоведения. Поэтому представляется перспективным выявление подходов теории права, доктрины уголовного и уголовно-процессуального права к формированию законодательной модели изложения структурных частей судебного

приговора с лингвистической сторон. Это распространяется на обвинительный приговор, такой его элемент как резолютивная часть.

В Энциклопедическом Словаре понятие «стиль (от лат. *stylus* – палочка, которой писали) понимается как совокупность приёмов свойственных, какой-либо литературной школе, роду сочинения, его настроению и характеру. [15] Ещё Ш.- Л. де Монтескьё подчеркивал, что и «стиль законов должен отличаться точностью и краткостью, не следует в законе употреблять неопределённые понятия».[16] В работе «О духе закона» он пишет, что законы, издаваемые законодателем, должны соответствовать принципу образу правления; и о влиянии законов на формы судопроизводства и определения наказания. Так, в Главе III («В каких правлениях и в каких случаях должно судить по букве закона») Ш.-Л.Монтескьё приводит пример: «В Риме судья выносил решения только по вопросу о виновности подсудимого в известном преступлении, а наказание назначал закон..», а в главе IV («О способах вынесения судебных приговоров») говорится о «трех формулах» мнения судьи: «оправдываю, осуждаю, сомневаюсь».

Таким образом, целями настоящего исследования является, во-первых, теоретико-правовое обоснование необходимости исследования языка закона и акта правосудия; во-вторых, выявление необходимой взаимосвязи судебного приговора с реализацией концептуальных основ разделения властей; в-третьих, обоснование возможности применения концепции договорного правового регулирования в творческом обосновании идеи о договорной сущности приговора; в-четвертых, придать новый импульс в дискуссию об образе предиктивной рейтинговой модели судебного приговора и о социальном значении его резолютивной части, на этой платформе; в-пятых, осуществить сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального законодательства государств-участников СНГ о значении резолютивной части приговора; в-шестых, сформулировать и обосновать возможные направления в исследовании проблематики о содержании и

качестве резолютивной части обвинительного приговора, в том числе, в позициях, возможного применения искусственного интеллекта.

Постановка проблемы. Проблема соответствия требований законодательной стилистики сущности и конкретному содержанию резолютивной части обвинительного приговора - важная научная проблема. Она не представляется достаточно очевидной при требуемых правил и наличии у субъекта права (судьи) соответствующего понимания законодательно формулировки содержания резолютивной части обвинительного приговора. Если законодатель сейчас выделяет три элемента структуры приговора (вводная, описательно-мотивировочная и резолютивная), то не исключено, что путем научных изысканий могут быть представлены теоретические модели, содержащие иную структуру судебного приговора с учетом рейтинговых социальных ожиданий.

Представленные далее идеи о законодательной модели резолютивной части обвинительного приговора носят научно-прогностический характер, который призван удовлетворить социальные ожидания о справедливости судебного решения: этого ждут и граждане, и участники уголовного процесса, и иные заинтересованные и интересующиеся проблематикой лица. В условиях законодательного определения цели наказания как восстановления социальной справедливости (ч.2 ст.43 УК РФ) и закрепления видов наказаний (ст.44 УК РФ), существенное значение приобретают общие начала назначения наказания, когда виновному лицу назначается справедливое наказание. Поэтому ответ на поставленный вопрос имеет значение для определения рейтинговой модели судебного приговора в условиях вариативности санкций уголовных норм, например, в УК РФ.

В 60-е годы XX века в советский период существования нашего государства интерес к правоприменению и судебному приговору как правоприменительному акту в науке уголовного процесса усилился благодаря исследованиям В.Я.Дорохова, В.С.Николаева, И.Д.Перлова и других известных учёных.[17] В доктрине обсуждались и переосмысливались как

традиционные проблемы (роль внутреннего убеждения судей при постановлении приговора, истинность приговора, мотивировка приговора, обоснованность приговора, законная сила).[18] Однако в ходе дискуссий признавались актуальными исследования свойствами приговора[19] Следует особо выделить работы Ф.Н.Фаткуллина, который определил и выразил своё отношение к обвинительному приговору как уголовно-процессуальному акту, обосновал выводы о доказанности обвинения, о месте квалификации преступления в его структуре, а также о признании лица виновным и назначении наказания в условиях вариативных санкций.[20] В частности, он обращал внимание на отдельные социальные последствия обвинительного приговора суда, выражающие в «публичном осуждении признанного виновным лица», а также положения о «назначении виновному меры уголовного наказания». В этой части Ф.Н.Фаткуллин обращал внимание на истоки возможных судебных ошибок при индивидуализации наказания, хотя в законодательстве заложена реальная основа для максимального учета и характера содеянного, и личности виновного, мотив и целей данного преступления. Суды и судьи не всегда последовательно применяли правила учета тяжести совершенного деяния, личности виновного, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств. В своих работах П.А.Лупинская подчеркивала значение этапов (стадий) принятия процессуального решения и критериев выбора решения и его формы.[21] П.А.Лупинская в своей последней работе обозначила дальнейшие дискуссионные темы, подлежащие исследованию в сфере формулирования и принятия уголовно-процессуальных решений. Она признавала, что «ожидаемый результат достигается не только принятием правильного решения, но и его надлежащим и своевременным исполнением».[22] И.Л.Петрухин указывал на значение структурных частей оправдательного приговора, о его резолютивной части как об «итоге судебного разбирательства и ответа на вопросы».[23] Мнение М.С.Строговича по этому вопросу было четко сформулировано в виде следующего положения:

«резюмирующая часть приговора должна вытекать из его описательной части».[24]

Г.И.Загорский полагал, что резюмирующая часть приговора должна быть краткой, четкой и предельно ясной, чтобы не возникло никаких сомнений при исполнении приговора. При этом, автор обращает особое внимание на стиль изложения приговора и говорит о значении языковой культуры приговора, о необходимости применения официально-делового стиля.[25] Теоретико-правовую модель обоснованности решений в уголовном процессе создают В.С.Зеленецкий и Н.В.Глинская. Они считают, что средства, используемые для подтверждения адекватности обоснованности решения подразделяются на четыре группы – фактические, нормативные, логические и лингвистические.[26]

С таких позиций становится очевидным, что язык и стиль резюмирующей части обвинительного приговора, которые не всегда соответствуют законодательной формально-юридической модели, позволяют обратить внимание на процессуально-правовое значение последствий несовершенства законодательных формулировок с целью определения оптимального резонанса резюмирующей части обвинительного приговора, которая, как логично предполагается, вытекает из описательно-мотивировочной части обвинительного приговора и обеспечивает социальные ожидания общества с позиций справедливости.

Современные проблемы судебного приговора и судебного решения рассматриваются авторами также с позиций теории права и законодательной модели. М.В.Беляев утверждает, что справедливость приговора необходимо «связывать с соразмерностью сути решения с фактическими обстоятельствами произошедшего». Справедливость судебного решения «в некотором смысле адекватная реакция суда на установленные обстоятельства» и обусловлена «правильным и адекватным разрешением уголовно-правового конфликта при соблюдении частных и публичных интересов».[27] С.В.Бурмакин при анализе справедливости судебных

решений высказал мнение, что отдельные (очевидные) составляющие справедливость «получили определенное нравственно-правовое признание и закрепление, приобретя качество нравственно-правовых предписаний....., хотя в нормативных языково-конструкциях ...формально не позиционируются как проистекающие из морально-нравственных норм».[28]

Известный теоретик права, основатель отечественной правовой лингвистики А.А.Ушаков говорил, что проблема законодательного стиля – это проблема не только языка правовых норм, но и всего делового официального языка в целом, так как язык закона лежит в основе всех правовых актов, и язык закона не может не оказать слияние на язык решения или приговора.[29]

Кашанина Т.В. обращает внимание на сложности при формулировании резолютивной части приговора: *во-первых*, здесь каждое слово должно нести смысловую нагрузку и представляет строгую юридическую форму сжатого предложения; *во-вторых*, судья испытывает затруднения, так как должен сформулировать свой вывод не в отдельных, независимых друг от друга предложениях, а в пределах одного синтаксического оборота; *в-третьих*, решение суда оформляется не только для профессиональных «практиков судебного процесса» процесса, но и для «человека с улицы», поэтому важно сочетание строгого изложения правовой нормы и с доступностью изложения: первоначально усваивается на слух и акт должен быть максимально понятен. [30]

Здесь, уместно, представляется понять значение информационных технологий для возможного принятия обвинительного приговора - его резолютивной части. Технологии искусственного интеллекта поражают воображение не только специалистов в сфере робототехники и применения электронного пространства и его возможностей. Не исключением является и сфера принятия социальных решений, в том числе и судебных приговоров. Так, например, в докладе В.В.Момотова на У1 Московский юридический форум «Российская правовая система в условиях четвертой промышленной

революции» говорилось достаточно много о современных технологиях в судебной системе: технологии автоматизированного распределения дел, видео-конференц-связь, электронный документооборот, электронная форма обмена документами между судами, а также возможность применить блокчейн-технологии. Но внедрять нейросеть вместо судьи, т.е. автоматизировать весь процесс оправления правосудия и заменить судью компьютерной программой (нейросетью) – «как минимум преждевременно».[31] В Докладе от 26.02.2020 В.В. Момотов более подробно раскрыл отношение к искусственному интеллекту в судебной системе. Например, внедрение искусственного интеллекта может обеспечить в том числе: а) повышение качества и эффективности судебной деятельности за счет: использования систем поддержки принятия решений судом, например, система назначения наказания в уголовном судопроизводстве, использования систем обработки естественного языка - распознавание общего смысла текста с возможностью выделять ключевые тезисы из текста, использования систем распознавания речи и видеоизображения в целях разметки аудио- и видеопотоков судебных заседаний, автоматизированная подготовка проектов судебных актов.[32]

Интересно мнение о том, что искусственный интеллект может применяться в качестве посредника судебной власти и повысить уровень эффективности и справедливости принятия судебных решений и даже их предсказывать.[33] Активизировалась дискуссия о предиктивной судебной аналитики: возможно ли знать решение судьи до его вынесения? Что такое судебная аналитика? В последние годы благодаря фантастическому росту уровня обработки информационных потоков и машинного обучения, появились новые инструменты для построения прогностических моделей, что позволит, например, Одним из таких примеров являются модели, которые позволяют создать технологию определения закономерностей вынесения тех или иных судебных решений. Так юристы, журналисты, программисты могут отслеживать закономерности процесса, ведущие к принятию того или иного

решения, а также, благодаря использованию программ, понимать, в чью пользу будет вынесено решение. Еще до начала судебного заседания.[34]

В литературе активно обсуждается научная разработка – «Весы правосудия» или «Электронное правосудие».[35] 14 мая 2019 года в Баку была презентация компьютерной программы «Электронные весы правосудия» - компьютерная технология определения наказания как научная разработка докторов наук, профессоров И.М.Рагимова и Х.Д.Аликперова.[36]

В декабре 2018 года Европейская Комиссия Совета Европы по эффективности правосудия (СЕРЕЈ) приняла Европейскую этическую хартию GEPeL об использовании искусственного интеллекта (ИИ) в судебных системах и их окружении. Там, прежде всего, сформулированы пять принципов, которые применяются при обработке судебных решений и технических данных на основе методов искусственного интеллекта.[37]

В ноябре 2017 года Департамент проектной деятельности правительства обратился к Дмитрию Медведеву с предложениями по цифровизации нормотворчества и правоприменения: создать «электронные кодексы», генерировать типовые судебные решения при помощи искусственного интеллекта: документы станут писать проще, они станут предсказуемы, улучшится в целом юридическая техника.[38]

В Верховном суде РФ на форуме «Повышение эффективности судебной защиты и законных интересов бизнеса» отмечалась востребованность внедрения искусственного интеллекта в судебную систему в условиях цифровизации, которая обеспечит единообразие судебной практики, профессиональное развитие и качество правосудия, анализа коррупционных рисков[39]. В соответствии с Федеральным законом от 05.06.2016 №220-ФЗ в УПК РФ была введена ст.474.1 «Порядок использования электронных документов в уголовном процессе», где регламентировано изготовление судебного решения в форме электронного документа с усиленной квалифицированной электронной подписью судьи, кроме решений, содержащих сведения, составляющих охраняемую законом тайну,

затрагивающие безопасность государства, права и законные интересы несовершеннолетних и по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности (ч.2 ст. 474.1 УПК РФ).

Сравнительно-правовая законодательная модель. Уголовно-процессуальное законодательство, которое динамично развивается в современных условиях, должно чётко проследить возникающие правоотношения и не «цепляться» за устаревающие процессуальные формы. Резолютивная часть обвинительного приговора, казалось бы, четко определена законом: четыре части и в первой – 12 пунктов (ст. 398 УПК РФ). В пункте 5 ч.1 ст.308 УПК РФ, применяется термин «*окончательная мера наказания*» и делегируется правоприменитель к позициям ст.ст.69-72 УК РФ, где термин применяется другой «*окончательное наказание*», и термин «мера наказания» нигде не применяется, а только – «вид наказания». Кроме того, существуют иные вопросы, подлежащие решению в резолютивной части и обвинительного, и оправдательного приговора.

В последнее время возникают дифференцированные формы резолютивной части обвинительного приговора, которые сопровождают различные виды ускоренных производств: особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл.40 УПК РФ, ч.5 ст.62 УК РФ), особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ , ч.2 и ч.4 ст.62 УК РФ).

Отдельной нормой законодатель регулирует резолютивную часть обвинительного апелляционного приговора (ст.389.32 УПК РФ), которая наряду с вводной частью решения суда апелляционной инстанции оглашаются по возвращении суда из совещательной комнаты, а вынесение мотивированного решения может быть отложено не более чем на 3-е суток (ч.2 ст.389.33 УПК РФ).

Кроме того, в УПК РФ существует возможность и у суда первой инстанции провозгласить только волную и резолютивную часть приговора (ч.4 ст.310 УПК РФ), в соответствии с ч.7 ст.241 УПК РФ «Гласность»:

а) в случае рассмотрения уголовного дела в закрытом судебном заседании (ч.2 ст.241 УК РФ): во-первых, если существует возможность разглашения государственной или иного вида тайн; во-вторых, рассмотрение дела о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими возраста шестнадцати лет; в-третьих, при рассмотрении уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности ил существует возможность разглашения сведений об интимных сторонах жизни участников уголовного судопроизводства либо сведений , унижающих честь и достоинство; в-четвертых, если этого требуют интересы безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников или близких лиц;

б) в случае рассмотрения уголовного дела о преступлениях в сфере экономической деятельности (гл.22 УК РФ – всего 64 состава);

в) преступления против общественной безопасности (гл.24 УК РФ) - ст.ст.205,205.1,205.2,205.3,205.4,205.5,205.6,206, 208, ч.4 ст.211, ч.1 ст.212 УК РФ;

г) преступления против основ конституционного строя и безопасности государства(гл.29)ст.ст.275,276,279,281УКРФ.

Но при постановлении приговора, должны быть урегулированы и ряд возникающих и смежных (межотраслевых) правоотношений. Так, в УПК РФ сформулирован перечень вопросов, решаемые судом одновременно с постановлением приговора (ст.313 УК РФ). В соответствии с ч.5 ст.310 УК РФ введено понятие – особое мнение судьи, которое изготавливается не позднее 5 суток со дня провозглашения приговора (ФЗ от 21.10.2013 №272-ФЗ). В соответствии со *ст.468 УПК Республики Узбекистан* в резолютивной части обвинительного приговора во всех случаях наказание должно быть обозначено таким образом, чтобы при исполнении приговора не возникало

никаких сомнений относительно вида и размера наказания, назначенного судом. В соответствии со *ст.353 УПК Республики Азербайджан* в резолютивной части обвинительного приговора должны быть указаны единые последствия решения суда в обвинительном приговоре (структура четко структурирована по определенным номерам частей этой статьи и подпунктов). В *ст. 369 и ст.372 УПК Республики Армения* позиционируются процедуры составления приговора: приговор излагается в ясных и понятных выражениях; состоит из вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной частей. В резолютивной части приговора указываются: 1) решения суда; 2) порядок опротестования приговора суда. В *ст.424 УПК Туркменистана*, где дается подробная характеристика резолютивной части обвинительного приговора в перечне видов решений, например, перечисляется решение суда о внесении представления Президенту Туркменистана о лишении осужденного воинского, специального или иного звания, классного чина, дипломатического ранга, квалификационного класса, государственных наград. В *ст. 374. УПК Украины* о содержании приговора также говорится, что приговор суда состоит из вступительной, мотивировочной и резолютивной частей.

Правоприменительная модель. Применительно к целям настоящего исследования были проанализированы резолютивные части сто тридцати четырех обвинительных приговоров, размещенных в государственной информационной системе – ГАС «Правосудие». Прежде всего, обращает на себя внимание, что резолютивные части в соответствии с частями статьи 299 и 308 УПК РФ не содержат номера вопросов из указанного в законе перечня, хотя, например, пункты 1-6 ст.299 УПК РФ оказывают определенное правовое значения при письменных формулировках сторон по вопросам, разрешаемых в приговоре (ст.244 УПК РФ). Представляется, что в резолютивных частях обвинительных приговорах, произвольно применяются некоторые юридико-правовые термины: «в силу статьи..»; «в соответствии..»; «своим поведением должен доказать своё исправление..»;

«..не менять без уведомления органов, ведающих исправлением осужденных места жительства, периодически являясь с эти органы на регистрацию..»;

«..определить к отбытию окончательное наказание..»;

«..не менять ..без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением осужденного, два раза в месяц являться на регистрацию в указанный орган..» (но в п. 2 ч.1 ст.40 УПК РФ говорится об органах принудительного исполнения в РФ). В ст.308 УПК РФ позиционируется 12 пунктов, а ст.309 УПК РФ дополняет еще три пункта с вопросами, подлежащими решению в резолютивной части любого приговора.

Таким образом, в современном уголовном судопроизводстве всё более актуализируется проблема совершенствования законодательной стилистики резолютивной части обвинительного приговора: во-первых, в условиях дифференцированных видов обвинительных приговоров; во-вторых, при законодательной возможности провозглашения по ряду составов только вводную и резолютивную части, когда участники процесса позже могут ознакомиться с полным текстом обвинительного приговора.

Выводы авторов. 1) законодательная стилистика резолютивной части обвинительного приговора должна обеспечивать дифференцированные виды приговоров; 2) законодательная стилистика резолютивной части обвинительного приговора должна содержать критерии соответствия резолютивной части и описательно-мотивировочной части обвинительного приговора ,если последняя формулируется позже резолютивной части; 3) законодательная стилистика должна позволить при аудиопотоколировании различные варианты электронного изготовления приговора; 4) цифровая трансформация (стратегическое управление данными) в уголовном судопроизводстве обеспечит эффективное использование информационных и цифровых данных о системе видов судебных решений в резолютивной части обвинительного приговора

Список литературы:

1. Юшков С. В. История государства и права СССР. Ч. 1. - М.: Госюриздат, 1961. - С.85,87.
2. Устав князя Владимира Святославича «О десятинах, судах и церковных людях»//Российское законодательство X-XX вв. В 9 томах. Том 1: Законодательство Древней Руси. - М.: Юридическая литература, 1984.- С.139-140.
3. Устав князя Ярослава Владимировича «О церковных судах»//Российское законодательство X-XX вв. В 9 томах. Том 1: Законодательство Древней Руси. - М.: Юридическая литература, 1984.- С.189-193.
4. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: изд-во «Феникс», 1995. С.119.
5. Юшков С. В. Доклад, читанный в Подкомиссии по подготовке к изданию Русской Правды 14 ноября 1928 «Правосудие митрополичье»//в книге: Труды выдающихся юристов – С.В.Юшков// отв.ред,доктор юридических наук, профессор, О.И.Чистяков// составители Клеандровов В.М., Филимонов В.Г., Штамм С.И. –М.: изд-во «Юридическая литература», 1989. С.337-338.
6. Дювернуа Николай Львович Источники права и суд в Древней России: Опыты по истории гражданского права/ предисл. канд.юрид.наук А.В.Коновалова. –СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. С.362.
7. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства, т.П – М.: издательство «АЛЬФА», Санкт-Петербург, 1996. –С.343.
8. Линовский В. А. Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России/Соч. проф. Ришельевского лицея Владимира Линовского. - Одесса : Тип. Л. Нитче, 1849. - С.13.
9. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: изд-во «Феникс», 1995. С.609.
10. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. - СПб.: Тип. М.Стасюлевича, 1910. - С. 332.
11. Кони А. Ф. Судебная реформа и суд присяжных//Собрание сочинений: С.: издательство «Юридическая литература», т.4. 1967. С.205
12. Джанишев Г.А. Основы судебной реформы: сборник статей. М.:«Статут»; РАП,2004. С.42.
13. Последние три понятия внесены в УПК РФ Ф3 от 29.12.2010г. №443.
14. Судебный кодекс Армении 2018 https://www.legislationline.org/download/id/8613/file/Armenia_judicial_code_2018_ru.pdf -дата обращения 20.02.2022
15. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Современная версия. М.: Издательство Эксмо, 2006. – с.552
16. Монтескье Ш. О духе законов//Избранные произведения. М. : Госполитиздат, 1955. - С.642

17. *Дорохов В. Я., Николаев В. С.* Обоснованность приговора в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1959. – 236с.; *Перлов И. Д.* Приговор в советском уголовном процессе. М. Госюриздат, 1960. – 262с.
18. *Куцова Э. Ф.* Приговор. М.: Госюриздат, 1962. – 39с.; *Кобликов А. С.* Судебный приговор. М.:Юридическая литература, 1966. – 136с.; *Грошевой Ю. М.* Правовые свойства приговора – акта социалистического правосудия. Харьков: Харьковский юридический институт им.Ф.Э.Дзержинского, 1978. – 60с.
19. *Грошевой Ю. М.* Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. – Харьков: Вища шк.Изд-во при Харьковском ун-те, 1979. – 144с.
20. *Фаткуллин Ф.Н.* Обвинение и судебный приговор. – Казань: Издательство Казанского университета, 1965. – С.327-335.
21. *Лупинская П.А.* Решения в уголовном процессе: теория, законодательство и практика. – М.: Юрист, 2006. – 29-30,71-72, 132-134, 152-155.
22. *Лупинская П.А.* Решения в уголовном процессе: теория, законодательство и практика/ П.А.Лупинская – 2-е изд., перераб. и доп. –М.: Норма: Инфра-М, 2010. –С.
23. *Петрухин И.Л.* Оправдательный приговор и право на реабилитацию: монография. – М.: Проспект, 2009. – С.107.
24. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1958. – С.461.
25. *Загорский Г.И.* Постановление приговора: проблемы теории и практики: учебно-практич.пособие. – М.: Проспект, 2010. – С.125-143.
26. *Зеленский В.С., Глинская Н.В.* Теория и практика обоснования решений в уголовном процессе Украины – серия «Юридический радник». – Харьков: «Страйд», 2006. – С.246.
27. *Беляев М.В.* Свойства судебных решений в российском уголовном процессе : монография– М.:Юрлитинформ, 2018. – С.136-137.
28. *Бурмакин С.В.* Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия: монография – М.: Юрлитинформ, 201. –С.623.
29. *Ушаков А.А.* Очерки советской законодательной стилистики: учебное пособие – Пермь, 1967//из книги : *Ушаков А.А.* Избранное: Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. – М.: РАП, 2008. – С.224.
30. *Кашанина Т.В.* Юридические документы. Чему не учат студентов. Как правильно понять и подготовить: учебник. –Москва: Проспект, 2019. – С.330-331.
31. *Виктор Момотов* «Судебная власть в условиях современных цифровых технологий»//Искусственный интеллект в судопроизводстве. 09 апреля 2019. Комментарии экспертов Группы правовых компаний ИНТЕЛЛЕКТ–С //

- https://www.intellectro.ru/press/iskusstvennyy_intellekt_v_sudoproizvodstv_e/ дата обращения 07.02.2020.
32. Выступление председателя Совета судей РФ В.В. Момотова на пленарном заседании по теме "Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации", Катар, Доха - 26.02.2020 <http://www.ssrf.ru/news/lienta-novostiei/36912> – дата обращения 10.03.2020
33. *Любовь Урывская.* - Искусственный интеллект, принимающий решения и принципы судебного разбирательства// psylra.ru/10032/iskusstvennyy_intellekt/ - дата вхождения 07.02.2020.
34. <https://vc.ru/legal/104833-prediktivnaya-sudebnaya-analitika-vozmozhno-liznat-reshenie-sudi-do-ego-vyneseniya> – дата обращения 12.02.2020.
35. *Аликперов Х.Д.* Электронная технология определения меры наказания («Электронные весы правосудия»). – СПб.: Юридический центр, 2020.
36. *Колоколов Н.А.* Искусственный интеллект в правосудии – будущее неотвратимо//Вестник Московского университета МВД России, №3, 2021. – С.201-203.
37. Первый европейский документ, где сформулировано пять методологических принципов, применяемые к автоматизированной обработке судебных решений и данных на основе методов искусственного интеллекта: уважение прав человека, недискриминация, безопасность, качество, прозрачность, компетентный пользователь//https://www.xe-xecutiwe.ru/uploads/artcle/imoge/1989667/thumb_vrs.jpg - дата обращения 07.02.2020
38. *Надежда Краснушкина, Андрей Райский, Евгения Крючкова, Денис Скоробогатько* – Судебный процессор. Правительство обсуждает использование искусственного интеллекта в правовой сфере // Газета «Коммерсантъ» №210 от 13.11.2017 стр.1//kommersant.ru/doc/3466185 – дата обращения 07.02.2020.
39. *Татьяна Ковалева* – Создать искусственный интеллект для судебной системы предложили в НПП// Сетевое издание «Zakon.kz» (www.zakon.kz) – дата обращения 07.02.2020.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО НОВОМУ УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РА

*Саргсян Аделина Арменовна, кандидат юридических наук, преподаватель
кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Института права и
политики Российско-Армянского университета*

Аннотация: На современном этапе развития одним из приоритетных направлений уголовно-правовой политики выступает воплощение гуманистических начал и реализация принципа справедливости, одним из проявлений которого выступают институты освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением потерпевшим. Социально-правовое назначение альтернативных форм разрешения уголовно-правовых конфликтов заключается в стимулировании положительного постпреступного поведения виновного, что, в свою очередь служит задачи предупреждения и эффективного раскрытия преступлений. В свете принятия нового уголовного кодекса Республики Армения представляется целесообразным обсудить значительных изменений, произведенных в контексте анализируемых институтов уголовного права.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности; деятельное раскаяние; примирение с потерпевшим; соглашение о примирении; семейное насилие; юридическое лицо.

Наличие в уголовном законодательстве института освобождения от уголовной ответственности является одним из проявлений диспозитивных начал в уголовном праве. Закрепление подобных частноправовых начал в уголовном праве преследует цель реализации защиты прав и свобод потерпевшего от преступления и выступает проявлением реализации цели восстановления социальной справедливости. В настоящем исследовании нами будут рассмотрены некоторые вопросы освобождения от уголовной

ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим, в особенности, в свете концептуальных изменений, произведенных в новом Уголовном кодексе Республики Армения.

Социальная сущность и правовая природа институтов деятельного раскаяния и примирения с потерпевшим как альтернативных средств разрешения уголовно-правовых конфликтов, призванных реализовать принципы гуманизма и справедливости, позволяет рассматривать их в качестве одних из сложнейших в то же время перспективных институтов уголовного права. В то же время анализ правоприменительной практики свидетельствует о многочисленных затруднениях в процессе применения рассматриваемых поощрительных норм, в своей совокупности снижающих эффективность ее реализации.

В свете проведенной в Республике Армения уголовно-правовой реформы, завершившейся принятием нового уголовного кодекса, целесообразным представляется рассмотрение нововведения – института уголовной ответственности юридических лиц – через призму освобождения их от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Проблема уголовной ответственности юридических лиц не нова и всегда была предметом широких научных обсуждений и дискуссий в первую очередь по причине отсутствия единства мнений относительно концепции вины юридического лица. В контексте предлагаемых нами законодательных изменений предлагается также рассмотрение их и на примере юридического лица в качестве направления дальнейшего совершенствования уголовного законодательства Республики Армения.

Статья 125 нового УК РА посвящена освобождению юридического лица от уголовной ответственности, согласно которой «Юридическое лицо освобождается от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным главой 12 настоящего Кодекса (Освобождение от уголовной ответственности), постольку, поскольку они по своей сути применимы к

юридическому лицу». Что отсюда следует? Применимы ли положения статьи 81 нового УК РА о деятельном раскаянии к юридическому лицу?

Фактически, имеет место быть ситуация, при которой субъект преступления и субъект уголовной ответственности – не совпадают. Физическое лицо признается непосредственным исполнителем преступления, подлежащим уголовной ответственности. Однако в то же время уголовной ответственности подлежит и юридическое лицо.

Норма о деятельном раскаянии физических лиц в новом УК РА (ст. 81) в качестве одного из условий предусматривает требование совершения преступления впервые. Однако, возникает вопрос: речь идет о совершении преступления физическим лицом впервые самостоятельно – как единственным субъектом, подлежащим уголовной ответственности или же только о случаях, когда оно, скажем, совершило преступление от имени либо в интересах юридического лица? Каким образом будет решаться вопрос об освобождении от уголовной ответственности юридического лица, если до совершения преступления в интересах юридического лица, физическое лицо совершило другое преступление, судимость за которое не снята либо не погашена?

Новый уголовный кодекс Республики Армения содержит нововведение относительно возможности воспользоваться поощрительной нормой о деятельном раскаянии лишь *один раз*. Как быть, если физическое лицо, которое является *alter ego* корпорации, ранее уже было освобождено от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием за совершение им другого преступления? На первый план выходят сразу два вопроса: вопрос об освобождении от уголовной ответственности физического лица и вопрос об освобождении от уголовной ответственности юридического лица. Разграничиваем ли мы в данном случае деяние физического лица, совершенного им в качестве *alter ego* юридического лица и преступное деяние физического лица, совершенное им как единственным субъектом уголовной ответственности, остается не ясным.

В то же время в ст. 123 нового УК РА отмечается, что «Освобождение физического лица от уголовной ответственности не является основанием для освобождения юридического лица от уголовной ответственности». Действительно, применительно к отождествлению вины юридического лица и физических лиц следует отметить, что речь должна идти о физических лицах, которые выступают представителями юридического лица, выполняют в нем управленческие функции. Поставление вины юридического лица в зависимости от вины его обычных работников может значительно усложнить процесс доказывания вины самой организации, тем более что зачастую данные лица могут действовать в собственных интересах. Таким образом, полагаем, что все упирается в вопрос о вине юридического лица: является ли вина юридического лица производной от вины *любого* члена коллектива[1], или она олицетворяется с виной лишь *одного* должностного лица или *нескольких* должностных лиц[2] (воля какого лица является доминирующей).

Полагаем впоследствии, непосредственно при реализации норм нового УК РА, данные вопросы найдут хотя бы частично свои ответы в прецедентных решениях Кассационного суда РА.

В новом УК РА к сожалению не нашли отражения наши предложения относительно предусмотрения возможности освобождения физических лиц от уголовной ответственности за освобождение жертвы торговли людьми или похищенного.

В целях наиболее эффективной реализации института деятельного раскаяния и достижения целей, преследуемых им, предлагается произвести определенную дифференциацию, расширив границы условного освобождения от уголовной ответственности путем распространения его и на норму о деятельном раскаянии.

Дополнительный положительный эффект будет заключаться в том, что лицо, по тем или иным объективным причинам не выполнившее всех требований деятельного раскаяния, будет заинтересовано в дальнейшем своем положительном поведении, соблюдении норм права и морали, и, тем самым,

условное освобождение от уголовной ответственности будет выполнять и функцию стимулирования дальнейшего позитивного поведения.

Условный характер освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием предлагается распространить и на случаи совершения преступления юридическим лицом. В данном случае, однако, полагаем, что следует законодательно закрепить возможность наложения соответствующих обязанностей как в отношении самого юридического лица, так и в отношении физического лица, непосредственно совершившего преступление.

Одним из вопросов, требующих законодательного урегулирования, является применение института деятельного раскаяния в отношении специальных субъектов преступления – военнослужащих.

В новом уголовном кодексе Республики Армения после многократных изменений, дополнений, существующих во время проекта кодекса, норма о деятельном раскаянии изложена следующим образом «Если лицо совершило преступление впервые, то оно может быть освобождено от уголовной ответственности, если совершенное им деяние является преступлением небольшой или средней тяжести, и оно сотрудничает с органами уголовного преследования, не оспаривает вменяемое ему деяние, в случае причинения вреда возместило или иным образом сгладило вред, причиненный преступлением». Анализируя судебную практику РА, сформировавшуюся на основании нормы о деятельном раскаянии в действующем УК РА (ст. 72), новая редакция статьи безусловно имеет преимущества применительно к военнослужащим.

Так, в решении по делу Артура Багдасаряна № ЦГГ/0069/01/19 суда первой инстанции общей юрисдикции от 02.09.2019 г. отмечается, что «...в связи с прекращением уголовного преследования в отношении подсудимого на основании деятельного раскаяния сторона обвинения указала, что в данном случае отсутствует обязательный элемент *явки с повинной*. В качестве обоснования сторона обвинения, ссылаясь на сформированные кассационным судом правовые позиции в связи с данным элементом деятельного раскаяния,

по сути, заявил, что очевидцами инцидента были свидетели, и свидетель, исходя из требований военного устава, имел обязанность в порядке подчиненности сообщить о случившемся, поэтому в данном случае отсутствует признак явки с повинной». Таким образом, вопрос состоит и в том, что о преступлениях, совершенных в закрытых учреждениях, таких как воинская часть или другое место службы, не только быстро узнают, но и во многих случаях становятся свидетелями вышестоящие офицеры, сообщаящие правоохранным органам о совершенном преступлении. В подобных ситуациях лицо, вследствие отмеченных обстоятельств, лишается возможности явиться с повинной и воспользоваться поощрительной нормой о деятельном раскаянии. Сказанное выступает ни чем иным, как нарушением принципа равенства перед законом. Рассматривая институт деятельного раскаяния через призму принципа равенства граждан перед законом и принципа справедливости, определяющее значение имеет закрепление на законодательном уровне положения, регламентирующего деятельное раскаяние военнослужащих с учетом особенностей их правового статуса и ограниченности территории пребывания, что в своей совокупности выступит правовой гарантией от усмотрения правоприменительных органов. Так, Мелтоян Р.М. отмечает «...в отдельных случаях невозможно выполнение всех без исключения указанных в законе условий по причине «непреодолимой силы», когда лицо задерживается на месте совершения преступления либо по иным объективным причинам не может явиться с повинной. Соответственно, освобождение от уголовной ответственности по названному основанию должно ставиться в зависимость не от проявления всех возможных видов указанного в законе социально одобряемого посткриминального поведения, а от объективной возможности проявления таковых»[3]. В предыдущих исследованиях нами уже предлагалось из числа условий, необходимых для освобождения от уголовной ответственности военнослужащего, устранить в виду объективной невозможности требование «явки».

Однако, как видим, редакция статьи 81 нового УК РА и вовсе не требует «явки» как таковой применительно ко всем категориям субъектов, что, на наш взгляд, представляется неверным и не соответствующим социально-правовой сущности и предопределенности анализируемого института.

Еще одним вопросом, который следует обсудить в рамках института деятельного раскаяния, является положение в новом УК РА, согласно которому лицо может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием только лишь *один раз*. В связи с этим полагаем, что в тех случаях, когда первое из совершенных лицом преступлений, являлось преступлением, совершенным по неосторожности, лицу может быть предоставлена возможность второй раз воспользоваться нормой о деятельном раскаянии. В случае же, когда неосторожным преступлением было не первое, а второе из них – полагаем, можно постановить об условном освобождении лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Освобождение лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием является правом, а не обязанностью правоприменительных органов. На наш взгляд было бы справедливым и эффективным в ряде случаев применение данной нормы считать обязанностью данных органов. Например, в случае впервые совершения преступления по неосторожности, покушения на преступление небольшой или средней тяжести. Такой подход способствует эффективной реализации данного института, исключает субъективный подход правоприменителя по его применению, способствует снижению мер уголовно-правовой репрессии, стимулирует позитивное поведение обвиняемого. В связи с отмеченным предлагаем при наличии в действиях лица всех условий деятельного раскаяния в императивном порядке освобождать его от уголовной ответственности. Императивное освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием предлагается также и в случае наличия в действиях лица одного из условий деятельного раскаяния, если впервые

совершенное деяние является неосторожным или покушением на преступление небольшой или средней тяжести.

Хотелось бы также отметить некоторые нововведения в УК РА относительно института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. По справедливому замечанию С.Г. Келиной «Передача на усмотрение потерпевшего не оценки степени общественной опасности совершенного преступления, а решения вопроса о путях выхода из возникшего конфликта свидетельствуют об уважительном отношении законодателя к интересам потерпевшего и соответствует цели восстановления социальной справедливости - высшей задаче вмешательства уголовного закона»[4].

В первую очередь необходимо отметить, что в отличие от предыдущего Уголовного кодекса, в новом УК Республики Армения норма об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим приобрела императивный характер, что, безусловно, является оправданным нововведением, в первую очередь, с точки зрения исключения субъективизма и усмотрения со стороны правоприменительных органов при принятии решения по уголовному делу. Следующим обстоятельством, обуславливающим целесообразность рассматриваемой новеллы, является достижение эффективности применения института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, поскольку отсутствие у виновного гарантии освобождения от ответственности не будет должным образом способствовать его соответствующему постпреступному поведению.

Далее – расширены категории преступлений, при совершении которых возможно применение анализируемой нормы. Так, в ст. 73 действующего УК РА речь идет только лишь о совершении преступлений небольшой тяжести, в то время как в ст. 82 нового УК РА – не только небольшой, но и средней тяжести.

Новеллой является также обращение на законодательном уровне внимания на проблематику медиации в случаях домашнего насилия. Сказанное представляется особенно актуальным в условиях принятия в Республике Армения Закона о семейном насилии, предоставляющем широкие возможности для борьбы с этим негативным явлением.

Во многих странах проблема медиации в случаях семейного насилия до сих пор остается нерешенной, что вызывает обеспокоенность мирового сообщества в целом. В новом УК Республики Армения данный вопрос разрешен следующим образом: «Если лицо совершило преступление впервые, то оно освобождается от уголовной ответственности, если совершенное им деяние является преступлением небольшой или средней тяжести, и между ним и потерпевшим имеется взаимное согласие относительно примирения, основанное на самостоятельном и свободном волеизъявлении, *за исключением случаев, когда в совершенном преступлении имеются признаки семейного насилия*».

Учитывая особенности национального менталитета, степень распространенности семейного насилия, наличие значительного психологического влияния и давления на женщин со стороны супругов, полагаем данный подход в целом представляется оправданным. На отмеченное также указывает и Зиелинска Е. «Одним из главных аргументов против применения посредничества в случаях бытового насилия является неравенство сторон во время переговоров. Обычно в таких случаях с одной стороны фигурирует виновник — агрессор, с другой же — зависящая от него покорная и пассивная жертва»[5].

Так, в Пособии ООН для разработки законодательства по вопросам насилия в отношении женщин, в частности, отмечается рекомендация следующего характера «Законодательство должно: однозначно запрещать посредничество во всех случаях насилия в отношении женщин — как до начала, так и в ходе судебного разбирательства». Там же указывается, что принятый в 2004 году в Испании Органический закон о комплексных мерах

по защите от гендерного насилия запрещает какое бы то ни было посредничество при рассмотрении дел о насилии в отношении женщин.[6]

Далее возникает вопрос о последствиях проведенной медиации между жертвой семейного насилия и агрессором, в частности, вероятности ревиктимизации жертвы.

В конечном итоге все сводится к надлежащим образом организованной процедуре медиации, работе специалистов, проведении психологических мероприятий как с жертвами семейного насилия, так и с агрессорами.

Следует все же прийти одновременно к заключению, что в определенных случаях должным образом организованная медиация может дать свои плоды и способствовать дальнейшему предупреждению семейного насилия.

Так, в нескольких районах Южной Африки проводились проекты, связанные с реализацией процедуры медиации в рамках семейного насилия, преследующие цель выявить эффективность таковой. В результате большинство жертв-женщин отметили на произошедшие значительные положения изменения в поведении своих супругов-агрессоров.[7]

Учитывая значительную латентность семейного насилия, ее распространенность, представляется в качестве одного из возможных вариантов разрешить реализацию процедур мероприятий при мелких случаях семейного насилия. Сказанное может сыграть значительный превентивный и воспитательный потенциал с точки зрения исправления агрессора-виновника и предупреждения совершения им более значительных актов семейного насилия.

В ч. 4 ст. 84 УК РА отмечается «Если потерпевший от преступления является лицом, не достигшим четырнадцати лет, либо вследствие психического расстройства, слабоумия или психического развития полностью или частично лишен возможности осознавать характер и последствия направленного против него преступления или руководить своим поведением, то лицо, совершившее преступление против него, не может быть освобождено от уголовной ответственности по основанию примирения». Действительно,

право на примирение с лицом, совершившим преступление, является неотъемлемым правом потерпевшего, представляет собой акт его свободно выраженной воли, которую он может выражать исключительно самостоятельно. Вышеотмеченные категории потерпевших, права которых нуждаются в особой охране со стороны государства, в силу тех или иных обстоятельств не способны объективно оценить последствия преступления, совершенного в отношении них и именно поэтому представляется нецелесообразным освобождение виновного от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Запрет на «замену» одного из субъектов примирения – потерпевшего – его законным представителем и представителем вышеотмеченной категории потерпевших, является положительным нововведением, поскольку в обратном случае отсутствует гарантия достижения соглашения относительно примирения именно в интересах потерпевшего. В подобных случаях возможны различные злоупотребления со стороны представителя малолетнего потерпевшего. В рассматриваемом виде освобождения от уголовной ответственности речь идет именно о примирении с потерпевшим, а потому представляется нецелесообразным предоставление его законному представителю возможности реализовать принадлежащее потерпевшему право на примирение с виновным лицом.

В частности, родитель или иной законный представитель малолетнего потерпевшего может обратить материальную выгоду, полученную в результате достижения соглашения о примирении, в свою пользу, проигнорировав, тем самым интересы потерпевшего.

Минимальным возрастом наступления уголовной ответственности согласно уголовному законодательству Республики Армения признается 14-летний возраст. Соответственно, законодатель исходит из тех соображений, что, именно начиная с 14-летнего возраста несовершеннолетний потерпевший может осознавать характер совершенного в отношении него преступления, оценить его последствия, самостоятельно посредством свободного волеизъявления принять решение о примирении с лицом,

совершившим преступление, оценив при этом социальное и правовое значение примирения.

В новом УК РА, в отличие от предыдущего, законодатель предпринял попытку развернутым образом представить нам сущность «примирения» с потерпевшим. Как видим, в первую очередь, указывается на добровольный характер достижения соглашения о примирении. Это означает, что действия, направленные на достижение «примирения» должны быть результатом свободной воли, собственного желания обеих сторон, а не в результате принуждения. Далее идет речь о *взаимном* соглашении о примирении. В частности, Владимирова О.А. отмечает, что Примирение имеет двусторонний характер. Достижение согласия, обсуждение и принятие условий примирения должно быть обоюдным, примирение представляет собой договоренность, касающуюся обеих сторон, решение о примирении не должно быть навязанным ни одной из сторон [8].

Норма об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, как следует, ориентирована в первую очередь охрану интересов потерпевшего. Изначально предусмотрение данной нормы было обусловлено стремлением обеспечения возмещения виновным вреда, причиненного потерпевшему. Однако, в новом УК РА нет никакой речи относительно заглаживания вреда, причиненного преступлением. Полагаем, что законодатель счел излишним вмешиваться в сферу частных интересов и оставил вопрос относительно необходимости возмещения вреда, причиненного преступлением, на усмотрение самого потерпевшего.

Далее, исходя из буквального толкования нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим и из логики ее изложения, следует, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности вне зависимости от непосредственного объекта посягательства (личность, общество, государство).

По смыслу анализируемого вида освобождения от уголовной ответственности государство предоставляет потерпевшему возможность самостоятельно оценить совершенное в отношении него преступление, его последствия и разрешить вопрос о дальнейшей судьбе виновного. Однако если было совершено преступление, основным объектом посягательства которого являются, например, общественные или государственные интересы, в данном случае применение ст. 84 УК РА представляется спорным. В статье прямо содержится указание на персонифицированного потерпевшего, а потому представляется неуместным применение статьи 84 нового УК РА при совершении преступления, направленного против публичных интересов, поскольку в данном случае должен идти разговор о «примирении с обществом или государством», что представляется не совсем ясным.

Примирение с потерпевшим в таких случаях не снимает конфликтную ситуацию, возникшую, например, в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ (оскорбление представителя власти), когда примирение с потерпевшим и принесение ему извинений никоим образом не восстанавливает нарушенный авторитет власти[9].

Например, в статье 489 нового УК РА закреплён состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность за неуважительное отношение к суду, основным объектом которого выступает нормальная деятельность суда по отправлению правосудия, в то время как интересы потерпевшего – в данном случае честь и достоинство судьи, - выступают дополнительным объектом.

Справедливости ради следует отметить, что в данном случае судья выступает в первую очередь не как физическое лицо, руководствующееся исключительно частными, личными интересами, а как представитель власти, и, таким образом, возмещение потерпевшим вреда судье не влечет за собой возмещение вреда основному объекту преступления – нормальному функционированию системы правосудия.

То есть, из буквального толкования нормы, предусмотренной в ст. 84 Уголовного кодекса Армении, следует, что в тех случаях, когда по конкретному уголовному делу присутствует публичный интерес, тем не менее, виновный может быть освобожден от уголовной ответственности в результате примирения с потерпевшим в лице лица, нарушенные интересы которого выступают дополнительным объектом преступления. Более того, отмеченная формулировка в статье 84 носит императивный характер.

Подытоживая проведенное исследование, следует вновь констатировать важность и практическую необходимость дальнейшего совершенствования института освобождения от уголовной ответственности как одного из важнейших средств предупреждения преступности, реализации ряда конституционных и уголовно-правовых принципов.

SOME ISSUES OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY UNDER THE NEW RA CRIMINAL CODE

A.A. Sargsyan, PhD in Law, Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law of the Institute of Law and Politics of the Russian-Armenian University

Abstract: At the present stage of development, one of the priority directions of criminal law policy is the embodiment of humanistic principles and the implementation of the principle of justice, one of the manifestations of which are the institutions of exemption from criminal liability in connection with active repentance and reconciliation of victims. The socio-legal purpose of alternative forms of resolution of criminal law conflicts is to stimulate positive post-criminal behavior of the perpetrator, which, in turn, serves the task of preventing and effectively solving crimes. In the light of the adoption of the new Criminal Code of the Republic of Armenia, it seems appropriate to discuss the significant changes made in the context of the analyzed institutions of criminal law.

Keywords: exemption from criminal liability; active repentance; reconciliation with the victim; reconciliation agreement; family violence; legal entity.

Список литературы:

1. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2001. С. 340.
2. Колесниченко Ю.Ю. Некоторые вопросы административной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. 1999. № 10. С. 76-81.
3. Мелтонян Р.М. Освобождение от уголовной ответственности: криминологическая обоснованность закона / Р.М. Мелтонян // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2014. - № 3 (29). - С. 51.
4. Келина С.Г. Освобождение от уголовной ответственности как правовое последствие совершения преступления // Уголовное право: новые идеи. М., 1974. С.80.
5. Zielinska E. Kilka refleksji na temat mediacji w sprawach karnych o przemoc w rodzinie / E. Zielinska // Ksi^ga dedykowana Dr Ewie Weigend / S. Waltos (red.). — Krakow: Polska Akademia Umiej^otnosci, 2011. — S. 355-366.
6. Пособие ООН для разработки законодательства по вопросам насилия в отношении женщин, Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 2010. С. 46-47.
7. Pelikan C. The never ending story: Restorative justice and domestic violence / C. Pelikan // Newsletter of the European Forum for Restorative Justice. — 2010. — Vol. 11, iss. 2. — P. 1-4.
8. Владимирова О.А. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета, 2011. С. 4.
9. Артеменко Н.В., Минькова А.М. Спорные вопросы применения нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. // Российский судья. 2006. № 7. С. 43-44.

УГОЛОВНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО: ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Серебренникова Анна Валерьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Аннотация: автором исследования затрагивается вопрос оценки создания такой отрасли, как уголовное предпринимательское право – область уголовно-правового регулирования, затрагивающая функционирование института предпринимательства и его развитие. Автор обращает основное внимание на то, что, пока не выработаны общие принципы взаимодействия предпринимательства и органов правопорядка по части развития бизнес-сферы в стране, создание указанной отрасли маловероятно. Одной из причин такого вывода автор считает несовместимость действующих в той и другой отрасли методов правового воздействия на общественные отношения.

Ключевые слова: предпринимательство, уголовное право, цивилистика, правовое регулирование, противодействие, принципы права.

В настоящее время в среде ученых все чаще возникают идеи, в которых различные правовые отрасли могут объединяться в одно единое целое [1, с.19]. Такая интеграция, как представляется, возможна, к примеру, за счет пересечения интересов (схожести выбора принципов законодательного регулирования), а также при условии, что правовое воздействие со стороны реализации этих интересов, как мера, направленная на стабилизацию зародившихся в таких отраслях отношений, имеет общие цели.

В частности, если при формировании какой-либо отрасли права имеется цель – создать эффективный механизм защиты отношений, прибегая при этом исключительно к средствам гражданско-правового регулирования (воздействия), но в указанной отрасли могут формироваться столь

негативные явления, последствия от которых восстановить подобным образом невозможно, то в данном случае необходимо задуматься над созданием новых универсальных принципов такого регулирования, сочетая в них идеи частного и публичного права.

В последнее время мы все чаще встречаемся с позицией, в соответствии с которой предпринимательское право, как подотрасль гражданского права, нуждается в особой правовой «опеке» прежде всего со стороны действия принципов такой отрасли публичного права, как уголовная [2, с.20]. В этой позиции главным стимулом к выведению в отдельное направление уголовно-правового воздействия является чрезмерная заинтересованность государства в эффективном развитии института предпринимательства, а также роль данного института в вопросе образования дополнительных сфер социально-бюджетного регулирования (создание рабочих мест, уплата налогов, привлечение инвестиций, развитие инфраструктуры и др.). В свою очередь, предпринимательство уже давно выделяется, как особый вид финансовой деятельности, требующей к себе обособленного, можно даже сказать, филигранного отношения со стороны тех, кто пытается контролировать указанную сферу посредством мер уголовно-правового характера [3, с.110].

Так, автор диссертационного исследования «Уголовно-правовая охрана финансовых отношений» С.Л. Нудель полагает, что сфера предпринимательства, как область постоянно совершаемых правонарушений как со стороны представителей предпринимательской среды, так и со стороны тех, кто пытается нарушить природу её функционирования, рано или поздно будет подвергнута правовой деформации, цель которой - выделение указанного вида правоотношений в отдельное направление уголовно-правовой регуляции. В данном случае предприниматель, скорее всего, будет представлен в качестве специального субъекта уголовного права, координация действий которого будет определяться отдельными нормами уголовного производства [4, с.148].

Нужно отметить, что данная точка зрения нашла свое косвенное подтверждение в позициях, высказанных со стороны первых лиц государства. В частности, Президент РФ В.В. Путин, обращая внимание на соблюдение прав предпринимателей со стороны, прежде всего, органов прокуратуры, заявил, что эффективность развития указанной среды во многом зависит от того, насколько нормы уголовного производства затрагивают фактическое положение предпринимателей, тем самым предопределяя эффект проводимых в отношении указанной категории граждан всевозможных проверок, а также принятия к ним мер прокурорского реагирования. Отдельно было обращено внимание на то, что предпринимательство должно находиться под защитой уголовного права, а не быть целью его повсеместного и безосновательного применения[5].

Ввиду этого стоит учесть, что комплекс норм гражданского права, определяющих характер и темпы развития бизнеса в нашей стране, а также примеры того, насколько данный вид коммерческой деятельности может быть криминогенным, нередко служит причиной для определения такого явления, как уголовное предпринимательское право - отрасли, которая включает в себя, прежде всего, отдельные (исключительные) правила оценки деятельности предпринимателей на предмет нарушения или соблюдения закона с их стороны и указывает на необходимость разработки автономных институтов уголовного судопроизводства, позволяющих ограничить бизнес в ходе уголовного судопроизводства от необоснованных потерь, даже если признаки правонарушений, допущенных со стороны его представителей, явно указывают на совершение преступления.

Исследователи отмечают, что для зарождения указанной отрасли необходимо будет серьезно перекраивать некоторые положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Кроме того, при создании и дальнейшем развитии такой отрасли верным будет внести обязательные изменения в иные нормативные акты, прежде всего определяющие правовой статус представителей предпринимательской среды, а также порядок,

указывающий на законность выполнения определенных действий с их стороны и последствий, образуемых данными инсинуациями.

К примеру, об указанном свидетельствуют преобразования, которые уже были приняты и введены в действие, и которые, как отмечают авторы этих законодательных трансформаций, должны были оградить предпринимателей от необоснованного уголовного преследования [6, с.926]. Дело в том, что при опросе предпринимателей социологические исследования выявили явное недоверие с их стороны к методам работы правоохранителей [8]. В большей степени это коснулось моментов, связанных с необоснованным уголовным преследованием, сопровождающимся различными провокациями, а также обысками и различными выемками. Как показала реальность, в ходе совершения указанных процессуальных действий осуществляется давление на предпринимателей, большая часть которых, несмотря на действие института презумпции невиновности, оказываются в положении, которое разрушает их дело.

Вместе с тем исследователи, которые имеют в своих взглядах уклон в сторону невозможности создания рассматриваемой нами отрасли, показывают, что её генезис, пока бизнес и правоохранительная система разобщены и не связаны общей целью, невозможен. Основной причиной к такому выводу является то, что системы гражданско-правового и уголовного воздействия не так тесно взаимосвязаны между собой и имеют, в сущности, разное предназначение. И если в основу действия норм гражданского права положен конструктив, основанный на применении компенсационного механизма, позволяющего восстановить положение потерпевшего, даже если при этом причиной нарушения его положения стал он сам, то в случае с уголовно-правовым воздействием мы имеем дело с карательной моделью восстановления справедливости.

Попробуем затронуть указанный вопрос несколько шире. В частности, на данный момент понятие «уголовно-правовое воздействие», равно как и

«гражданско-правовое воздействие», в законодательстве не отражено, поэтому исследователи, характеризуя причины (предпосылки), развитие, а также следствие использования мер уголовно-правового и цивилистического характера, очень часто дают свое (индивидуальное) определение данному явлению, а также идентифицируют его признаки с учетом особенностей формирования конкретного института определенной отрасли права. К примеру, автор диссертационного исследования «Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации» М.В. Бавсун определяет в качестве такового систему отраженных в уголовном законодательстве нормативных положений и связывает их действие с необходимостью обеспечения охраны конституционных основ государства, а также защиты прав и свобод граждан от преступных посягательств. В контексте данного определения автор выделяет основные средства, которые могут быть использованы государством в достижении установленной цели: карательные, информационно-правовые, воспитательные и безопасные меры [4, с.23].

Между тем, учитывая, что представление о мерах уголовно-правового воздействия находится в русле научно-теоретического обоснования, мы, с учетом специфики взгляда на современное представление о правильности построения системы предупреждения (раскрытия) преступлений, а также оценки совершаемых гражданских деликтов, можем выделить основные из них, к которым, безусловно, относятся так называемые санкционные (карательные) меры, а также необходимое воспитательное воздействие, осуществляемое, как правило, в рамках уже назначенного наказания за совершенное преступление. Это своего рода стандарт реагирования на те правонарушения, которые законодатель относит к правонарушениям в целом. И здесь сразу же необходимо отметить, что при таком подходе отечественная система уголовного преследования слабо различает кто перед ней – действительно общественно опасный элемент, который заслуживает самого жесткого наказания, или человек, который оступился, и для возвращения к

нормальной жизни в обществе его совсем не обязательно карать тем же лишением свободы. Впрочем, если посмотреть внимательно на соответствие целей уголовно-правового воздействия выбору средств для привлечения к ответственности, мы можем увидеть, что во многом системный подход в определении правильности соответствия указанных элементов запросам законодательной логики находится в сфере правоприменения (практики), что опять же говорит о том, что сами по себе нормы – только направления для реагирования, тем более что за последнее время большинство санкций уголовных предписаний носят откровенно альтернативный характер, в рамках действия которых судья или следователь могут выбрать (запрашивать) как мягкую меру для наказания, так и более строгую. При данном положении дел создание общеправового подхода, тем более в сочетании положений гражданского права и уголовного, представляется крайне затруднительным.

В свою очередь, другими исследователями, которые верят в том, что гражданско-правовое регулирование отношений может быть более точечным и предметным с точки зрения применения штрафных санкций, несмотря на самые серьезные последствия при нарушении, к примеру, договорных обязательств, вышеуказанные подходы признаются как неприемлемые [7, с.3].

Можно, конечно, сказать, что противоречие во взглядах - только повод заняться его разрешением, бросив все силы на то, чтобы действительно сформировать в уголовном праве отдельное направление, с одной стороны, эффективно карающее за нарушение правил ведения бизнеса, с другой - защищающее его субъекта по причине необоснованного преследования или несправедливого наказания. Однако стоит признать, что на данный момент, пока целевое направление двух отраслей не обусловлено действием одних и тех же принципов, сформировать общий отраслевой взгляд на контроль за предпринимательством в стране вряд ли получится. Разумным будет отметить и то, что логистика создания подобных правовых формул очень

редко заканчивается удачно, так как законодатель, разрабатывая модель интеграции одних принципов в сферу действия других, нередко создает порядок, при котором последующее применение уже установленных правовых начал становится невозможным, что, в свою очередь, указывает на неправильность использования принципов одной отрасли по отношению к другой, а также их применения в совокупности. Порядок объединения (симбиоза) настоящих принципов деформирует законодательную среду и нарушает основу правового воздействия, что непременно приведет к нарушениям прав и гражданских свобод, а также исказит гипотезу правового воздействия в части представления о ней, как о способе эффективного реагирования на подобные нарушения.

Список литературы:

1. Занковский С.С. Теория и практика взаимодействия норм предпринимательского и уголовного права / С. С. Занковский, С. М. Мотуренко // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2017. – Т. 12. – № 6. – С. 14-24.

2. Рябова Н.В. Практика вменения организации и участия в преступном сообществе лицам, привлекаемым к уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (по материалам обращений к Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей) / Н.В. Рябова // Практика применения статьи 210 УК РФ по уголовным делам в отношении предпринимателей: сборник материалов научно-практической конференции, Москва, 01 октября 2019 года / Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования "Университет прокуратуры Российской Федерации". – Москва: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования "Университет прокуратуры Российской Федерации", 2020. – С. 16-23.

3. Зайцев О. А. Процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов предпринимателей в уголовном судопроизводстве / О. А. Зайцев // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 10. – С. 108-126.

4. Нудель С.Л. Уголовно-правовая охрана финансовых отношений: дисс...докт. юрид. наук. Специальность: 12.00.08. Уголовное право и криминология. Москва. 2015. 429 с.

5. Владимир Путин: «Эффективная защита прав предпринимателей, предпринимательских свобод – это важнейшее условие успешного развития национальной экономики» // [Электронный ресурс]. Доступ: <https://opora.ru/news/vladimir-putin-effektivnaya-zashchita-prav-predprinimateley-predprinimatelskikh-svobod-eto-vazhneysh.html> (дата обращения: 27.02.2022).

6. Казакова В.А. Статья 169 Уголовного кодекса Российской Федерации - имитация защиты предпринимательской деятельности / В.А. Казакова, С. Ю. Кораблева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 919-935.

7. Мартыненко Г. И. Предпринимательское право / Г. И. Мартыненко, Д. Р. Тутаева // Хроники объединенного фонда электронных ресурсов Наука и образование. – 2015. – № 6(73). – С. 3.

8. В России все страшнее заниматься бизнесом // [Электронный ресурс]. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/05/24/830948-strashnee-biznesom> (дата обращения: 27.02.2022).

CRIMINAL BUSINESS LAW: CONCEPT AND PROBLEMS

A.V. Serebrennikova,

Doctor of Law, Professor of the Department

of Criminal Law and Criminology, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Abstract: the author of the study touches upon the issue of assessing the creation of such an industry as criminal business law - an area of criminal law regulation that affects the functioning of the institution of entrepreneurship and its

development. The author focuses on the fact that until the general principles of interaction between entrepreneurship and law enforcement agencies regarding the development of the business sector in the country have not been developed, the creation of this industry is unlikely. One of the reasons for this conclusion, the author considers the incompatibility of the methods of legal influence on social relations operating in one and the other branch.

Keywords: entrepreneurship, criminal law, civil law, legal regulation, opposition, principles of law.

**«ОДНОСТОРОННЯЯ ДЕКЛАРАЦИЯ И МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ
(UNILATERAL DECLARATIONS И FRIENDLY SETTLEMENTS) КАК
ОСНОВАНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПЕРЕСМОТРА В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ»**

*Сукиасян Варздат Овикович, помощник председателя Уголовной палаты
Кассационного суда РА, к.ю.н. преподаватель кафедры уголовного права и уголовно-
процессуального права Института права и политики РАУ*

*Гарибян Наира Геворговна, магистрант 2 года обучения, Института права и политики
Российско-Армянского университета, ООП «Уголовный процесс, криминалистика,
оперативно-розыскная деятельность»*

Ключевые слова: пересмотр судебных актов, новые обстоятельства, мировое соглашение, односторонняя декларация.

Аннотация: В статье проведен анализ практики ЕСПЧ, выявляющий необходимость наличия на внутригосударственном уровне стран-участниц Европейской конвенции по правам человека правовой возможности пересмотра судебных актов на основе мирового соглашения и односторонней декларации. Рассмотрены тенденции развития применения данных институтов в РА на фоне действующего и нового уголовно-процессуальных кодексов. На основе правового опыта РА сделаны предложения по совершенствованию уголовно-процессуальных норм РФ.

ЕСПЧ указывает в своих решениях, что принципу правовой определенности должны отвечать как правовые нормы[1], так и правоприменительная практика[2]. Кроме того, ЕСПЧ уделяет отдельное внимание вопросам реализации правила о *res judicata*, означающего недопустимость "пересмотра окончательных судебных решений в отсутствие исключительных (экстраординарных) на то оснований"[3]. Принцип правовой определенности со своим требованием *res judicata*, предполагающим устойчивость и обязательность исполнения окончательного

судебного решения по делу, является одним из центральных принципов правовых систем Армении. За упомянутым принципом в постановлениях Европейского суда по правам человека признан фундаментальный характер. Вместе с тем, необходимость восстановления правовой ситуации заявителя, неправомерно измененной вследствие допущения судом ошибки (*restitutio in integrum*), требует наличия определенного разумного баланса между неотменяемостью окончательного судебного решения и возможностью возобновления судебного дела, в рамках которого будет устранена ошибка. Иными словами, принцип *res judicata* не носит абсолютный характер и может быть ограничен в пользу *restitutio in integrum* в тех случаях, когда оно не может быть достигнуто без изменения окончательного судебного решения. Так, Комитет Министров Совета Европы в своей Рекомендации от 19 января 2000 года призвал стороны Конвенции к обеспечению в своих национальных правовых системах адекватных возможностей для пересмотра дел, включая возобновление производства, исходя из того, что «в определенных обстоятельствах пересмотр дел или возобновление производства по делу оказываются самыми эффективными, если не единственными, мерами для достижения *restitutio in integrum*»[4]. Традиционно для государств-членов Конвенции наличие в своих правовых системах подобного института возобновления дел связывалось с наличием постановлений ЕСПЧ, в которых бы устанавливались нарушения положений Конвенции, допущенные национальными судами. Однако анализ практики ЕСПЧ последних лет показывает, что институты пересмотра вступивших в законную силу судебных актов следует применять в более широком значении.

Так, в связи с ежегодным увеличением количества поступающих в Европейский суд жалоб и, соответственно, с возрастанием занятости Суда, последним все чаще подчеркивается необходимость и значимость использования упрощенных процедур разрешения дел, в частности мировых соглашений и односторонних деклараций, процедуры применения которых описаны Регламентом Европейского суда по правам человека от 18 октября

2021 года. Мирное соглашение представляет собою договоренность между подавшим жалобу лицом и государством-ответчиком о внесудбном урегулировании дела. В случае достижения подобного соглашения Суд, «удостоверившись в том, что это соглашение заключено на основе уважения к правам человека (...), исключает это дело (...) из списка подлежащих рассмотрению в Суде дел» [5]. Если же заявитель отклоняет условия мирного соглашения, то Высокая Договаривающаяся Сторона получает возможность в одностороннем порядке признать факт допущенного нарушения, взять на себя обязательство по возмещению вреда заявителя, а при необходимости и по предпринятую мер по устранению последствий правонарушения. Односторонняя декларация при условии соблюдения требований норм Регламента также может стать основой для исключения дела Судом из списка подлежащих рассмотрению дел.

Европейский Суд констатировал, что в соответствии с пунктом 2 статьи 39 Конвенции переговоры о мировом соглашении являются конфиденциальными и не могут оказывать отрицательное влияние на доводы сторон в состязательной процедуре и что согласно пункту 2 правила 62 Регламента Суда в состязательной процедуре невозможны ссылки на письменные или устные сообщения или предложения и признания, имевшие место при попытке достижения мирного соглашения. Это правило, как предусмотрено в Конвенции и Регламенте Суда, должно толковаться в свете общей цели облегчения мирного урегулирования и защиты сторон и Европейского Суда от любого возможного давления[6].

Европейский Суд неоднократно заявлял, что нарушение конфиденциальности переговоров о мировом соглашении при определенных обстоятельствах может оправдать вывод о том, что жалоба является неприемлемой на основании злоупотребления правом обращения в суд[7].

Таким образом, как мирное соглашение, так и односторонняя декларация являются оптимальным вариантом для внесудебного разрешения дел с сокращенным объемом необходимых на это ресурсов.

Вместе с тем, в использовании описанных методов разрешения дел Суд на практике нередко сталкивается с отсутствием во внутригосударственном законодательстве страны-ответчика правовых механизмов возобновления дела на основе мирового соглашения или односторонней декларации. Наличие подобных механизмов для ЕСПЧ является необходимым условием для утверждения мировых соглашений и односторонних деклараций, в особенности в тех случаях, когда восстановление нарушенного права, ввиду характера этого права, невозможно осуществить без возобновления дела во внутринациональном суде. Одним из показательных дел, отражающих такой подход, является дело *Rozhin v. Russia*, решением по которому Европейский суд отказал в утверждении односторонней декларации Правительства Российской Федерации ввиду отсутствия в законодательстве РФ соответствующих регулировок относительно возобновления производства дела на основе постановления ЕСПЧ об исключении дела из списка дел, подлежащих рассмотрению [8].

Другим примером такого же подхода является отказ Суда утвердить одностороннюю декларацию Правительства Хорватии по делу *Romic and others v. Croatia*, обоснованный тем, что для решений ЕСПЧ об исключении дела из списка дел, подлежащих рассмотрению, не предусмотрены такие же правовые регулировки, однозначно дающие возможность возобновить дело на их основе, какие предусмотрены для постановлений ЕСПЧ, фиксирующих нарушение положений Конвенции[9].

Обращаясь к вопросу о наличии правовой возможности пересмотра дела на основе мирового соглашения либо односторонней декларации по уголовно-процессуальному законодательству Армении, отметим, что статья 426.4 действующего УПК устанавливает, что судебные акты по новым обстоятельствам пересматриваются в случаях, когда постановлением либо решением международного суда, действующего на основе ратифицированного Республикой Армения международного договора,

обоснован факт нарушения предусмотренного ратифицированным Республикой Армения международным договором права лица.

Исходя из буквального толкования указанной нормы можно прийти к выводу о том, что данное положение не предусматривает возможности пересмотра дела на основе решения ЕСПЧ об утверждении мирового соглашения либо односторонней декларации, ибо оно содержит условие о наличии в решении обоснованности факта нарушения норм Конвенции, в то время как утверждая мировое соглашение либо одностороннюю декларацию, Суд не мотивирует, не обосновывает факт правонарушения. Однако правоприменительная практика Армении придерживается системного толкования приведенной нормы, в результате чего постановления ЕСПЧ об утверждении односторонних деклараций Правительства РА принимались Кассационным судом РА в качестве основания для пересмотра дела несмотря на отсутствие буквально прописанной возможности в законе. Процессуальным примером может послужит постановления Кассационного суда РА от 2021г. 05-3626, 3-574 (ԳԴ), в соответствии с которым Кассационный суд в рамках гражданского судопроизводства констатировал, что перечень оснований пересмотра дел по новым обстоятельствам надо толковать системным образом, то есть решения ЕСПЧ об утверждении мирового соглашения либо односторонней декларации должны быть отдельными видами пересмотра дел по новым обстоятельствам.

Что касается уголовно-процессуальной практики, то надо отметить, что по группе дел Асатрян против Армении (56724/12) ЕСПЧ, принимая во внимание схожий предмет жалоб, считал целесообразным рассмотреть их совместно в одном решении. Правительство РА сообщило Суду, что оно предложило сделать односторонние заявления с целью решения вопросов, поднятых этими жалобами. Правительство признало, что имело место нарушение прав заявителей, гарантированных пунктом 3 статьи 5 Конвенции, и предложило заявителям выплатить суммы, указанные в прилагаемой таблице, а Суду - исключить жалобы из списка дел в

соответствии со статьей 37 § 1 (с) Конвенции. Заявителям были разосланы условия односторонних заявлений правительства за несколько недель до даты принятия этого решения. ЕСПЧ подчеркивал, что если Правительство не выполнит условия своих односторонних заявлений, жалобы могут быть восстановлены в списке в соответствии со статьей 37 § 2 Конвенции.

В этом контексте следует отметить, что новый уголовно-процессуальный кодекс Армении, который войдет в силу 1 июля 2022 года содержит положения, дающие возможность и при буквальном толковании рассматривать мировые соглашения и односторонние декларации в качестве обязательных оснований для пересмотра дела. Так, часть 1 статьи 403 данного кодекса гласит: «Жалобы по новым обстоятельствам могут быть поданы по следующим основаниям:

(...)

5) Вступившим в законную силу постановлением либо решением международного суда, действующего с участием Республики Армения, утвержден, либо мировым соглашением или односторонней декларацией Республики Армения признан факт нарушения предусмотренного международным договором Республики Армения права лица».

Таким образом, надобность применения расширительного толкования при применении норм об основаниях пересмотра дела отпадет со вступлением в законную силу нового кодекса Армении.

Наряду со сказанным возникает вопрос об обязательности пересмотра дел, по которым есть мировое соглашение или односторонняя декларация. Для того, чтобы ответить на поднятый вопрос, надо разобраться с правовыми терминами пересмотр (review) и возобновление (reopening). С точки зрения практики ЕСПЧ, Страсбургский суд использует в основном термин reopening, подразумевая сам процесс пересмотра (review), таким образом ЕСПЧ отождествляет данные понятия, и поэтому, когда дело после постановления ЕСПЧ приходит в пересматривающий суд, то здесь уже возникает двойкий механизм решения проблемы. Иными словами, каждый раз

внутригосударственный суд должен пересматривать дело, но в рамках пересмотра вопрос возобновления производства имеет дискреционный характер. То есть внутригосударственный суд, как правило, должен пересматривать дело, но возобновить дело или нет решает он сам. Например, в правоприменительной практике, когда ЕСПЧ признает нарушение статьи 6, то внутригосударственный суд всегда пересматривает и возобновляет процесс, но когда дело касается нарушения статьи 5 ЕКПЧ, то здесь уже сам пересмотр достаточен для обеспечения прав и свобод человека и нет необходимости возобновления производства. Что касается односторонней декларации и мирового соглашения, то внутригосударственный суд должен по такой же логике в каждом случае исходить из характера нарушения Конвенции и обязательно пересматривать и возобновлять производство при нарушении статьи 6 Конвенции, однако если стороны договорились в рамках мирового соглашения, то здесь уже внутригосударственный суд может и не пересматривать дело.

Говоря о правовых механизмах пересмотра дел по обсуждаемым основаниям в уголовно-процессуальном законодательстве РФ, отметим, что соответствующие положения здесь аналогичны рассмотренным ранее положениям действующего УПК Армении. Так, согласно части 4 статьи 413 УПК РФ: «Новыми обстоятельствами являются:

(...)

2) установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела (...)).»

Таким образом, перспектива пересмотра дел в России по основанию принятия Европейским судом по правам человека решения об утверждении мирового соглашения либо односторонней декларации Правительства РФ напрямую зависит от метода толкования, который будут использовать в правоприменительной практике суды РФ.

Исходя из вышеизложенных идей о значимости наличия возможности пересмотра дел по обсуждаемым основаниям во внутригосударственных законодательствах стран-участниц Конвенции, а также имея в виду возможную проблемность при расширительных толкованиях процессуальных норм судами, считаем, что наиболее приемлемым является внесение законодательных изменений в УПК РФ. А именно, внесение поправки в пункт 2 части 4 статьи 413 и его изложение в следующем виде:

«Установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела либо признание факта нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела мировым соглашением или односторонней декларацией Российской Федерации».

В заключение вышеизложенного хотелось бы отметить, что уважение к конвенционному регулированию со стороны государств - членов Совета Европы должно проявляться в имплементации позиций ЕСПЧ в национальное законодательство и создании доступных внутренних механизмов защиты прав граждан.

Список литературы

1. Норма не может считаться "законом", пока она не будет сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину соотносить с ней свое поведение" (пар. 49 Постановления от 26 апреля 1979 г. Дело "**Санди Таймс**" (The Sunday Times) против Соединенного Королевства" (Case of the Sunday Times v. the United Kingdom).
2. Постановление ЕСПЧ от 28 марта 2000 г. Дело "**Барановский против Польши**" (жалоба N 28358/95).
3. Ковтун Н.Н., Шунаев Д.М. Правовая определенность и *res judicata* в решениях Европейского Суда по правам человека // Российский судья. 2014. N 9. С. 38 – 42.
4. Рекомендация No. R 2000 (2) по пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями

Европейского суда по правам человека Комитета Министров Совета Европы от 19 января 2000 года

5. Регламент Европейского суда по правам человека Секретариата Суда от 18 октября 2021 года

6. Постановление Европейского Суда по делу "**Миролюбов и другие против Латвии**" от 15 сентября 2009 г., жалоба N 798/05, § 68)

7. Решение Европейского Суда по делу "**Гадрабова против Чешской Республики**" (v. Czech Republic) от 25 сентября 2007 г.

8. Постановление ЕСПЧ по делу **Rozhin v. Russia** от 6 декабря 2011 года, жалоба № 50098/07

9. Постановление ЕСПЧ по делу **Romic and others v. Croatia** от 14 мая 2020 года, жалоба № 22238/13

UNILATERAL DECLARATIONS AND FRIENDLY SETTLEMENTS AS A GROUND FOR EXCEPTIONAL CRIMINAL PROCEDURES

V.O.Sukiasyan, Assistant to the Chairman of the Criminal Chamber of the Court of Cassation of the Republic of Armenia, Ph.D., Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law of the Institute of Law and Politics of the RAU

N.G. Gharibyan, 2-year Master's student, Institute of Law and Politics of the Russian-Armenian University, "Criminal Procedure, Criminalistics, operational investigative activity"

Abstract: The article analyzes the case-law of the European Court of Human Rights and reveals the necessary existence of legal mechanisms of re-examining of cases on the ground of friendly settlements and unilateral declarations in domestic laws of countries participating to the European Convention of Human Rights. The development trends of application of these institutes in Armenia with the current and the new criminal procedure codes are studied there. Based on the legal experience of RA some proposals on improving the criminal procedure rules of RF are made there.

Keywords: re-examining of cases, new circumstances, friendly settlement, unilateral declaration.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С БЛАНКЕТНЫМИ ДИСПОЗИЦИЯМИ

*Саргсян Аделина Арменовна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры
уголовного права и уголовно-процессуального права Института права и политики
Российско-Армянского университета*

*Аветисян Диана Паркевовна, студентка 4 курса Института права и политики
Российско-Армянского университета по направлению «Юриспруденция»*

Как известно, бланкетная диспозиция уголовно-правовой нормы характеризуется законодательной отсылкой к другим отраслям права. По подсчетам некоторых авторов[1], в УК РФ существует примерно 65 % норм с бланкетными диспозициями.

Существование бланкетных норм не противоречит принципу законности, «бланкетизация» норм объясняется тесной межотраслевой связью уголовного права: с конституционным, гражданским, административным, таможенным, налоговым и др. Квалификация преступлений должна осуществляться на основе законов, однако многие вопросы регламентируются подзаконными актами (постановления правительства, инструкции, приказы и т.д.), которые не всегда доступны.

Ознакомление с бланкетными нормами показало, что законодатель использует разные термины: «нарушение тех или иных специальных правил», «незаконность», «неправомерность действий». В ряде случаев уголовно-правовая норма отсылает к конституционным или международно-правовым нормам.

Нестабильность бланкетного законодательства, несвоевременное изменение в уголовном законе порождает ошибки при квалификации преступлений, следовательно, нарушаются все принципы уголовного закона.

Впервые понятие «бланкетный закон» дал немецкий ученый К. Биндинг. Он отмечал, что бланкетным называется такой уголовный закон,

который не формулирует самостоятельного запрета, а ограничивается ссылкой на правила, содержащиеся в других юридических постановлениях, и предусматривает лишь санкцию за их нарушение[2].

Следует отметить, что ряд авторов критикует наличие бланкетных норм, объясняя свою позицию наличием оценочных признаков, высокой степенью абстрактности правовых норм[3].

Отрицательные свойства бланкетной нормы отмечаются в некоторых решениях Европейского суда по правам человека. Так, по делу Фельдем и Фельдешне Хайлик против Венгрии Суд отметил, что «запрещение г-ну Ф. покидать страну действовало в течение примерно 10 лет, пока в мае 2004 года ему не было разрешено совершать поездки в пределах Европейского союза на основании национального удостоверения личности.

Запрет на поездки являлся автоматической бланкетной мерой неопределенной продолжительности и противоречил обязанности властей проявлять необходимую заботу о том, что любое вмешательство в право покидать страну было оправданным и пропорциональным.[4]

Возникает вопрос: как быть в случае утраты бланкетного законодательного акта, конкретной его нормы. С точки зрения обратной силы уголовного закона, изменения в бланкетных нормативных актах должны учитываться в пользу лица. Мы согласны с позицией ряда авторов, считающих необходимым дополнить ст. 10 УК РФ соответствующим положением[5].

О необходимости правильной квалификации преступлений с бланкетными диспозициями внимание обращается и в положениях Конституционных судов РФ и РА. Приведем некоторые из них. Конституционный суд РА, рассматривая по жалобе 2-ого Президента РА Роберта Кочаряна конституционность ст. 300-1 УК РА (Свержение конституционного строя) признал эту норму противоречащей Конституции и недействительной, приводя следующие основные доводы.

Согласно ст. 300—1 УК РА «1. Свержение конституционного строя, то есть фактическое уничтожение какой-либо нормы, предусмотренной статьями 1-5 или частью первой статьи 6-ой Конституции РА, которое проявляется прекращением действия этой нормы в правовой системе, - наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет». Эта статья касается принципа соразмерности и правовой определенности.

Суд констатировал, что никто не может быть осужден дважды за такое действие или бездействие, которое в момент совершения не являлось преступлением. Конституционный суд с целью разъяснения ряда оценочных терминов, перечисленных в диспозиции статьи, обратился за консультацией в Венецианскую комиссию и Европейский суд по правам человека. С учетом правовых позиций данных органов, Конституционный суд указал, что ст. 300-1 УК противоречит ст. 73, 78 и 79 Конституции[6]. Тем самым было зафиксировано, что криминализация данной статьи после мартовских событий 2008 года привела к нарушению принципа законности. В этой части уголовное дело в отношении Р. Кочаряна и других подсудимых прекращено за отсутствием в инкриминируемом деянии состава преступления.

По сути данная бланкетная норма отсылала к конституционным положениям. При рассмотрении вопроса об обоснованности избранной в отношении Р. Кочаряна меры пресечения в виде заключения под стражу по обвинению по ст. 300-1 УК судья уголовной палаты Кассационного суда РА С.С. Аветисян в своих Особых мнениях [7] предложил производство по делу приостановить с целью обращения в Конституционный суд для проверки конституционности данной уголовно-правовой нормы в контексте проверки «обоснованного подозрения» как условия заключения под стражу.

Конституционный суд РФ в постановлении от 02.11.2006 г. № 537-О (пункт 3.3.) со ссылкой на постановление от 21.04.2005 г. № 122-О отмечает следующее: «Согласно статьям 15 (часть 3) Конституция РФ ограничения, затрагивающие права и свободы граждан и организаций, должны быть предусмотрены в законах и находящихся с ними в

нормативном единстве правовых актах. Сам же по себе бланкетный характер нормы не может свидетельствовать о ее неконституционности, поскольку регулятивные нормы, устанавливающие те или иные правила поведения, не обязательно должны содержаться в том же нормативном акте, что и нормы, устанавливающие юридическую ответственность за их нарушение [8].

Неоднозначное толкование признаков запрещаемого деяния порождает возможность произвольного применения уголовно-правовой нормы, что нарушает конституционный и международно-правовой принципы правовой определенности. Как указано в одном из решений Европейского суда по правам человека, «норма не может считаться законом, если она не сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину образовывать с ней свое поведение»[9].

Более конкретно применительно к нормам уголовного права подобный вывод сделан Конституционным Судом Российской Федерации в решении от 27 мая 2008 года № 8-П: «Принцип формальной определенности закона, предполагающий точность и ясность законодательных предписаний, будучи неотъемлемым элементом верховенства права, выступает как в законотворческой, так и в правоприменительной деятельности в качестве необходимой гарантии обеспечения эффективной защиты от произвольных преследований, осуждения и наказания. Уголовная ответственность может считаться законно установленной и отвечающей требованиям статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации лишь при условии, что она адекватна общественной опасности преступления и что уголовный закон ясно и четко определяет признаки этого преступления, отграничивающие его от иных противоправных и тем более – от законных деяний»[10].

Особенности и сложности квалификации преступлений с бланкетными диспозициями обусловлены различным характером бланкетных признаков и способов их описания в уголовно-правовой норме. Существуют несколько групп бланкетных признаков:

- 1) Признаки, относящиеся к различным элементам состава (например, ст. 222 УК РФ – Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия)
- 2) Диспозитивные признаки, ссылающиеся на признаки нарушения норм других отраслей права (например, ст. 264 УК – Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств)
- 3) Бланкетные признаки, для установления содержания которых требуется установить не нарушение, а соблюдение норм других отраслей права (например, ст. 317, 318 УК РФ – Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, Применение насилия в отношении представителя власти)
- 4) Смешанная форма бланкетных диспозиций (ст. 171 УК РФ – Предпринимательская деятельность и др.).

Наибольшую сложность представляют случаи, когда признаки состава включают нарушения норм других отраслей права. В таких случаях деяние совершается с двойной противоправностью и приоритет следует отдавать уголовной противоправности.

Условно можно выделить некоторый алгоритм квалификации преступлений, связанных с нарушением специальных правил поведения (*Приложение 2*).

Одним из спорных вопросов является квалификация преступлений по совокупности и конкуренции правовых норм с бланкетными диспозициями. В п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.06. 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» отмечается: «Если причиной возникновения пожара явилось нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики, на взрывоопасных объектах, при ведении горных, строительных или иных работ либо нарушение правил учеба, хранения, перевозки и использования взрывчатых, легковоспламеняющихся веществ,

пиротехнических изделий и т.п., содеянное охватывается специальными составами преступлений (ст. 215, 217, 218 УК РФ) и дополнительной квалификации по ст. 219 (нарушение правил пожарной безопасности) не требует».

Мы согласны с данной позицией, однако следует еще раз подчеркнуть, что отсутствие в действующих УК РФ и РА правил квалификации при конкуренции уголовно-правовых норм приводит к судебным ошибкам, тем самым нарушается принцип законности, предполагающий точную уголовно-правовую оценку содеянного. Почему-то законодатель в ст. 17 УК РФ (ст. 20 УК РА) закрепил только правило о квалификации преступлений в случае конкуренции общей и специальной нормы, а остальные случаи оставил на усмотрение правоприменителя.

В практике Конституционного Суда РФ вопрос о дублирующих нормах и связанной с этим проблемой двойного вменения с бланкетными диспозициями поднимается весьма часто, хотя примеров, подтверждающих такую избыточность уголовного закона, нашим анализом не установлено. Тем не менее, *для иллюстрации самих поводов к сомнению в качестве закона приведем несколько решений.*

Гражданин Шевяков обжаловал конституционность ст. 265 УК РФ (отмененную к сегодняшнему дню), которая, по его мнению, противоречит ч. 1 ст. 50 Конституции РФ, поскольку фактически устанавливает ответственность за те же действия и их последствия, ответственность за которые предусмотрено ст. 264 УК РФ, что приводит к двойному наказанию за одно и то же преступление. Конституционный Суд РФ в постановлении от 25 апреля 2001 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса РФ в связи с жалобой гражданина А.А. Шевякова» признал, что нарушение лицом, управляющим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда или средней тяжести вреда здоровью человека либо смерть одного или более лиц

(ст. 264 УК РФ), и оставление места дорожно-транспортного происшествия лицом, управляющим транспортным средством и нарушившим правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, в случае наступления указанных последствий (ст. 265 УК РФ) образуют самостоятельные составы преступлений, и, следовательно, установление ответственности за каждое из этих деяний не означает нарушения ч. 1 ст. 50 Конституции РФ, гарантирующей каждому право не быть повторно осужденным за одно и то же преступление.

Квалификация преступлений по правилам совокупности возможна в случае, когда в диспозициях описывается не вид нарушаемых правил, а характер и вид производимых работ, установленных различными специальными правилами [11]. Например, требования пожарной безопасности заложены во многие правила выполнения строительных работ. Однако нарушение требований пожарной безопасности и правил ведения строительных работ при наступлении указанных в законе последствий образуют самостоятельные преступления (ст. 216 и 219 УК РФ).

Однако суды в одних случаях деяние квалифицируют по совокупности преступлений, в других – нет [12].

Можно прийти к выводу о том, что при конкуренции специального и специально-конкретного состава преступления должна применяться последняя норма. Например, нарушение воинским должностным лицом уставных правил несения караульной службы должно квалифицироваться только по специально-конкретной норме (ст. 342 УК РФ), без дополнительной квалификации по ст. 286.

Имеют место случаи, когда следственные органы и суды не проверяют соблюдение процедуры принятия бланкетных правовых актов. Так, в постановлении Кассационного суда РА по делу А. Григоряна и Э. Сарибекяна [13], оправданных по ст. 157 (часть 2) УК РА (Нарушение правил строительных работ), суд указал, что положенные в основе обвинения соответствующие государственные стандарты, связанные с порядком

выполнения некоторых работ, в Армении были вместо постановления Правительства приняты министром градостроительства. Кроме того, данные ГОСТ-ы не были переведены на армянский язык, следовательно, не доступными для граждан, что явилось существенным нарушением норм уголовно-процессуального законодательства.

Кассационный суд оправдательные судебные акты оставил без изменения, а протест заместителя Главного прокурора РА без удовлетворения.

По делу в отношении Гагика Саргсяна[14], признанного виновным по ч. 2 ст. 157 УК РА, Кассационный суд оправдал его за отсутствием в деянии состава преступления, приводя доводы, отмеченные в постановлении по делу А. Григоряна и Э. Сарибекяна.

В ст. 336 УК РА установлена ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ). Данная бланкетная диспозиция отсылает к нормам уголовно-процессуального законодательства, однако в теории нет единства мнений относительно момента привлечения лица к уголовной ответственности. Одни авторы считает день возбуждения уголовного дела, другие – день вынесения постановления о привлечении лица к уголовной ответственности[15]. Ряд авторов считает день фактического предъявления лицу обвинения[6]. Мы согласны с данной позицией.

Согласно пункту 18 ст. 6 УПК РА, возбуждение уголовного преследования начинается со дня вынесения постановления следователя о привлечении лица в качестве обвиняемого, а также с момента его задержания или избрания в отношении него меры пресечения. Данное положение еще больше создает путаницу относительно рассматриваемого вопроса. В уголовно-правовой науке по поводу начального и конечного момента уголовной ответственности также нет единого подхода.

Дискуссионным с точки зрения принципа законности является оценочное понятие должностного лица, которое дается в примечании 1 к ст.

285 УК РФ (ч. 3 ст. 308 УК РФ). Понятие должностного лица дается применительно к нормам главы «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления».

Однако должностные лица могут совершать и другие преступления. Комментировать понятие должностного лица применительно к другим составам преступления означает применение аналогии, что запрещается. Поэтому в УК необходимо ввести соответствующее пояснение. А. Айвазян предлагает ст. 308 УК РФ дополнить рядом преступлений, совершаемых должностными лицами (предусмотренных в иных главах УК) [17]. Однако более правильным представляется регламентация в новом УК РФ.

В пункте 20 ст. 3 раскрывается данное понятие, а также понятие служащий коммерческой или иной организации применительно ко всему уголовному закону. Из-за ограниченности объема работы мы не рассматриваем другие спорные моменты, связанные с квалификацией должностных преступлений, построенных по принципу бланкетности.

Немалую сложность представляют случаи квалификации деяний общих субъектов преступлений, непосредственно принимавших участие в выполнении объективной стороны специальных составов преступлений (воинских, должностных и др.).

Так, например, спорным является вопрос относительно гражданского лица, принимавшего участие совместно с военнослужащим в избиении другого военнослужащего.

Согласно ч. 4 ст. 34 УК РФ (ч. 3 ст. 39 УК РФ) действия общего субъекта могут быть квалифицированы только как организатор, подстрекатель или пособник, но не исполнитель (соисполнитель) преступления со специальным субъектом.

Ряд авторов обоснованно критикуют указанное положение УК, поскольку, как видим, общие субъекты могут выполнять часть объективной стороны преступлений со специальным субъектом. Но признавать их

исполнителями (соисполнителями) нельзя, поскольку они не обладают признаками специального субъекта. С.С. Аветисян и другие авторы, наряду с преступлениями со специальным субъектом (мать новорожденного ребенка, мужчина при изнасиловании и др.) выделяют, так называемые, преступления со специальным составом, в котором не только субъект, но и все остальные элементы имеют специальный характер, обусловленный особенностями особых отношений, в которые они включаются для выполнения особо значимых социально-правовых функций (военнослужащие, должностные лица).

На основе этого, по мнению С. Аветисяна, общие субъекты не могут быть исполнителями (соисполнителями) только в преступлениях со специальным составом, а в преступлениях со специальным субъектом могут быть соисполнителями [18].

Наглядным примером является квалификация действий женщины, принимавшей участие в процессе изнасилования посредством применения насилия в отношении потерпевшей, подавления ее сопротивления и др. В соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ разъясняется, что действия такой женщины, с учетом законодательной конструкции состава изнасилования образуют соисполнительство и квалифицируются по признаку «группы лиц».

В противоречии находится разъяснение, данное в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», согласно которому все участники организованной группы признаются соисполнителями преступления со специальным субъектом, даже если они не обладают соответствующими специальными признаками. Аналогичное разъяснение дается и в других постановлениях Пленума ВС РФ («О судебной практике по делам легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» от 15.07.2015 г. № 32, 5.

15; «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 30.11.2017 г. № 48, п. 28). Эти рекомендации противоречат ч. 4 ст. 34 УК РФ, тем самым нарушается принцип законности.

Нарушение принципа законности можно проследить и относительно уголовно-правовой оценки негодного субъекта, совершившего преступление, связанное со служебной деятельностью.

Так, спорным является вопрос о квалификации деяния военнослужащего, совершившего военное преступление, но на службе оказавшееся по ошибке (по состоянию здоровья не подлежал призыву, имел отсрочку от призыва и др.). Мы согласны с позицией Кассационного суда РА [19] о том, что ответственность таких лиц может наступить за совершение общеуголовных преступлений, но не за воинские преступления.

Если, например, негодный к службе военнослужащий совершает воинское насильственное преступление, то содеянное нужно квалифицировать по статьям УК, предусматривающим ответственность за причинение вреда жизни или здоровью человека.

Однако в теории уголовного права и в правоприменительной практике нет единства мнений по этому вопросу. Лицо, незаконно оказавшееся в сфере специальных правоотношений, не может быть надлежащим субъектом этих отношений, следовательно, и годным субъектом преступления, связанного со служебной деятельностью [20].

Как видим, квалификация преступлений с бланкетными диспозициями вызывает определенные трудности, неправильная квалификация влечет нарушение принципа законности. Важно подчеркнуть, что признаки состава не могут формулироваться в других отраслях права, в то же время, отсутствие ссылок на другие правовые акты при бланкетных диспозициях является процессуальным нарушением, - нарушением права обвиняемого на защиту. Обвинение должно быть законным и обоснованным. В приложении 2 мы попытались предложить алгоритм (последовательность деятельности

следователя) в случае квалификации преступлений с бланкетными диспозициями.

В случае квалификации бланкетных уголовно-правовых норм важное значение имеет соблюдение требований уголовно-процессуального законодательства.

От правильной квалификации, а значит и соблюдения принципа законности зависит и законность возбуждения уголовного дела, форма предварительного расследования, применение меры пресечения, правомерность и обоснованность предъявленного обвинения и обвинительного заключения по делу, законность и обоснованность приговора суда и др.

Вышестоящие судебные инстанции РФ и РА постоянно обращают внимание на эти обстоятельства. В *Приложении 3* приводятся основные ошибки, допускаемые при квалификации преступлений с бланкетными нормами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что законодатель и суды обязаны обеспечивать приоритет принципов уголовного закона над другими его понятиями и нормами. При этом идеи равенства, гуманизма, справедливости и вины образуют содержание уголовно-правового принципа законности.

Список литературы

1. *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы квалификации преступлений: лекции. М., 2007. С. 106.
2. *Binding K.* Die Normen und ihre Ubertretung. Leipzig, 1922. (§ 161, 162).
3. *Савельева О.А.* Роль и значение решений Верховного суда РФ по конкретным уголовным делам // Законодательство. 2006. - № 2.
4. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – Российское изд., 2007. - № 4. С. 39.

5. *Михайлова И.А.* Проблемы квалификации преступлений по статьям УК РФ, содержащим бланкетные нормы // Уголовное право. – 2007. № 1/3.
6. Постановление Конституционного суда Республики Армения по делу *Роберта Кочаряна* от 26 марта 2021 года. УЎП-1586.
7. Особое мнение судьи С.С. Аветисяна по делу *Роберта Кочаряна* от 22 марта 2019 г., 21 мая 2019 г., 14 июня 2019 г.
8. *Пикуров Н.И.* Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. – М., 2009. – С. 24.
9. Решение Европейского суда по правам человека от 26 апреля 1979 года «Санди Таймс против Соединенного Королевства» // Европейский суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. – М., 2000.
10. Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2008. - № 4.
11. Энциклопедия уголовного права в 35-ти томах. С. 352-353.
12. Приговор Ленинского района суда г. Махачкалы от 03.04. 2014 г. по делу № 1-93/14 – Консультант Плюс; Апелляционное определение Волгоградского обл. суда от 18.06.2014 по делу № 22-2237/14.
13. Постановление Кассационного суда РА по делу *Асмик Григорян и Эдуарда Сарибекяна* от 20.03.2018 ЁЇЇ/0131/01/15
14. Постановление Кассационного суд РА по делу *Гагика Саргсяна* от 20.03.2018, ЁЧЇ/0258/01/16
15. *Айвазян А.Ж.* Особенности квалификации коррупционных преступлений с бланкетными диспозициями (сравнительно-правовой анализ). – Автореферат дисс. канд. юрид. наук. – Ер., 2018. С. 7.
16. *Аветисян С.С.* Незаконное привлечение лица к уголовной ответственности // Степанакерт, журнал «Судебная власть», 2014. № 1 (03), С. 10.
17. *Айвазян А.Ж.* Указ. соч. С. 15.
18. *Аветисян С.С.* Проблемы соучастия в преступлениях со специальным субъектом (специальным составом). - // Уголовное право.: М., 2004. - № 1. С. 4-6.

19.Постановление Кассационного суда РА по делу *Айка Мовсисяна* от 18.10.2013 г., УЎ/0389/01/11

20.*Аветисян С.С.* Соучастие в преступлениях со специальным составом. – Монография. – М.: ЮНИТИ ДАНА, Закон и право, 2004, С. 222-224.

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF LEGALITY IN THE QUALIFICATION OF CRIMES WITH BLANK DISPOSITIONS

A.A. Sargsyan, PhD in Law, Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law of the Institute of Law and Politics of the Russian-Armenian University

D.P. Avetisyan, 4th year student of the Institute of Law and Politics of the Russian-Armenian University in the direction of "Jurisprudence"

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Талан Мария Вячеславовна, Заслуженный юрист Республики Татарстан, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета.

Нагорнов Кирилл Игоревич, исследователь, юридический факультет Казанского (Приволжского) федерального университета

Аннотация: В настоящей работе представлены результаты проведенного исследования, посвященного анализу и оценке состояния современной российской уголовно-правовой политики в отношении института принудительных мер воспитательного воздействия.

Ключевые слова: несовершеннолетние, принудительные меры воспитательного воздействия, уголовно-правовая политика, проблемы, направления совершенствования.

Российский законодатель в разделе V Уголовного кодекса 1996 г. (далее – УК) в качестве одного из средств уголовно-правового реагирования на несовершеннолетних, совершивших преступления, предусмотрел институт принудительных мер воспитательного воздействия (далее – ПМВВ) [Примечание: авторы настоящей статьи в институт принудительных мер воспитательного воздействия включают и меру в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.]. Начиная с 2001 г., в раздел V, именуемый «Уголовная ответственность несовершеннолетних», и в его единственную главу 14, озаглавленную «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», стали периодически вноситься различного рода изменения. Вместе с тем корректировкам начали подвергаться положения, посвященные ПМВВ. Оценивая масштабы внесенных изменений в указанные раздел и главу, содержащие всего 10 статей (ст.ст. 87-96), отметим, что с 2001 г. по настоящее время было принято 9 федеральных законов (№ 25-ФЗ

от 09.03.2001, № 111-ФЗ от 07.07.2003, № 162-ФЗ от 08.12.2003, № 377-ФЗ от 27.12.2009, № 48-ФЗ от 05.04.2010, № 427-ФЗ от 28.12.2010, № 185-ФЗ от 02.07.2013, № 375-ФЗ от 06.07.2016, № 260-ФЗ от 31.07.2020), которые, по нашим подсчетам, внесли 32 изменения. Причем редактированию не подверглись только 2 статьи: ст. 89 УК, посвященная назначению наказания несовершеннолетним, и ст. 94 УК, регламентирующая сроки давности привлечения к уголовной ответственности и к отбыванию назначенного наказания. Что касается положений главы 14 УК, посвященных ПМБВ (ч. 2 ст. 87, ст. ст. 90–92 и ст. 96 УК), то в них было внесено порядка 18 изменений 7 федеральными законами (№ 25-ФЗ от 09.03.2001, № 111-ФЗ от 07.07.2003, № 162-ФЗ от 08.12.2003, № 427-ФЗ от 28.12.2010, № 185-ФЗ от 02.07.2013, № 302-ФЗ от 02.11.2013, № 375-ФЗ от 06.07.2016).

Таким образом, более половины внесенных за 25-летний период действия УК 1996 г. изменений в раздел V и главу 14 посвящены институту ПМБВ. Вместе с тем проведенное нами исследование, направленное на анализ и оценку состояния современной отечественной уголовно-правовой политики в отношении ПМБВ, позволило выявить ряд проблем и противоречий, к рассмотрению и обсуждению которых видится необходимым перейти в настоящей работе.

1. Одной из наиболее подверженных изменениям мер, как показали результаты проведенного исследования, является помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Только в ст. 92 УК, не считая ее ч. 1, было внесено 10 поправок 6 федеральными законами (№ 111-ФЗ от 07.07.2003, № 162-ФЗ от 08.12.2003, № 427-ФЗ от 28.12.2010, № 185-ФЗ от 02.07.2013, № 302-ФЗ от 02.11.2013, № 375-ФЗ от 06.07.2016). В период действия УК 1996 г. наименование меры трижды подвергалось изменением: изначально мера именовалась помещением в специальное воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение для несовершеннолетних, затем – помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием, и в настоящее время – помещением в

специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (в этой связи далее по тексту в качестве обозначения меры будем использовать – СУВУЗТ или спецучреждение). Несмотря на довольно большой объем изменений, внесенных в ст. 92 УК, правовая природа меры в виде помещения в СУВУЗТ так и не была законодателем однозначно определена, о чем свидетельствует следующее.

Так, освобождение от наказания с помещением в спецучреждение регламентируется ч. 2 ст. 92 УК, тогда как освобождение от уголовной ответственности и от наказания с применением ПМВВ предусматривается ч. 1 ст. 90 и ч. 1 ст. 92 УК. При этом в ч. 2 ст. 90 УК к числу ПМВВ законодателем отнесены: предупреждение; передача под надзор родителям или лицам, их заменяющим, либо специализированному государственному органу; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Заметим, что ранее в соответствии со ст. 63 УК РСФСР 1960 г. помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение рассматривалось законодателем в качестве одной из принудительных мер воспитательного характера. Федеральным законом № 111-ФЗ от 07.07.2003 ч. 2 ст. 92 УК была дополнена указанием, согласно которому помещение в спецучреждение применяется как принудительная мера воспитательного воздействия, при этом перечень ПМВВ, регламентированный в ч. 2 ст. 90 УК, остался неизменным. В пояснительной записке к законопроекту, который стал впоследствии Федеральным законом № 111-ФЗ, было указано следующее: *«...в статье 92 Уголовного кодекса Российской Федерации уточняется юридическая природа помещения несовершеннолетних в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: эта мера отнесена к категории мер принудительного воспитательного воздействия, которые применяются к несовершеннолетним. Она, как наиболее строгая из принудительных мер воспитательного воздействия, в соответствии с*

законопроектом может быть применена только при осуждении несовершеннолетнего к наказанию в виде лишения свободы» [1].

Позднее Федеральным законом № 162-ФЗ от 08.12.2003 г. в ч. 2 ст. 87 УК были внесены поправки, которые, во-первых, изменили последовательность перечисляемых уголовно-правовых последствий (в начале ПМВВ, затем наказание), и, во-вторых, дополнили данный перечень еще одним уголовно-правовым последствием – освобождением от наказания с помещением в спецучреждение. Как представляется, такое изменение внесло только трудности в понимании правовой природы указанной меры воздействия, поскольку законодатель в ч. 2 ст. 87 и в ч.ч. 1, 2 ст. 92 УК по сути противопоставил друг другу ПМВВ и помещение в спецучреждение. Обратившись к отдельным положениям Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК), можем заметить, что какого-либо единства относительно понимания правовой природы меры в виде помещения в СУВУЗТ там также не наблюдается. Так, ст. 432 УПК озаглавлена следующим образом – «Освобождение судом несовершеннолетнего подсудимого от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия или направлением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа». Как можем заметить, законодатель отдельно указывает об освобождении от наказания с применением ПМВВ и об освобождении от наказания с помещением в спецучреждение. В то же время в п. 16 ст. 397 УПК помещение в СУВУЗТ законодатель рассматривает в качестве ПМВВ.

2. Еще одним проблемным аспектом российской уголовно-правовой политики в рассматриваемой нами части, является весьма неоднородная правовая природа института ПМВВ. Данные меры являются видом освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности, а также видом освобождения от назначения наказания и от реального отбывания назначенного наказания. Поскольку в силу ч. 2 ст. 92 УК помещение в СУВУЗТ применяется как принудительная мера воспитательного воздействия, можем прийти к выводу о том, что институт ПМВВ также

является видом освобождения от дальнейшего отбывания назначенного наказания.

В соответствии с ч. 1 ст. 90 и ч. 1 ст. 92 УК принудительные меры воспитания могут быть применены при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности и от наказания. Стоит заметить, что освобождение от наказания с применением ПМВВ не сопряжено с предварительным назначением наказания, поскольку в ч. 1 ст. 92 УК и в ст. 432 УПК о необходимости такового ничего не указывается. А в п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 01.02.2011 «О практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» отмечается следующее: *«в соответствии с частью 1 статьи 432 УПК РФ при рассмотрении уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести суд вправе, постановив обвинительный приговор, освободить несовершеннолетнего от наказания и применить к нему в силу части 1 статьи 92 УК РФ принудительные меры воспитательного воздействия. В таком случае на основании пункта 3 части 5 статьи 302 УПК РФ суд постановляет обвинительный приговор без назначения наказания».*

Вместе с тем обращение к положениям ст. 299 УПК позволяет заметить, что вопрос о применении ПМВВ должен разрешаться судом только после того, как лицу назначено наказание. В то же время в данной норме указывается на ст.ст. 90 и 91 УК, а не на ст. 92 УК, хотя вопрос о применении ст. 90 УК (т.е. о применении ПМВВ при освобождении от уголовной ответственности и прекращении уголовного дела) при постановлении приговора не может возникнуть.

Кроме того, в свете поднятой проблемы, связанной с предварительным назначением наказания перед освобождением с применением ПМВВ, следует обратить внимание на п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 15.05.2018 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации», в котором указано

следующее: «изменение категории преступления на менее тяжкую улучшает правовое положение осужденного, поскольку влияет, в частности, на ... возможность освобождения от отбывания наказания в связи с деятельным раскаянием (статья 75 УК РФ), примирением с потерпевшим (статья 76 УК РФ), истечением срока давности уголовного преследования или исполнения обвинительного приговора суда (статьи 78, 83, 94 УК РФ), изменением обстановки (статья 80.1 УК РФ) или вследствие акта об амнистии (статья 84 УК РФ), применением к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия (статья 92 УК РФ)...». Детализируя механизм реализации положений ч. 6 ст. 15 УК, Пленум ВС РФ в п. 10 этого же постановления добавляет, что «в этих случаях суд постановляет приговор, резолютивная часть которого должна, в частности, содержать решения о признании подсудимого виновным в совершении преступления, о назначении ему наказания, об изменении категории преступления на менее тяжкую с указанием измененной категории преступления, а также об освобождении от отбывания назначенного наказания (пункт 2 части 5 статьи 302 УПК РФ)». Таким образом, высшая судебная инстанция признала возможным применение ПМВВ в порядке освобождения от реального отбывания назначенного наказания, в случае «снижения» категории тяжести совершенного преступления. Вместе с тем, думается, в предварительном назначении наказания перед освобождением с применением ПМВВ вообще нет смысла, поскольку по своему содержанию ПМВВ менее суровы, чем наказания, при этом освобождение от наказания с применением данных мер носит безусловный характер.

Однако, если ч. 1 ст. 90 и ч. 1 ст. 92 УК, в части касающейся порядка применения ПМВВ, не были подвергнуты законодателем изменениям, то порядок применения меры в виде помещения в СУВУЗТ все-таки претерпел некоторые изменения. Так, изначально данная мера применялась при освобождении несовершеннолетнего от уголовного наказания без его

предварительного назначения. Согласно п. 16 ст. 397 УПК, вступившего в силу с 1 июля 2002 г., в ходе исполнения приговора несовершеннолетний может быть освобожден от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 92 УК РФ. Следовательно, помещение в спецучреждение может быть осуществлено в порядке освобождения от дальнейшего отбывания назначенного наказания. Кроме того, впоследствии Федеральным законом № 111-ФЗ от 07.07.2003 ч. 2 ст. 92 УК была дополнена указанием о предварительном осуждении к наказанию в виде лишения свободы, что, заметим, после введения Федеральным законом № 420-ФЗ от 07.12.2011 ч. 6 в ст. 15 УК предоставило возможность применения данной меры при изменении судом категории тяжести совершенного преступления.

3. Анализ положений уголовно и уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих основание освобождения с применением ПМВВ, также позволяет обнаружить в нем некоторые существенные недостатки, хотя за период действия УК 1996 г. основание применение ПМВВ ни разу не подвергалось каким-либо корректировкам. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 90 УК основанием освобождения от уголовной ответственности с применением ПМВВ является установление судом возможности исправления несовершеннолетнего посредством применения данных мер, тогда как в ч. 1 ст. 92 УК законодатель вообще не определил основание освобождения от наказания с применением ПМВВ. Такой пробел, как представляется, неслучаен, т.к. не представляется возможным смоделировать применительно к одному институту разные основания применения [2, с. 256, 257], одно из которых обосновывает нецелесообразность привлечения к уголовной ответственности, а другое – к уголовному наказанию.

Если обратиться к положениям ч. 1 ст. 427, ч. 1 ст. 431 и ч. 1 ст. 432 УПК, можем заметить, что в качестве основания применения ПМВВ в перечисленных законоположениях указывается возможность *исправления*

несовершеннолетнего без применения уголовного наказания. Вместе с тем применительно к изложенному выше обоснованными видятся следующие замечания: 1) законодатель определил одинаковые основания для прекращения уголовного дела и для постановления обвинительного приговора с применением ПМВВ; 2) как в первом, так и втором случае речь идет о возможности исправления лица одними и теми же мерами, но наступают разные правовые последствия (в первом случае – освобождение от ответственности, во втором – осуждение и освобождение от наказания); 3) не понятно, почему при освобождении от уголовной ответственности необходимо руководствоваться возможностью исправления лица без применения одной из форм реализации уголовной ответственности (наказания), а не определять необходимо ли вообще привлекать к таковой или нет; 4) используемая формула основания применения неизбежно обуславливает постановку вопроса о том, раз без применения наказания может быть исправлен подросток, то посредством чего – посредством ПМВВ или чего-то иного?

Федеральным законом № 111-ФЗ от 07.07.2003 основание применения меры в виде помещения в СУВУЗТ было подвергнуто изменению. Причем в первоначальной редакции ч. 2 ст. 92 УК основание применения меры было сформулировано довольно четко («несовершеннолетний...может быть освобожден судом от наказания, если будет признано, что цели наказания могут быть достигнуты только путем помещения в...»), хотя может и не совсем удачно. В нынешней же редакции ч. 2 ст. 92 УК указывается лишь на то, что рассматриваемая мера применяется в целях исправления.

4. Видится необходимым несколько слов сказать и об отдельных условиях освобождения с применением ПМВВ и с помещением в СУВУЗТ, которые периодически подвергались законодателем изменениям.

Так, изначально ч. 1 ст. 90 УК предусматривала возможность освобождения от уголовной ответственности с применением ПМВВ только в отношении лиц, совершивших впервые преступление небольшой или

средней тяжести. Федеральным законом № 162-ФЗ от 08.12.2003 из ч. 1 ст. 90 УК законодателем было исключено данное условие освобождения. В связи с чем, как может показаться на первый взгляд, были существенно расширены возможности применения ПМВВ в порядке освобождения от уголовной ответственности. Однако кого признавать лицом, впервые совершившим преступление, уголовный закон и положения постановления Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 14.02.2000 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» не определяли. Не разрешенным в законодательстве и в научной доктрине [3, 4] данный вопрос продолжает оставаться и по настоящее время. Хотя в отдельных постановлениях (например, в п. 20 постановления № 2 от 11 января 2007 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», в п. 26 постановления № 1 от 1 февраля 2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27 июня 2013 г. «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»), принятых уже после внесения указанных изменений в ч. 1 ст. 90 УК, высшая судебная инстанция предлагала некоторые рекомендации на этот счет.

Вместе с тем в ч. 1 ст. 92 УК, предусматривающей возможность освобождения от наказания с применением ПМВВ, указания на совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести не было предусмотрено, в связи с чем указанный дифференцирующий элемент (условие освобождения) позволял отграничить между собой освобождение от уголовной ответственности и освобождение от уголовного наказания с применением ПМВВ. В настоящее время каких-либо иных дифференцирующих элементов, позволяющих суду принять решение в пользу того или иного варианта освобождения с применением ПМВВ, нет,

что, несомненно, вызывает значительные трудности в правоприменительной практике.

Более многочисленным изменениям российским законодателем были подвергнуты условия освобождения от наказания с применением меры в виде помещения в СУВУЗТ. Согласно действующей редакции к числу таких условий относятся: осуждение к лишению свободы (введено законом № 111-ФЗ от 07.07.2003); нуждаемость лица в особых условиях воспитания, обучения и необходимость в специальном педагогическом подходе (введено законом № 111-ФЗ от 07.07.2003 № 111-ФЗ); осуждение за совершение преступления средней тяжести или тяжкого преступления (введено законом № 162-ФЗ от 08.12.2003); совершение преступления, не относящегося к числу деяний, перечисленных в ч. 5 ст. 92 УК (введено законом № 162-ФЗ от 08.12.2003, с последующими изменениями и дополнениями законом № 302-ФЗ от 02.11.2013 и законом № 375-ФЗ от 06.07.2016); отсутствие заболевания, препятствующего содержанию и обучению в спецучреждении (введено законом № 427-ФЗ от 28.12.2010).

Останавливаясь подробнее на проблемных аспектах, связанных с условиями освобождения подростка с применением меры в виде помещения в СУВУЗТ, отметим следующее.

Во-первых, не понятно, почему законодатель не предусмотрел возможность применение меры за совершение преступления небольшой тяжести. В то время как за повторное совершение данного преступления вполне возможно назначение наказания в виде лишения свободы, как и иных видов наказаний.

Во-вторых, возникают вопросы относительно криминологической обоснованности введения механизма предварительного осуждения к наказанию в виде лишения свободы, поскольку освобождение с применением меры в виде помещения в СУВУЗТ носит безусловный характер. Более того, на правоприменительной практике освобождения с помещением данной меры после назначения наказания в виде лишения свободы отрицательно

сказывается установленная в ст. 73 УК возможность применения условного осуждения к данному виду наказанию.

В-третьих, в ч. 5 ст. 92 УК законодатель определил перечень преступлений, за совершение которых невозможно освобождение от наказания в порядке ч. 2 ст. 92 УК с помещением в СУВУЗТ. Примечательно, что данный перечень наряду с тяжкими включает и особо тяжкие преступления, за совершение которых данная мера в силу предписания ч. 2 ст. 92 УК применена быть не может (например, ч. 1 ст. 205.1, ч. 2 ст. 208 УК). Вместе с тем из анализа ч. 5 ст. 92 УК не понятен принцип, которым руководствовался законодатель, включая то или иное преступление в данное предписание. Перечисленные в списке преступления направлены на разные объекты уголовно-правовой охраны. Если ориентироваться на санкцию статьи, отражающей характер и степень общественной опасности преступления, то в указанном перечне содержатся деяния, в которых: а) имеются наказания, не связанные с лишением свободы (например, ст. 205.2 УК); б) минимальный размер наказания в виде лишения свободы не определен (например, ч.ч. 1,2 ст. 111, ч. 3 ст. 122, ч. 1 ст. 126, ч. 4 ст. 158, ч.1,2 ст. 162, ч. 2 ст. 163 УК), а в некоторых случаях он составляет от 2 лет (например, ст. 205.2, ч. 1 ст. 360 УК) и т.д.

В-четвертых, дополнив ст. 92 УК перечнем преступлений, совершение которых исключает возможность назначения меры в виде помещения в СУВУЗТ, после чего дополнив частью 6 статью 15 УК, законодатель не возбрал освобождение от наказания по ч. 2 ст. 92 УК, в случае осуждения лица за совершение особо тяжкого преступления, не указанного в ч. 5 ст. 92 УК (например, ст. 105, ч.ч. 3,4 ст. 111 УК), при последующем «снижении» категории данного преступления на менее тяжкую [5, с. 59]. Ситуация парадоксальна, поскольку получается, что, например, особо квалифицированные разновидности умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, в случае изменения их категории в порядке ч. 6 ст. 15 УК, не препятствуют распространению на осужденного ч. 2 ст. 92 УК, а основной

состав умышленного причинения тяжкого вреда здоровью исключает применение указанного положения (т.к. содержится в ч. 5 ст. 92 УК). Вместе с тем в связи с изложенным закономерны также вопросы о возможности применения меры в виде помещения в СУВУЗТ, в случае: 1) если категория преступлений, перечисленных в ч. 5 ст. 92 УК, была «снижена» на одну ступень; 2) «снижения» категории преступления со средней на небольшую тяжесть. Кроме того, поскольку Пленум Верховного Суда РФ допускает возможным применение положений и ч. 1 ст. 92 УК после реализации ч. 6 ст. 15 УК, непонятным также остается следующее: 1) возможно ли изменив категорию преступлений, перечисленных в ч. 5 ст. 92 УК (с тяжкой на среднюю тяжесть), применить ПМВВ в порядке ч. 1 ст. 92 УК; 2) в случае назначения наказания в виде лишения свободы и последующем «снижении» категории преступления на среднюю или небольшую тяжесть, возможно ли вообще применить ПМВВ, предусмотренные ч. 2 ст. 90 УК.

5. Наконец, хотелось бы обратить внимание на то, что за 25-летний период действия российского УК законодателем практически не подвергалось корректировкам содержание ПМВВ, которое раскрывается в ст. 91 УК. В данную норму была внесена лишь одна правка Федеральным законом № 185-ФЗ от 02.07.2013, которая принципиально ничего не изменила (см. табл.1).

Таблица 1

Изменения, внесенные в ч. 4 ст. 91 УК РФ		
Норма в первоначальной редакции закона	4. ... Несовершеннолетнему может быть предъявлено также требование возвратиться в образовательное учреждение либо трудоустроиться с помощью специализированного государственного органа.	
№ поправки	Закон, которым были внесены	Суть изменений

	изменения	
1.	Федеральный закон № 185-ФЗ от 02.07.2013	В части четвертой <u>статьи 91</u> слова "образовательное учреждение" <u>заменены словами</u> "образовательную организацию".

Стало быть, существующее содержание мер полностью отвечает нынешним реалиям правоприменения. Вместе с тем обращение к анализу положений ст. 91 УК позволяет обнаружить в ней ряд несовершенств, требующих законодательного разрешения. Приведем лишь несколько примеров.

Так, содержание меры в виде передачи несовершеннолетнего под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа согласно ч. 2 ст. 91 УК образуют воспитательное воздействие и контроль. К числу недостатков, на наш взгляд, могут быть отнесены следующие моменты. Во-первых, воспитательное воздействие, образующее содержание передачи под надзор, ввиду отсутствия его какой-либо конкретизации, может дублировать содержание иных ПМВВ (например, предупреждения, ограничения досуга и установления особых требований к поведению несовершеннолетнего и др.). Во-вторых, в соответствии с ч. 1 ст. 5 Федерального закона № 120 от 24.06.1999 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», в каждом случае освобождения от уголовной ответственности или от уголовного наказания с применением ПМВВ несовершеннолетний ставится на профилактический учет, в результате чего с ним проводится индивидуальная профилактическая работа. Закономерен вопрос: содержание передачи под надзор специализированного государственного органа не будет дублировать содержание индивидуальной профилактической работы? Какие меры воздействия и контроля специализированный орган будет применять к несовершеннолетнему как к

лицу, переданному под надзор, а какие как к лицу, состоящему на профилактическом учете? Или же индивидуально-профилактическая работа составляет содержание данной меры уголовно-правового воздействия? Но если это так, то необходимо отметить, что в соответствии с вышеуказанной нормой индивидуальная профилактическая работа проводится в отношении всех лиц, к которым применены ПМВВ, причем не только в виде передачи под надзор. В то же время при применении других мер уголовно-правового воздействия (наказания, условного осуждения, различных видов освобождения от уголовной ответственности и уголовного наказания) индивидуальная профилактическая работа все-таки осуществляется отдельно.

Кроме того, содержание мер в виде возложения обязанности загладить причиненный вред и меры в виде помещения в СУВУЗТ вообще не раскрывается законодателем. В ст. ст. 91 и 92 УК регламентированы только отдельные условия применения указанных мер, что служит большим препятствием для правоприменителя при определении их исправительно-предупредительного потенциала.

Подводя краткие итоги проведенного нами исследования, посвященного современной отечественной уголовно-правовой политики в отношении института ПМВВ, отметим, что заявленная проблематика, безусловно, является значимой и актуальной, поскольку назрела необходимость в совершенствовании уголовно-правовой основы противодействия преступности несовершеннолетних, в т.ч. положений института ПМВВ. В этой связи авторы настоящей работы выражают надежду на дальнейшее критическое обсуждение затронутого выше круга вопросов, что, несомненно, окажет содействие развитию проводимого в стране курса уголовно-правовой политики и повышению эффективности национальной правоприменительной практики.

Список литературы

1. Законопроект и пояснительная записка к законопроекту № 210368-3 «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и другие законодательные акты Российской Федерации (в части гуманизации прав несовершеннолетних, находящихся в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних)» // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: Официальный сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/210368-3> (дата обращения: 25 января 2022 г.).

2. Благов Е.В. Актуальные проблемы уголовного права (Общая часть): учеб. пособие / Изд-во. Яросл. гос. ун-т. – Ярославль: ЯрГУ, 2008. – 303 с.

3. Кострова М.Б. Термин «лицо, впервые совершившее преступление» в контексте взаимосвязи уголовного и иных отраслей российского права // Lex russica. 2015. № 8. С. 70–83.

4. Нечепуренко А. А., Бабурин В. В. «Совершение преступления впервые» как ключевое понятие для оптимизации применения института освобождения от уголовной ответственности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С.67-79.

5. Нагорнов К., Шидловский А. Помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь // Уголовное право. – 2020. – №1. – С. 58-65.

COMPULSORY MEASURES OF EDUCATIONAL INFLUENCE: PROBLEMS AND DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF THE RUSSIAN CRIMINAL LAW POLICY

Talan M.V., Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law of Kazan (Volga Region) Federal University.

Nagornov K.I., Researcher, Faculty of Law of Kazan (Volga Region) Federal University.

Abstract: This paper presents the results of a study devoted to the analysis and assessment of the state of modern Russian criminal law policy in relation to the institution of compulsory measures of educational influence.

Keywords: minor, compulsory measures of educational influence, criminal law policy, problems, directions of improvement.

ПОНЯТИЕ И ВОЗРАСТ НАСТУПЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

*Турабаева Зиёда Якубовна, преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и
противодействия коррупции Ташкентского государственного юридического
университета*

В правовом государстве на первом месте находятся интересы подрастающего поколения, проблемы его защиты и нормального развития, поэтому значительное количество норм уголовного законодательства направлено на охрану прав несовершеннолетних»[1]. С момента обретения государственной независимости одним из первых международных документов, к которому присоединилась Республика Узбекистан после принятия Конституции является Конвенция о правах ребенка, которую ратифицировала в соответствии с постановлением Верховного Совета Республики Узбекистан от 9 декабря 1992 года. Согласно Конвенции, ребенком является каждый человек в возрасте до 18 лет. Однако, из общего правила есть исключение: если национальным законодательством установлен более ранний возраст достижения совершеннолетия, человек перестает считаться ребенком до достижения 18-летнего возраста[2].

В Узбекистане законодательную основу системы гарантии защиты прав ребенка (детей) составляют Конституция Республики Узбекистан, Гражданский кодекс, Семейный кодекс, Закон Республики Узбекистан «О гарантиях прав ребёнка», Закон Республики Узбекистан «Об опеке и попечительстве» и т.д., которые в соответствии с требованиями Конвенции о правах ребенка закрепили и развили основополагающие права ребенка, формы их защиты.

Уголовный кодекс Республики Узбекистан не раскрывает понятие термина “несовершеннолетний”. Тем не менее, в статье 3 Закона «О профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних» дано следующее определение понятию: «Несовершеннолетний — лицо, не достигшее возраста восемнадцати

лет».[3] Данный Закон был принят 29 сентября 2010 г. для повышения эффективности предупреждения антисоциального поведения, которым введен судебный порядок помещения несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, в специализированные учебно-воспитательные учреждения и центры социально-правовой помощи несовершеннолетним.

Следует отметить, что на протяжении многих лет учёные-правоведы пытаются определить оптимальный возраст наступления уголовной ответственности, т.е. такой возраст, при котором человек должен нести уголовную ответственность, осознавая свою вину. Предлагались различные основания в соответствии, с которыми происходила градация возраста уголовной ответственности в зависимости от тяжести совершаемых преступлений. Возраст является показателем социальной зрелости лица и его способности давать правильную оценку социальным явлениям. Для лица, совершившего преступление, необходимо не только понимание общественной опасности содеянного, его осознание и оценка, но и способность руководить соответствующим поведением и «предвидеть последствия, создавать их мысленную модель».[4]

При системном анализе возраста наступления уголовной ответственности несовершеннолетних, считаем целесообразным рассмотреть также нормы международного права. Согласно статье 40(3) Конвенции о правах ребенка, государствам участникам рекомендуется устанавливать такой минимальный возраст, возраст ниже которого подразумевает, что дети в таком возрасте не имеют способности нарушать уголовное законодательство. Существуют разные мнения об однозначном возрасте наступления уголовной ответственности. Категоричных международных стандартов в этом вопросе нет. В Замечании общего порядка №10 Комитет по правам ребенка заключает, что «минимальный возраст наступления уголовной ответственности, лежащий ниже 12-летнего

предела, рассматривается Комитетом как не являющийся международно приемлемым».[5]

В то же время Комитет акцентирует, что государства-участники не должны снижать минимальный возраст ниже 12 лет, если возраст установлен выше данного возраста. Государствам-участникам также настойчиво рекомендуется увеличивать минимальный возраст наступления уголовной ответственности, например, до 14 или 16 лет. Конечно, ничто не препятствует странам-участницам устанавливать минимальный возраст на уровне 18 лет. Ряд стран, включая Бразилию, уже поступил таким образом.[6]

Комитет по правам ребенка четко определяет, что дети, достигшие минимального возраста наступления уголовной ответственности и находящиеся в конфликте с законом, должны нести меньшую ответственность, чем взрослые, поскольку «дети отличаются от взрослых по своему физическому и психологическому развитию и по своим эмоциональным и образовательным потребностям».

Руководство по данному вопросу также отражается в статье 4 Пекинских правил, которая рекомендует, что нижний предел возраста наступления уголовной ответственности «не должен устанавливаться на слишком низком возрастном уровне, учитывая аспекты эмоциональной, духовной и интеллектуальной зрелости».[7]

Ребенок в возрасте младше возраста наступления уголовной ответственности не имеет способности совершения преступления. Это означает, что такие дети обладают иммунитетом от уголовного преследования – их не могут привлечь к уголовной ответственности власти, они также не могут быть субъектом процедур и мер уголовного законодательства. Важный элемент института минимального возраста наступления уголовной ответственности заключается в том, что для несения ответственности за свои действия ребенок должен достичь эмоциональной, духовной и интеллектуальной зрелости. Минимальный возраст в разных

странах определен на значительно отличающихся уровнях – от шести лет до восемнадцати лет. В среднем такой возраст определен на уровне двенадцати лет.[8]

В статье 16 Уголовного кодекса Республики Узбекистан содержится определение понятия уголовной ответственности, согласно которой ответственность за преступление есть правовое последствие совершения общественно опасного деяния, выражающееся в осуждении, применении наказания и других мер правового воздействия судом к лицу, виновному в совершении преступления. Следовательно, основанием ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом.

Уголовной ответственности у нас в стране подлежат только вменяемые физические лица, достигшие возраста, установленного Уголовным кодексом Республики Узбекистан. По общему правилу за совершение подавляющего большинства преступлений уголовная ответственность наступает с 16 лет. Лишь за некоторые составы преступлений, указанные в статье 17 УК, она наступает с 13, 14 либо 18 лет.

Если подробнее рассмотреть возраст наступления уголовной ответственности по Уголовному кодексу Республики Узбекистан, то лица, которым до совершения преступления исполнилось тринадцать лет, подлежат ответственности лишь за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах (часть вторая статьи 97 УК). Подростки, достигшие 14 лет, могут быть к ней привлечены: за умышленное убийство, умышленное тяжкое телесное повреждение, умышленное средней тяжести телесное повреждение, изнасилование, похищение человека, разбой, вымогательство, грабеж, кражу и за некоторые другие преступления. К случаям привлечения к уголовной ответственности лишь по достижении 18 лет относятся: уклонение от содержания несовершеннолетних или нетрудоспособных лиц; уклонение от содержания родителей; вовлечение несовершеннолетнего в

антисоциальное поведение; должностной подлог; получение взятки и некоторые другие преступления.

Ответственность лиц, совершивших преступление в возрасте до восемнадцати лет, наступает в соответствии с общими положениями и с учетом особенностей, предусмотренных разделом шестым Общей части Уголовного кодекса Республики Узбекистан.[9]

Далее, хотелось бы обратить внимание на возраст наступления уголовной ответственности в зарубежных странах, таким образом, в законодательстве стран романо-германской правовой семьи закрепляется минимальный возраст уголовной ответственности: в Бельгии – с 18 лет, в Польше – с 15 лет, в Германии, России и Австрии – с 14 лет, в Португалии и Нидерландах – с 12 лет (однако привлечение к уголовной ответственности с данного возраста практически не имеет места). В странах англо-саксонской правовой семьи возраст уголовной ответственности определяется чуть ниже, а именно, в Ирландии он составляет 7 лет, в Шотландии – 8, в Англии – 10. Следует отметить, что во всех этих странах подростки, осужденные к реальному сроку, отбывают его не в общей тюрьме, а в специальном исправительном учреждении, где обычно менее жесткий режим и репрессивные меры принимаются в самых крайних случаях.[10]

Отметим также, что при определении возраста лица судебно-следственным органам нужно учитывать, что лицо считается достигшим определенного возраста «не в день рождения, а по истечении суток, на которые приходится этот день, т.е. с нуля часов следующих суток». В тех же случаях, когда возраст лица устанавливается не по соответствующим документам (паспорт, свидетельство о рождении и пр.), а на основании заключения судебно-медицинской экспертизы в годах, то днем его рождения считается последний день того года, который назван экспертами, а при определении возраста минимальным и максимальным количеством лет суду следует исходить из предполагаемого экспертами минимального возраста такого лица.[11]

Таким образом, опираясь на приведенные выше возрасты наступления уголовной ответственности, мы можем констатировать, что в уголовном кодексе Республики Узбекистан законодателем установлен общий возраст уголовной ответственности и пониженный, когда ответственность по определенному кругу составов преступлений, указанных в статье 17 УК наступает раньше. Особо отметим, что Уголовный кодекс Республики Узбекистан дифференцированно подходит к возрасту, при достижении которого несовершеннолетний может быть признан субъектом преступления, напрямую указывая на четыре возрастных признака субъекта. Минимальный возраст, установленный Уголовным кодексом Республики Узбекистан, не нарушает нормы международного права. Однако, считаем целесообразным поднять возраст наступления уголовной ответственности к 14 лет. Учитывая, что в уголовной науке несовершеннолетний является особым субъектом преступления. По сравнению с совершеннолетними лицами, несовершеннолетние не полностью развиты по физическим, психологическим и физиологическим показателям. Поэтому уровень осознания ими социальных проблем ограничен. Они легко вовлекаются, подстрекаются к совершению правонарушений, в том числе преступлений. Тем не менее, характеристики психической неустойчивости одновременно являются более благоприятными условиями для перевоспитания и обучения несовершеннолетних, чем взрослых лиц, совершивших преступления. Поэтому освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности предусматривается не только общими нормами освобождения от уголовной ответственности, а особыми нормами, применяемыми только к лицу в возрасте до восемнадцати лет.

Список литературы

1. Астемиров З.А. Зиядова Д.З. Некоторые пути совершенствования уголовно-правовой защиты несовершеннолетних // Вестник

- Дагестанского государственного университета. - 2012. - Выпуск 2.
Право. - С. 155-159.
2. Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года.
https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml
  3. Национальная база данных законодательства, 24.07.2018 г., № 03/18/486/1559, 24.05.2019 г., № 03/19/542/317, 13.09.2019 г., №03/19/567/3737
  4. Примаченок А.А. Совершенствование уголовно-правовой системы мер борьбы с правонарушениями несовершеннолетних / А.А. Примаченок. – Минск, 1990. – С. 134–135.
  5. Комитет ООН по правам ребенка, Замечание общего порядка №10 (2007 г.): «Права детей в рамках отправления правосудия в отношении несовершеннолетних» от 25 апреля 2007 г., CRC/C/GC/10, статья 32.
  6. Статья 228 Конституции Бразилии говорит, что «лица, не достигшие восемнадцати лет, не могут подлежать уголовному преследованию и являются субъектом правил особого законодательства».
  7. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), принятые резолюцией Генеральной ассамблеи ООН, 40/33 от 29 ноября 1985 года, статья 4.
  8. Cipriani, D (2009 г.) Children’s Rights and the Minimum Age of Criminal Responsibility: A Global perspective (пер. «Права детей и минимальный возраст наступления уголовной ответственности: глобальная перспектива»), Ashcroft.
  9. Национальная база данных законодательства, 13.02.2021 г., № 03/21/673/0112, 18.02.2021 г., № 03/21/675/0126; 30.03.2021 г., № 03/21/679/0256
  10. Научная работа на тему: «Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности несовершеннолетних в законодательстве Российской

Федерации и законодательстве иных государств» Глазунова Е.В.,
Журнал «Отечественная юриспруденция», Тула. 2019.

<https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-ugolovnoy-otvetstvennosti-nesovershennoletnih-v-zakonodatelstve-rossiyskoy-federatsii-i-zakonodatelstve>

11. Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 15 сентября 2000 г. № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних».
<https://lex.uz/docs/1449718>

К ВОПРОСУ О БЕЗОПАСНОСТИ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И МОНГОЛИИ)

Хармаев Юрий Владимирович, доцент, к.ю.н., заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, ЮФ Бурятский государственный университет, Российская Федерация, г. Улан-Удэ

Цагаан Ганболд, доктор (PhD), профессор, научный сотрудник НИИ пограничной безопасности при Университете внутренних дел Монголии полковник, Монголия, г. Улан-Батор;

Цель: проанализировать особенности приграничных российско-монгольских отношений в современных условиях. Отмеченный рост количества пересекающих государственную границу транспортных средств, оборота грузов между приграничными территориями в условиях глобализации показал не только преимущества межгосударственных отношений, но и выявил ряд негативных последствий в виде противоправных проявлений со стороны представителей организованной преступности.

Методология: анализ, дедукция, системный, статистический, документальный, формально-логический методы.

Выводы: безопасность приграничных территорий зависит от многих факторов, среди которых следует учитывать следующие: географические и климатические особенности местности; экологические факторы (лесные пожары, миграция животных, противоправное использование природных ресурсов); эпидемиологическое состояние животного мира на территории государств; социально-экономические факторы (благоприятные условия для проживания в соседних территориях, вызывающие интенсификацию пограничных нарушений с целью незаконного перемещения через границу и др.).

Научная и практическая значимость: Значимость проведенного исследования состоит в разработке рекомендаций по противодействию

криминальным проявлениям со стороны представителей организованной преступной среды и борьбе с транснациональной преступностью.

Ключевые слова: приграничные территории, российско-монгольские отношения, контрабанда, международное сотрудничество, транснациональные преступления, организованная преступность.

Роль и значение обеспечения национальной безопасности государств в современном мире неуклонно возрастает. Определенная специфика свойственна для приграничных государств, которые сталкиваются с такими проблемами, как транснациональная преступность, экологические, климатические, эпидемиологические факторы и др. [1, С. 27]. Необходимость реформирования приграничных отношений между государствами объективно продиктована теми коренными изменениями, происшедшими в мире за последние годы.

Особенно это касается той ситуации, ранее с которыми человечество не сталкивалось, в частности с условиями пандемии. Изменения в XXI столетии в политической, правовой, экономической, социальной и других сферах обуславливают адекватное и своевременное реагирование на указанные выше процессы [4, С. 337]. Государства Азиатско-тихоокеанского региона не лишены необходимости приведения своего национального законодательства в соответствие с сегодняшним объективным реалиям. Россия и Монголия в данном случае не являются исключением.

Российская Федерация и Монголия имеют совместную границу на протяжении 3453 км. С российской стороны граничат жители нескольких регионов, в частности Иркутской области, Забайкальского края, Республики Алтай, Республики Тыва, Республики Бурятия. Приграничные отношения законодательно урегулированы многими совместными нормативно-правовыми актами, которых на сегодня не менее 15, начиная с Договора «О государственной границе между МНР и СССР» от 1958 г.¹, до

---

¹ Текст: электронный URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (Дата обращения 25.01.2022).

международных соглашений по оказанию правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам¹, принятыми и ратифицированными уже в наши постсоветские времена [2, С. 79].

Прошло не так много времени, когда наблюдался резкий скачок и увеличение пассажиропотока, количества пересекающих государственную границу транспортных средств, оборота грузов между нашими приграничными территориями. Процесс глобализации явно показал не только преимущества межгосударственных отношений, но и выявил ряд негативных последствий. Вследствие интенсификации легальных и нелегальных трансграничных потоков товаров, мигрантов и услуг во всем мире возросли такие виды преступлений: незаконный оборот наркотиков и оружия; отмывание незаконно приобретенных денежных средств; торговля людьми; терроризм; незаконная миграция; торговля человеческими органами и тканями для трансплантации и многие другие. В данном контексте следует выделить трансграничную организованную преступность, как наиболее серьезную угрозу национальной безопасности любого из приграничных государств. Для Монголии же, ее приграничных районов свойственны следующие преступные промыслы: контрабанда; нелегальная торговля потребительскими товарами; незаконный оборот наркотических средств, торговля людьми; вывоз драгоценных цветных металлов и минералов; вывоз археологических материалов (костей динозавров и редких животных); вывоз произведений искусства и предметов культуры (антикварных, религиозных изделий); вывоз сельскохозяйственного сырья [3].

Следует отметить, что транснациональная, трансграничная и международная преступность для Монголии является совершенно новым явлением [6, С. 73]. Все это требует разработки и реализации новых подходов

---

¹ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой о взаимном оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам // Текст: электронный URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900393> (Дата обращения 25.01.2022).

к ее противодействию, в необходимости совершенствования правовой базы, формирования эффективной системы правоохранительных органов.

Большинство видов трансграничной преступности, совершаемых в Монголии, имеют экономическую направленность. Более сложная оперативная обстановка наблюдается на государственной границе с Китаем. Противодействие торговле людьми на сегодняшний день является одной из актуальных проблем в Монголии [5, С. 275]. Высока латентность такого рода преступлений, по зарегистрированным преступлениям 48% жертв трансграничной торговли людьми составляют женщины и девочки, которые подвергаются сексуальной эксплуатации в коммерческих целях, 32% становятся жертвами работорговли, 11% были вынуждены продать свои органы для трансплантации. Всего за последние годы было привлечено к уголовной ответственности всего 35 лиц, инкриминируемых в 19 преступлениях. Указанная картина не отражает реальную обстановку, по оценке экспертов, выявляется не более 10% таких преступлений, из 10 зарегистрированных преступлений лишь 2 доводится до суда [8, С. 91].

Незаконный оборот наркотических средств долгое время сохранял стабильное состояние в Монголии, в последние годы замечен резкий скачок такого рода деяний. Кроме того заметно выросло количество осужденных граждан Монголии, отбывающих наказание по этим статьям в Китае.

Также беспокоит ситуация, связанная с незаконной деятельностью по добыче золота и его контрабандный вывоз за границу [7]. Контрабандисты используют изощренные приемы сокрытия нелегального груза, что значительно осложняет задачу пограничным, таможенным и правоохранительным органам.

Помимо криминальных правонарушений и учитывая плотность российско-монгольских приграничных отношений, для обеспечения безопасности и укрепления сотрудничества между странами следует учитывать следующие факторы:

- географические и климатические особенности местности;

- экологические факторы (лесные пожары, миграция животных, противоправное использование природных ресурсов);

- эпидемиологическое состояние животного мира на территории государств;

- социально-экономические факторы (благоприятные условия для проживания в соседних территориях, вызывающие интенсификацию пограничных нарушений с целью незаконного перемещения через границу и др.).

Резюмируя, следует обратить еще на один момент. К сожалению, в последнее время определенные сложные отношения между некоторыми суверенными государствами на постсоветском пространстве заставляют задуматься о безопасности своих территорий. Сложная ситуация в мире в целом, связанная с различными региональными и локальными конфликтами, показывает насколько необходимо обращать внимание на межгосударственные, трансграничные отношения. Помимо криминальных угроз (отмеченных нами выше) для осуществления общей безопасности государства повышенное внимание заслуживают следующие факторы, которые необходимо замечать у соседних приграничных государств, это:

- увеличение военной группировки сопредельных государств;

- расширение деятельности зарубежных диверсионно-разведывательных служб;

- политические, межнациональные, религиозные конфликты, локальные вооруженные столкновения в сопредельных странах;

- миграционные процессы граждан из третьих стран;

- внедрение зарубежных граждан, нелегальных мигрантов в экономическое пространство страны;

- ослабление дружественных отношений с приграничными странами и др.

Список литературы

1. *Голунов С.В.* Безопасность пограничных пространств // Международные процессы. – 2007. – № 2. – С. 27-37.
2. *Дагважамц Г.* Хил судалалын ундэс. «Хил судлал» эмхэтгэл. УБ., 2011. 79 дэх тал.
3. Концепция национальной безопасности Монголии. // Гос. Ведомость. 2010. № 10.
4. *Парамонов А. Е.* Угрозы безопасности России в пограничном пространстве, проявляющиеся под воздействием экономической глобализации / А. Е. Парамонов // Мир науки, культуры, образования. - Горно-Алтайск., 2011. №3 (28). - С. 337-341.
5. *Хармаев Ю.В.* Проблемы совершенствования уголовно-исполнительной системы по законодательству России и Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 2. С. 275-277.
6. *Хармаев Ю.В.* Особенности института уголовных наказаний в средневековой Монголии // Социология уголовного права и уголовной ответственности : сб. ст. М., 2015. С. 73-79.
7. *Ш. Арвай* Улсын хилийн тухай (Дурсамж, узэл бодол), УБ. 2005 он.
8. *Ц. Очгэрэл* // Хорих байгууллагын аюулгүй байдал. УБ., 2017 он. 91 дэх тал.

References

1. *Golunov S.V.* Border Space Security // International Processes. - 2007. - No. 2. - S. 27-37.
2. *Dagvajamts G.* Khil sudalalyn undes. "Hil sudlal" emhatgal. UB., 2011. 79 deh tal.
3. The concept of national security of Mongolia. // State. Vedomosti. 2010. No. 10.
4. *Paramonov A. E.* Threats to Russia's security in the border space, manifested under the influence of economic globalization / A. E. Paramonov // World of science, culture, education. - Gorno-Altaiisk., 2011. No. 3 (28). - S. 337-341.

5. *Kharmaev Yu.V.* Problems of improving the penitentiary system under the legislation of Russia and Mongolia // Bulletin of the Buryat State University. 2012. No. 2. S. 275-277.
6. *Kharmaev Yu.V.* Features of the Institute of Criminal Punishments in Medieval Mongolia // Sociology of Criminal Law and Criminal Liability: Sat. Art. M., 2015. S. 73-79.
7. *Sh. Arvay* Ulsyn khiliin tukhay (Dursamzh, uzel bodol), UB. 2005 he.
8. *Ts. Ochgerel* // Khorikh baiguullagyn ayuulgyi baidal. UB., 2017 he. 91 deh tal.

САНКЦИИ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ КОРРУПЦИИ

Хожиева Рўзигул Худайбердиевна, базовый докторант Ташкентского государственного юридического университета

Сегодня проводятся масштабные реформы по предупреждению преступлений коррупционной направленности. В частности, принимаются системные меры по повышению правосознания и правовой культуры населения, формированию в обществе нетерпимого отношения к коррупции.

Безусловно, эти реформы приносят свои плоды. В частности, в Индексе верховенства права Всемирного проекта правосудия «Свобода от коррупции» в 2019 году Узбекистан занял 95 место с 0,38 балла, а в 2020 году занял 89 место среди 128 стран с 0,40 балла и поднялся на 6 место. результат системных реформ [1].

При этом правовые меры по предупреждению коррупционных преступлений оказывают положительное влияние, а правовые действия по предупреждению коррупционных преступлений означают предотвращение и совершение общественно опасных деяний (действий или бездействия), признаваемых правонарушениями или преступлениями, содержащими признаки коррупции. -воспитание личности и пробуждение угрызений совести за общественно опасное деяние (действие или бездействие), признаваемое правонарушением или совершенным преступлением, является средством воздействия, направленным на возмещение материального или нематериального ущерба, причиненного государству и обществу.

Такие меры воздействия подразделяются на отдельные виды в зависимости от вида, объема и содержания общественно опасного деяния (действия или бездействия), признаваемого правонарушением или преступлением, которое было совершено или может быть совершено:

Меры социально-политического воздействия, связанные с государственными реформами;

Меры дисциплинарного взыскания;

Меры административно-правового воздействия;

Криминологические и профилактические меры;

Уголовно-правовые меры

такие как меры уголовного правосудия, являются наиболее сильными мерами предупреждения коррупционных преступлений.

Средства уголовно-правовой защиты представляют собой уголовно-правовое средство воспитания лиц, совершивших преступления, предусмотренные Уголовным кодексом, и принуждения их к раскаянию или воздержанию от планирования преступления.

При этом меры уголовно-правового характера можно разделить на несколько видов, а именно:

Мера ответственности за конкретное деяние;

Мера надлежащего наказания для лиц, совершивших конкретное преступление;

К лицам, совершившим конкретное преступление, применяются иные меры принуждения.

Меры уголовно-правового характера можно увидеть в разделе о диспозиции и санкции норм УК РФ, где диспозиция предусматривает ответственность, а санкция предусматривает наказание и иные меры воздействия.

Прежде всего, применительно к мере ответственности за конкретное деяние, согласно статье 16 УК РФ, уголовная ответственность – это юридическое последствие преступления, за совершение которого суд выносит обвинительный приговор, налагает на лицо наказание или иную предусмотренную законом меру. виновным в совершении преступления [2]. При этом совершение деяния, имеющего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ, является основанием для привлечения к ответственности.

Существует ряд концепций, связанных с понятием уголовной ответственности, в частности По М.Усмоналиеву, уголовная

ответственность – это преступные отношения между лицом и государством за совершение деяния, запрещенного Уголовным кодексом [3].

По М.Рустамбаеву, уголовная ответственность – это форма юридической ответственности, которая определяется уголовным законом и применяется судом к лицу, виновному в совершении преступления [4].

Согласно статье 42 УК РФ к осуждению лица за преступление применяется мера принуждения, налагаемая от имени государства путем лишения или ограничения определенных прав и свобод, предусмотренных законом.

Законом предусмотрены основные и дополнительные наказания, а Б.М. По Леонтьеву, основное наказание — это наказание, применяемое только к самому себе, дополняющее или не дополняющее другие наказания, и для достижения основной цели наказания, а дополнительное наказание — это наказание, имеющее вспомогательное значение для достижения цели. Этого наказания [5].

Хотя ответственность и наказание являются отдельными понятиями, привлекать к ответственности виновного и налагать наказание необходимо только на лицо, совершившее деяние, если в конкретном деянии присутствуют признаки преступления и деяние признано преступлением.

В УК предусмотрено несколько видов карательных мер, а согласно статье 43 УК это:

- а) штраф;
- б) лишение определенных прав;
- б¹) обязательные общественные работы;
- в) исправительные работы;
- г) сервисные ограничения;
- г¹) ограничение свободы;
- д) направление в дисциплинарную часть;
- к) лишение свободы;
- з) пожизненное заключение.

Помимо основного наказания к осужденным может быть применено дополнительное наказание в виде лишения воинского или специального звания.

Меры взыскания в виде ограничения по службе или перевода в дисциплинарную часть применяются только к военнослужащим.

Лишение определенного права может применяться не только как основное наказание, но и как дополнительное.

Практически все виды наказаний, перечисленных за коррупционные правонарушения, применяются альтернативным способом, целью которого является воспитание и профилактика коррупционных правонарушений, а также возложение правовых санкций на виновного и виновного.

Кроме того, в перечень уголовных наказаний включены и другие меры принуждения, а действующим Уголовным кодексом меры принуждения применяются к совершеннолетним и несовершеннолетним. Однако согласно статье 17 УК субъектом коррупционных правонарушений является лицо, достигшее 18-летнего возраста, поэтому ниже речь пойдет о мерах принуждения, применяемых к совершеннолетним.

В отношении совершеннолетних главой 18 Уголовного кодекса предусмотрено применение только принудительных мер медицинского характера. Суд может применить меры принудительного медицинского характера к лицу, психическое состояние которого ухудшилось таким образом, что оно не в состоянии контролировать, если оно представляет опасность для общества в силу своего психического состояния и характера совершенного деяния.

Если проанализировать систему наказаний за коррупционные преступления с точки зрения законодательства зарубежных стран, то можно увидеть, что существуют нормы, отличные от нашего законодательства.

В частности, по швейцарскому уголовному праву лица, совершившие преступление с использованием своих служебных полномочий, могут быть уволены.

Согласно статье 323 Уголовного кодекса Италии злоупотребление служебным положением наказывается лишением свободы на срок до 4 лет, а по статье 28 Уголовного кодекса Германии должностное лицо наказывается лишением свободы на срок до 15 лет за злоупотребление служебным положением.

Согласно первому пункту статьи 220 Уголовного кодекса Государства Босния и Герцеговина, серьезное нарушение прав другого лица путем злоупотребления служебным положением или полномочиями, превышающими его должностные полномочия, наказывается лишением свободы на срок от шести до пяти лет.

Согласно статье 359 (1) Уголовного кодекса Сербии, если должностное лицо злоупотребляет своим служебным положением или властью, незаконно увеличивает свое имущество, наносит серьезный ущерб интересам государства и граждан путем умышленного уклонения от исполнения служебных обязанностей, срок от шести месяцев до пяти лет будет заключен в тюрьму.

Мы также можем видеть, что в некоторых зарубежных странах установлена административная ответственность за менее значительные проявления коррупции. В частности, по законодательству Казахстана не является преступлением принятие или дарение должностным лицом в дар имущества, имущественных прав или иных имущественных интересов на сумму, не превышающую двух месячных расчетных показателей, без предварительного согласия на совершение действие (бездействие) в пределах его компетенции является основанием для привлечения к административной или дисциплинарной ответственности.

На основании вышеприведенного анализа можно сделать вывод, что перечисленные уголовные санкции являются важным инструментом бескомпромиссной борьбы с коррупцией, и эти санкции должны быть усовершенствованы с учетом опыта развитых стран.

Список литературы

1. Шамсутдинов Б. Ответственность за коррупционные преступления. Монография. – Т: ТГЮУ, 2020.
2. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. <https://lex.uz/acts/111453>
3. Усмоналиев М. Уголовное право. Учебник. Общий раздел.– Т: “Янги аср авлоди”, 2020.
4. Рустамбоев М. Уголовное право. Учебник. Общий раздел. – Т.: ИЛМ ЗИЮ, 2006.
5. Леонтьев Б.М. Является ли уголовное законодательство России полностью кодифицированным. Статья. <https://istina.msu.ru/publications/article/3662511/>
6. Уголовный кодекс Швейцарии. <https://business-swiss.ch/zakonodatelstvo-shvejtsarii/ugolovnoe-pravo/ugolovny-j-kodeks-shvejtsarii/>
7. Уголовный кодекс Германии. <https://www.litres.ru/n-s-rachkova/ugolovnyy-kodeks-federativnoy-respubliki-germanii/chitat-onlayn/>
8. Уголовный кодекс Боснии и Герцеговины. <https://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes/country>
9. Уголовный кодекс Сербии. <https://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes/country>
10. Уголовный кодекс Республики Казахстан (Принят 3 июля 2014 года) // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252#pos=5;-106.

ПРОБЛЕМЫ СВЯЗАННЫЕ С НЕДОСТАТКАМИ ХРАНЕНИЯ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

*Шамурзаев Таалайбек Турсунович, доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Кыргызско-Российский Славянский
университет им. Б.Н. Ельцина*

*Ардашев Роман Георгиевич, кандидат юридических наук, преподаватель, Иркутский
государственный университет*

Одним из наиболее актуальных разделов судебной медицины и криминалистики является идентификация личности человека, когда следы кожного покрова используются в практике борьбы с преступностью [1]. Изучение этих следов производится по двум направлениям: а) дактилоскопией, изучающей особенности папиллярных узоров ладонных поверхностей и стоп ног; б) дерматоглификой, исследующей особенности строения кожи в целом, за исключением флексорных (функциональных) линий. Необходимо отметить, что именно в сфере «криминалистической дерматоглифики» на сегодняшний день существует немало заблуждений, спекулятивных заявлений и антинаучных утверждений [2].

Главным вопросом, решаемым в процессе проведения судебной дактилоскопической экспертизы, является вопрос – оставлены ли дактилоскопические следы, обнаруженные на месте происшествия, конкретным (проверяемым) человеком? Известно немало случаев, когда подобные зафиксированные следы позволяют раскрывать преступления через десятки лет [3]. К сожалению, нормативные источники, определяющие порядок и сроки хранения дактилоскопической информации в России, имеют серьезные изъяны. Так, по одному из нераскрытых убийств, совершенных на территории Республики Бурятия в 80-х годах минувшего века, был сделан запрос на дактилоскопическую карту С., осужденного в Иркутской области в указанный период. Начальник информационного центра ГУ МВД РФ по

Иркутской области сообщил: «Дактилоскопическую карту в отношении С. направить не представляется возможным, в соответствии с ранее действовавшим приказом МВД России от 31 августа 1993 г. Дактилоскопическая карта изъята после получения документа, подтверждающего сведения о смерти гражданина С.» [4].

Иными словами, после того, как С. был осужден и умер, его дактилоскопическая карта была изъята из массива аналогичных документов, что лишило возможности сотрудников правоохранительных органов проверить С. на причастность к совершению убийства в ином субъекте РФ.

В другом случае аналогичный запрос на копию дактилоскопической карты был направлен в ГУ МВД РФ по Краснодарскому краю, где заместитель начальника информационного центра дал ответ: «Дактилоскопический материал, заполненный на имя С. Юрия Николаевича не может быть предоставлен в соответствии с Федеральным законом от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации». Согласно ст. 13, органы внутренних дел хранят дактилоскопическую информацию о лицах, подвергнутых обязательной государственной дактилоскопической регистрации – до достижения ими возраста 80 лет или установления факта их смерти». По делу, рассмотренному судом в Краснодарском крае, подсудимый С. был осужден к смертной казни за бандитизм и убийства, приговор приведен в исполнение, после чего дактилоскопическая карта С. «за ненадобностью» изъята из базы дактилокарт. Однако через много лет сотрудниками уголовного розыска была получена оперативная информация о нераскрытом умышленном убийстве, совершенным ранее С. на территории Республики Бурятия. Для проверки данной информации требовались отпечатки пальцев рук С., которых уже не было в информационном центре ГУ МВД РФ по Краснодарскому краю. Преступление осталось нераскрытым.

Такая же ситуация возникла и при проверке оперативных сведений в отношении неоднократно судимого в других регионах России К., совершавшего изощренные убийства. Начальник информационного центра Управления МВД РФ по Рязанской области сообщила: «К. Геннадий Геннадьевич на дактилоскопическом учете ИЦ УМВД не состоит (дактилокарта снята с учета по установлению смерти К. 29 февраля 2008 г.)» [4].

Как позитивный пример можно привести случай из практики Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры, в которой много лет хранилось нераскрытое уголовное дело по факту изнасилования, сопряженного с убийством, в аэропорту г. Братска. Спустя длительное время в Иркутской области была получена информация о возможном совершении данного деяния жителем г. Кишинева Порфиром Скрипником. На тот момент последний был осужден и расстрелян за совершение серии сходных преступлений в Молдавии [5]. Работник Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры сумел найти дактилокарту казненного Скрипника в его личном деле осужденного, хранящемся в архиве МВД Молдавии. Эксперт-криминалист дал категорическое заключение, что отпечаток большого пальца неустановленного убийцы, изъятый при осмотре трупа жертвы в аэропорту г. Братска, принадлежит П. Скрипнику, впоследствии осужденному в Молдавии [6].

Мы можем уверенно утверждать, что правоохранительные органы хранят массу дактилоскопической информации, зафиксированной и изъятой по нераскрытым убийствам и иным тяжким преступлениям прошлых лет. Возможности раскрытия таких преступлений путем назначения дактилоскопических экспертиз существенно ограничены нормативными актами, предусматривающими сроки хранения дактилокарт в информационных центрах. Не все следователи и оперативные сотрудники

знают особенности хранения копий дактилоскопических карт в разных информационных базах. Указанные факторы необходимо учитывать в процессе раскрытия преступлений прошлых лет.

Список литературы:

1. Яровенко В.В., Ардашев Р.Г. Дактилоскопическая и дерматоглифическая характеристика папиллярных узоров пальцев рук серийных убийц, совершивших преступления из корыстных побуждений // Юридические исследования. – 2020. – № 12. – С. 60 -77.
2. Шамурзаев Т.Т., Архипова А.Н., Туркова В.Н. Проблемные вопросы криминалистической дерматоглифики // Закон и право. 2019. № 2. С. 133-136.
3. Ардашев Р.Г. Вопросы теории и практики расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя: монография.– Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. – 188 с.
4. Шамурзаев Т.Т., Ардашев Р.Г., Нерешенные проблемы дактилоскопии и криминалистической дерматоглифики // Право и государство: теория и практика. 2021. № 3 (195) – С. 279-281.
5. Похис М.Я., Магдалюк А.Ф. Раскрытие убийств, связанных по способу их совершения // Следственная практика. Вып. 145. М., 1985. С. 93-101.
6. Китаев Н. Убийца расстрелян, но...// Законность. 1993. № 6. С. 45-46.

ՀԱՆՑԱԳՈՐԾՈՒԹՅԱՆ ՀԵՏԵՎԱՆՔՈՎ ՊԱՏՃԱՌՎԱԾ ՎՆԱՍԻ ԿԱՄԱՎՈՐ
ՀԱՏՈՒՑՄԱՆ ՈՐՈՇ ՀԻՄՆԱՀԱՐՑԵՐ

ՄԱՍՎԵԼ ՅՈՒԶԲԱՇՅԱՆ, Հայ-Ռուսական համալսարանի իրավունքի և քաղաքականության ինստիտուտի քրեական իրավունքի և քրեական դատավարության իրավունքի ամբիոնի դասախոս, իրավ. գիտ. թեկնածու

Գիտական հոդվածի շրջանակներում քննարկվում են «հանցագործության հետևանքով պատճառված վնասի կամովին հատուցման» ինստիտուտի քրեական պատասխանատվությունից ազատելու որոշ հիմնահարցեր: Հեղինակի կողմից ներկայացված հիմնախնդիրը կայանում է նրանում, որ պատժողական խիստ քաղաքականությունն նվազեցնում է մեղադրյալների կողմից վնասի փոխհատուցման դեպքերը: Հեղինակն առաջարկում է նոր քրեական օրենսգրքի համապատասխան դրույթների այնպիսի մեկնաբանություն, ինչը թույլ կտա հաշվի առնել թե տուժողի շահերը, թե կիրառման ենթակա ինստիտուտի կարևորությունը:

Բանալի բառեր. պատճառված վնասի կամովին հատուցում, հաշտության ինստիտուտ, մասնավոր մեղադրանք:

Ժամանակակից աշխարհում հանցագործության հետևանքով պատճառված վնասի կամավոր հատուցման հիմնախնդիրը հատկապես ակտուալ է, քանի որ այն նպաստում է հանցագործության կատարման արդյունքում առաջացած քրեաիրավական կոնֆլիկտի լուծմանն արտադատական կարգով, ստեղծում է դատավարական խնայողության հնարավորություններ, թույլ է տալիս հաշվի առնել տուժողի շահերն ու

ապահովել քրեական դատավարության խնդիրներից մեկը՝ պաշտպանել տուժողի իրավունքներն ու շահերը:

Հայաստանի Հանրապետությունում քրեաիրավական և քրեադատավարական իրավունքը զարգացել է պատժողական խիստ քաղաքականության սկզբունքի հիման վրա, մինչդեռ որոշ ինստիտուտներ, օրինակ՝ հանցագործությամբ պատճառված վնասի փոխհատուցումը, օժտված են իրավահարաբերությունները վերականգնելու հատկանիշով, քանի որ խթանում են իրավական վերճի կամավոր հանգուցալուծումը, խրախուսելու հատկանիշով, հաշվի առնելով, որ այն պատասխանատվությունն ու պատիժը մեղմացնող հանգամանք է, իսկ որոշ դեպքերում, այլ կոմպոնենտների զուգակցմամբ՝ որպես քրեական պատասխանատվությունից ազատելու պայման է հանդիսանում:

Թեև հանցագործության հետևանքով պատճառված վնասի կամավոր հատուցումը միտված է տուժողների իրական կարիքների բավարարմանը, սակայն ՀՀ քրեական դատավարության պատժիչ ուղղվածությունը նվազնում է դրա կիրառելիությունը և չի ապահովում իրավական վեճի կամավոր լուծմանն ամբողջ ծավալով:

Հանցագործությամբ պատճառված վնասի կամովին հատուցման՝ որպես մեղմացնող հանգամանքի էությունը կայանում է նրանում, որ հանցավորը ձգտում է իր կողմից վնասված հասարակական հարաբերությունները նախկին վիճակին բերելուն: Գույքային վնասի հատուցում կարող է համարվել նյութական վնասի լիովին հատուցումը՝ հանցագործության առարկան կամ դրա արժեքը վերադարձնելը կամ դրան համարժեք այլ առարկա տալը և այլն, իսկ բարոյական վնասի հատուցումն իրացվում է տուժողից ներողություն խնդրելու միջոցով [1]:

Նշվածից զատ, ՀՀ քրեական օրենսդրության մեջ ամրագրված կամովին հատուցման տարբեր ձևեր քրեական գործի վարույթը կարճելու և քրեական հետապնդումը դադարեցնելու հիմք են հանդիսանում, մասնավորապես՝ գործուն գղջալու և տուժողի հետ հաշտության դեպքերը: Համաձայն գործուն գղջալը կանոնակարգող նորմի՝ ՀՀ քրեական օրենսգրքի 72-րդ հոդվածի՝ առաջին անգամ ոչ մեծ ծանրության կամ միջին ծանրության հանցանք կատարած անձը կարող է ազատվել քրեական պատասխանատվությունից, եթե նա հանցանք կատարելուց հետո կամովին ներկայացել է մեղայականով, աջակցել է հանցագործությունը բացահայտելուն, հատուցել կամ այլ կերպ հարթել է հանցագործությամբ պատճառված վնասը: ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածի համաձայն՝ ոչ մեծ ծանրության հանցանք կատարած անձը կարող է ազատվել քրեական պատասխանատվությունից, եթե նա հաշտվել է տուժողի հետ և հատուցել կամ այլ կերպ հարթել է նրան պատճառած վնասը: Վերոնշյալ՝ քրեական պատասխանատվությունից ազատող ինստիտուտների ընդհանրությունը, բացի կոնկրետ հանցագործությունների տեսակների դեպքում դրանց կիրառման հնարավորությունից, կայանում է նրանում, որ դրանց իրացումը կախված է իրավակիրառողի հայեցողությունից: Ընդ որում, այդ հայեցողությունը չափազանց լայն է, քանի որ վարույթն իրականացնող մարմինների տնօրինչական լիազորությունը իրագործվում է «անձ և պետություն» քրեաիրավական վեճի հաղթահարման նպատակով, երբ բացակայում են հակադիր մասնավոր շահերը:

ՀՀ վճռաբեկ դատարանը փորձել է ուղենշել նյութաիրավական բնույթ ունեցող քրեական պատասխանատվությունից ազատելու հիմքերից մեկի՝ տուժողի հետ հաշտվելու /ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ

հողված/ կիրառման առանձնահատկությունները, արձանագրելով, որ այն կիրառվում է միայն հանրային հետապնդման գործերով[2]:

Վերոգրյալից կարելի է եզրահանգել, որ հանցագործության արդյունքում պատճառված վնասի կամովին հատուցման փաստի կիրառումը, որպես քրեական պատասխանատվությունից ազատելու գործոն, ուղղակիորեն կախված է պետության՝ ի դեմս վարույթն իրականացնող մարմինների, բավականին լայն հայեցողությունից, ինչը լրացուցիչ խոչընդոտ է հանդիսանում իրավական վեճի հաղթահարմանն ուղղված մեղադրյալի դրական վարքագիծը խթանելուն:

Հատկանշական է, որ գործող ՀՀ քրեական օրենսգրքի 72-րդ հոդվածում ամրագրված «առաջին անգամ» բառակապակցության իրավամեկնաբանման արդյունքում իրավակիրառ պրակտիկայում ձևավորվել է երկու իրարամերժ մոտեցումներ: Առաջին տեսակետի կողմնակիցների կարծիքով՝ քրեական պատասխանատվությունից ազատելու ինստիտուտը՝ գործուն գոջալը, չի կարող կիրառվել նախկինում նույն ինստիտուտի կիրառմամբ քրեական պատասխանատվությունից ազատված անձի նկատմամբ, հաշվի առնելով, որ անձն այլևս չի կարող համարվել առաջին անգամ հանցանք կատարած: Հակառակ մոտեցման կողմնակիցները, նկատի ունենալով, որ առանց օրենքով սահմանված կարգով օրինական ուժի մեջ մտած դատավճռի անձը չի կարող համարվել հանցանք կատարած, գտնում են, որ հետևաբար չի կարող սպառված համարվել քրեական պատասխանատվությունից ազատելու ինստիտուտի կիրառման իրավական ակնկալիքը: Ավելին, ՀՀ վճռաբեկ դատարանը իրավական դիրքորոշում է ձևավորել այն մասին, որ եթե պատիժը կրելուց հետո անձը դրսևորել է անբասիր վարքագիծ, և նրա դատվածությունը մարվել է

կամ դատարանի համապատասխան որոշմամբ հանվել է, ապա նա քրեական օրենքի տեսանկյունից համարվում է նախկինում հանցագործություն չկատարած [3]: Այլ կերպ, եթե պատժի ենթարկված և դատվածությունը մարված անձը, որպես նախկինում հանցանք չկատարած, իրավունք ունի հետագայում կատարված հանցանքի համար գործուն գղջալու հիմքով ազատվել քրեական պատասխանատվությունից, ապա անվիճելի է, որ պատժի չենթարկված անձը ևս պետք է նման ակնկալիք ունենա:

Գտնում ենք, որ վարույթն իրականացնող մարմիններին քրեական պատասխանատվությունից ազատելու համապատասխան ինստիտուտների իրացման հայեցողությունն արդեն իսկ անհրաժեշտ ողջախոհության և հնարավոր ռիսկերի չեզոքացման նախադրյալներ է ստեղծել, ուստի և, իրավամեկնաբանության արդյունքում հավելյալ սահմանափակումների նախատեսումը միտված է արգելափակելու պատճառված վնասի կամովին հատուցման տարածումը:

Միևնույն ժամանակ պետք է ընդգծել, որ ՀՀ քրեական նոր օրենսգրքով այլ մոտեցում է որդեգրվել: Մասնավորապես՝ ՀՀ քրեական նոր օրենսգրքի 81-րդ հոդվածի 2-րդ մասի համաձայն՝ նախկինում գործուն գղջալու հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատված անձը չի կարող նույն հիմքով կրկին ազատվել քրեական պատասխանատվությունից:

Այսպիսով, ինչպես արդեն իսկ նշվել է, խիստ պատժողական քաղաքականության արդյունքում կամ հավելյալ պայմանների ներդրմանը զուգահեռ նվազելու են հանցանք կատարած անձանց կողմից պատճառված վնասի կամովին հատուցման դեպքերը, ինչը հանգեցնելու է տուժողների իրական ակնկալիքների ու շահերի անտեսման:

Նկատի ունենալով «հաշտության» արդյունքում քրեական պատասխանատվությունից ազատելու հայեցողական՝ նյութական և իմպերատիվ՝ դատավարական հիմքերի նմանությունը, անհրաժեշտ ենք համարում ուսումնասիրել նաև ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 35-րդ հոդվածի 1-ին մասի 5-րդ կետով սահմանված՝ տուժողի կողմից կասկածյալի կամ մեղադրյալի հաշտվելու ինստիտուտի որոշ հիմնահարցեր: Թեև նշված նորմն ուղղակիորեն չի մատնանշում «պատճառված վնասի հատուցման» եզր, սակայն բնական է, որ հաշտության վերաբերյալ տուժողի կամահայտնությունը հիմնվելու է առաջնահերթ հենց դրա վրա: Այլ կերպ, պատճառված վնասի կամովին հատուցումը հանդիսանում է կասկածյալի /մեղադրյալի/ և տուժողի միջև հաշտության հիմնական բաղադրիչը, որը հիմք է հանդիսանում քրեական հետապնդում չիրականացնելու /դադարեցնելու/ և քրեական գործի վարույթը կարճելու համար:

Այսպես. ՀՀ քրեական օրենսգրքի 33-րդ հոդվածի համաձայն՝ մասնավոր հետապնդման գործեր են համարվում օրենսգրքի 183 հոդվածով նախատեսված հանցագործությունների վերաբերյալ գործերը:

ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 183-րդ հոդվածի 1-ին մասով սահմանված են ՀՀ քրեական օրենսգրքի այն հոդվածները, որոնց դեպքում կարող է կիրառվել քրեական գործի վարույթը կամ քրեական հետապնդումը բացառող վերոնշյալ իմպերատիվ նորմը: Ընդ որում, սահմանված են 26 ոչ մեծ ծանրության և 1 միջին ծանրության հանցակազմեր:

Ի տարբերություն ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածի կիրառման արդեն իսկ նշված որոշակի բարդություններից, դրա քրեադատավարակ անալոզը կիրառվում է առանց լրացուցիչ

պայմանների: Սակայն, քրեական օրենսդրության ոլորտում իրականացված բարեփոխումներն անդրադարձել են նաև նշված հիմքի կիրառմանը, որի խնդիրները կներկայացվեն քրեական և քրեական դատավարության նոր օրենսգրքերի համակարգային վերլուծության արդյունքում:

Առաջնահերթ, ՀՀ քրեական դատավարության նոր օրենսգրքից բացառվել է հաշտությունը, որպես քրեական հետապնդումը բացառող հանգամանք: Փոխարենը, օրենսդիրն ամրագրել է, որ քրեական հետապնդում չպետք է հարուցվի, իսկ հարուցված քրեական հետապնդումը ենթակա է դադարեցման, եթե անձը Հայաստանի Հանրապետության քրեական օրենսգրքի ընդհանուր կամ հատուկ մասի դրույթների ուժով ենթակա է ազատման քրեական պատասխանատվությունից: Այսինքն, նախկին քրեադատավարական իմպերատիվ հիմքն այլևս հիմնվելու է նյութաիրավական ինստիտուտի վրա: Միաժամանակ, ՀՀ քրեական նոր օրենսգրքի 82-րդ հոդվածով նախատեսվում է քրեական պատասխանատվությունից ազատելը տուժողի և հանցանք կատարած անձի հաշտության հիմքով: Հատկանշական և ողջունելի է, որ նոր օրենսգրքն ընդլայնել է քննարկվող հիմքի կիրառման շրջանակը՝ դրանում ներառելով անորոշ թվով ոչ մեծ ու միջին ծանրության հանցագործություններ: Միաժամանակ, սակայն, օրենսդիրը սահմանել է «առաջին անգամ հանցանք կատարելու» պայման: Այսինքն, եթե գործող օրենսգրքով վարույթն իրականացնող մարմինը թեև սահմանափակ՝ թվով 27 հանցակազմերի վերաբերյալ, այնուամենայնիվ պարտավոր էր կիրառել հաշտության հիմքով քրեական հետապնդման բացառումը, ապա նոր օրենսգրքով՝ չնայած որ կոնկրետ տեսակի հանցակազմերի շրջանակն

անսահմանափակ է, սակայն նորմի կիրառումը վարույթն իրականացնող մարմնի մեկնաբանմանն է թողնված:

Երկրորդ խնդիրը կապված է մասնավոր մեղադրանքի գործերի քննության ծանրությունը դատարան տեղափոխելու հետ: Այսինքն, «պատճառված վնասը կամովին հատուցելու և իրավական վեճն արտադատական կարգով լուծելու» խնդիրն այլևս չեզոքացվել է, քանի որ թվով 27 հանցակազմերի արդյունքում պատճառված վնասի դեպքում մասնավոր մեղադրանքով վարույթ կարող է նախաձեռնվել, ինչի նպատակով տուժողը կամ նրա օրինական ներկայացուցիչը քրեական հայց է ներկայացնում դատարան: Դատարանը նախնական դատալսումների ընթացքում քննարկում է տուժողի և մեղադրյալի հաշտության հնարավորության հարցը և եթե կողմերը հաշտվում են, դատարանը կազմում է համաձայնությունը հաստատելու մասին որոշում: Ընդ որում, այս փուլում հաշտության բացակայության դեպքում, հիմնական դատալսումների ընթացքում դատարանը կրկին բացատրում է մինչև դատավճիռ կայացնելու համար առանձին սենյակ հեռանալը հաշտության համաձայնություն կնքելու իրավունքը: Այսինքն, մասնավոր մեղադրանքի դեպքում թեև արտադական կարգով հաշտությունն արդեն անհնար է, սակայն այդ վարույթի ընթացքում, այնուամենայնիվ, ընդգծվել է հաշտության ինստիտուտի կարևորությունը, որի «բեռը» այսուհետ դրվել է դատարանի վրա: Միաժամանակ, համաձայն ՀՀ քրեական դատավարության նոր օրենսգրքի՝ տուժողի և մեղադրյալի հաշտվելու դեպքում դատարանը քրեական հետապնդումը դադարեցնում և քրեական վարույթը կարճում է: Սակայն փաստացի հաշտությունը կարող է բխվել իրավական այնպիսի մեկնաբանության, որի հետևանքով մեղադրյալն, ով նախկինում հանցանք է կատարել, այլևս

հնարավորություն չունենալով օգտվել այդ իրավունքից, դրսևորի ոչ իրավահպատակ վարքագիծ՝ կամովին չփոխհատուցի պատճառված վնասը: Արդյունքում, ստեղծվելու է իրավիճակ, երբ օրենսդրորեն կարևորված հաշտության ինստիտուտը, թեև դրա փաստացի առկայության, դատարանի կողմից իրավական առումով հնարավոր չի լինելու ամրագրել:

Կարծում ենք, տվյալ դեպքում պետք է որդեգրել այն մոտեցումը, համաձայն որի՝ եթե օրենսդիրը ՀՀ քրեական նոր օրենսգրքի 82-րդ հոդվածում չի նախատեսել նախկինում նույն հոդվածով նախատեսված հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատված անձի համար նույն հիմքով կրկին քրեական պատասխանատվությունից ազատվելու արգելք, ինչը կատարել է ՀՀ քրեական նոր օրենսգրքի 81-րդ հոդվածով, ուստի «առաջին անգամ հանցանք կատարած» եզրույթը պետք է կիրառել նույն օրենսգրքի 3-րդ հոդվածի 1-ին մասի 2-րդ կետին համահունչ: Նման մեկնաբանությամբ չի սահմանափակվի հաշտության ինստիտուտի կիրառման հնարավորությունները, ամբողջ ծավալով հաշվի կառնվեն տուժողների իրական ակնկալիքները և, միաժամանակ, կխթանվի մեղադրյալների դրական վարքագիծը՝ «հանցագործության հետևանքով պատճառված վնասի կամովին հատուցման» համատեքստում:

Գրականության ցանկ

1. Հայաստանի Հանրապետության քրեական իրավունք: Ընդհանուր մաս (վեցերորդ հրատարակություն՝ փոփոխություններով և լրացումներով)/Ս.Առաքելյան, Ա.Գաբուզյան, Հ.Խաչիկյան և ուրիշ. – Եր.: ԵՊՀ հրատ., 2012, էջ 429.

2. ՀՀ վճռաբեկ դատարանի՝ Տիգրան Առաքելյանի գործով 30.03.2016 թվականի թիվ ԵԱԲԴ/0217/01/14 որոշման 15.1 կետ:

Յ.ՀՀ վճռաբեկ դատարանի՝ Արտաշ Շաքարյանի գործով 15.08.2014 թվականի թիվ ԵԿԴ/0163/01/13 որոշման 14 կետ:

ՄԱՍՎԵԼ ՅՈՒԶԲԱՇՅԱՆ

Հայ-Ռուսական համալսարանի իրավունքի և քաղաքականության
ինստիտուտի քրեական իրավունքի և քրեական դատավարության
իրավունքի ամբիոնի դասախոս, իրավ. գիտ. թեկնածու

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОБРОВОЛЬНОГО ВОЗМЕЩЕНИЯ ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ ВРЕДА

*Юзбашян Самвел Сейранович, преподаватель кафедры уголовного
права и уголовно-процессуального права института права и политики
Российско-Армянского университета, к.ю.н.*

Аннотация. В рамках научной статьи рассматриваются некоторые вопросы, связанные с освобождением от уголовной ответственности института "добровольного возмещения причиненного преступлением вреда". Рассмотренная автором проблема заключается в том, что строгая карательная политика снижает количество случаев возмещения вреда обвиняемыми. Автор предлагает такую трактовку соответствующих положений нового Уголовного кодекса, которая позволит учесть как интересы потерпевшего, так и важность применяемого института.

Ключевые слова: добровольное возмещение причиненного вреда, институт примирения, частное обвинение.

SOME PROBLEMS OF VOLUNTARY COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY A CRIME

S.S. Yuzbashyan, Lecturer at the department of criminal law and criminal procedural law of the Institute of Law and Politics of the Russian-Armenian university, doctor of philosophy in law

Abstract. The article discusses issues regarding the exemption from criminal liability of the "voluntary compensation for damage caused by a crime". According to the author, a strict punitive policy reduces the number of cases of compensation for damage by the accused. The author proposes an interpretation of the relevant provisions of the new Criminal Code, which also takes into account both the interests of the victim and the importance of the applied institution.

Keywords: voluntary compensation for harm caused, institute of reconciliation, private prosecution.

**ԽՈՒԼԻԳԱՆԱԿԱՆ ԴՐԴՈՒՄՆԵՐՈՎ ԿԱՏԱՐՎԱԾ ՍՊԱՆՈՒԹՅԱՆ ՈՐԱԿՄԱՆ
ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ և ՏԱՐԲԵՐԱԿՈՒՄԸ ԿԵՆՑԱՂԱՅԻՆ ԱՅԼ ՇԱՐԺԱՌԻԹՆԵՐԻՑ**

Մ.Շ. Ծաղիկյան, ի.գ.դ., պրոֆեսոր, Հայ-Ռուսական համալսարանի Իրավունքի և քաղաքականության ինստիտուտի քրեական իրավունքի և քրեական դատավարության իրավունքի ամբիոնի պրոֆեսոր

Տ. Ա. Անդրիասյան, Հայ-Ռուսական համալսարանի քրեական իրավունքի և քրեական դատավարության իրավունքի ամբիոնի մագիստրանտ

Համաշխարհային իրավաբանական գրականության մեջ տարածված է այն կարծիքը, որ մարդու հիմնարար իրավունքներն ու ազատությունները նրան են պատկանում ծնվելու պահից: Այս մոտեցումը բազմաթիվ պետություններում, այդ թվում և Հայաստանում, որպես այդպիսին, հանդիսանում է հղիություն արհեստական ընդհատման օրինականացման իրավական հիմք: Համաձայն նման մոտեցման կյանքի իրավունքը, որպես մարդու հիմնարար բնական իրավունք ծագում է ոչ թե բեղմնավորման, այլ ծննդյան պահից սկսած, ինչը միանգամայն համապատասխանում է ժամանակակից իրավական համակարգերի տառին և ոգուն, որոնք հիմնված են «բնական իրավունքի» տեսության վրա: Միաժամանակ որքան էլ, որ պարադոքսալ է, նման մոտեցումը ոչ ամբողջությամբ է համապատասխանում միջազգային իրավունքի մի շարք նորմերի: Մարդկության զարգացման ողջ ընթացքում մարդկային գործունեության հիմնական ուղղությունն ու նպատակը եղել է մարդու կյանքի անվտանգության ապահովումը: Այդ իսկ պատճառով պետությունն այդ իրավունքը ամրագրել է որպես մարդու բնական և

անօտարելի իրավունք և այս բարձրագույն արժեքի դեմ ոտնձգելու դեպքում նախատեսել խիստ պատասխանատվություն:

Ի տարբերություն քրեաիրավական ոլորտում կյանքի սկզբի վերաբերյալ մոտեցումների, բժշկագիտության մեջ գործում են այլ նորմեր և սկզբունքներ: Այսպես՝ «Բժշկական աբորտների մասին հռչակագիրը» (Օսլո 1986թ.) սահմանում է բեղմնավորման պահից սկսած մարդու կյանքի նկատմամբ բժշկի հարգանքի սկզբունքը, որում ասվում է, որ մարդու կյանքի սկիզբը կապվում է բեղմնավորման փաստի հետ: Այս համատեքստում ավելի է կարևորվում անձի կյանքի դեմ ուղղված հանցագործությունների դեմ պայքարի խնդիրը: Ինչպես ցույց են տալիս վիճակագրական տվյալները, սպանությունը, որպես հասարակական երևույթ, համեմատաբար տարածված բնույթ է կրում և զգալի տեղ է զբաղեցնում անձի կյանքի և առողջության դեմ ուղղված հանցագործությունների համակարգում: Ուստի սպանությունների դեմ պայքարի արդյունավետության բարձրացումը խիստ հրատապ խնդիր է:

Մարդու դեմ ուղղված հանցագործությունները իրենց ամրագրումն են ստացել նաև ՀՀ-ն Քրեական օրենսգրքում իսկ ի տարբերություն ՌԴ-ն, այնտեղ տվյալ գլուղը ներկայացված է, որպես անձի դեմ ուղղված հանցագործություններ: Իրավագիտության մեջ «Մարդ» և «Անձ» հասկացությունները խորապես տարբերվում են միմյանցից: Այդ երկու հասկացությունների վերաբերյալ իր կարծիքն է հայտնել Ս.Վ.Բորոդինը նշելով՝ անձ հասկացությունը իր իմաստով ավելի նեղ է քան մարդ հասկացությունը, քանի որ անձ չեն ծնվում այլ դառնում են իսկ մարդ ծնվում են: Անձ կարող է համարվել այն մարդը, որը ունակ է օգտագործել իր իրավունքները, տիրապետել այն և կատարել պետության կողմից իր վրա դրված պարտականությունները: Այսինքն ասածից հետևում է այն, որ միայն

այն անձինք են գտնվում իրավական պաշտպանության ներքո ովքեր կարող են տիրապետել, տնօրինել իրենց իրավունքները կամ կատարել պետության կողմից սահմանված պարտականությունները, բայց այս պարագայում իրավական պաշտպանությունից զերծ են մնում մանկահասակները, տարեցները և անօգնական վիճակում գտնվող այլ անձինք: Տվյալ խնդրից զերծ մնալու համար այդ երկու հասկացությունները պետք է օրենքի տեսանկյունից հավասար ընդունել [1]:

Ուստի սպանությունների դեմ պայքարի արդյունավետության բարձրացումը խիստ հրատապ խնդիր է: Քննարկվող հանցագործությունների դեմ պայքարի արդյունավետությունը կախված է ոչ միայն սոցիալական, տնտեսական, մշակութային, գաղափարախոսական և այլ միջոցառումների, այլև այս հանցագործությունների համար պատասխանատվություն նախատեսող քրեաիրավական նորմերի ու դրանց կիրառման պրակտիկայի կատարելագործումից:

Սպանությունը, որպես հասարակական վտանգավորության բարձր աստիճան ունեցող հանցագործություն նախատեսված է ՀՀ-ն քրեական օրենսգրքում և առավել ծանր պատիժ է սահմանվել այն սպանությունների համար որոնք կատարվել են խուլիգանական դրդումներով:

Խուլիգանական դրդումներով կատարված սպանությունը օրենսդիրը դասում է ծանրացնող հանգամանքներում կատարված սպանությունների շարքը, նկատի ունենալով, որ «խուլիգանական դրդումներով սպանության ժամանակ հանցավորի գործողությունները իրենց մեջ պարունակում են հասարակական կարգի կոպիտ խախտման, հասարակության նկատմամբ բացահայտ անհարգալից վերաբերմունքի այնպիսի դրսևորումներ, ինչպիսիք են հասարակության և բարոյականության համընդհանուր

ճանաչում ստացած նորմերին նետված բացահայտ մարտահրավերը, հասարակությանը իրեն հակադրելու և հակազդելու ցանկությունը, իր անձի «առավելությունները» ընդգծելու մոլուցքը, ինքնահաստատման պահանջը, եսամոլությունը, սանձարձակությունը, կատաղի, անպարկեշտ վարքագիծը, ցինիզմը, դաժանությունը, հանդգնությունը և այլն»:[2]

Խուլիգանական դրդումների հասկացությունը սահմանելու համար հաճախ դիմում են խուլիգանության համար պատասխանատվություն սահմանող հոդվածի դիոսպոզիցիայի պարզաբանմանը: Սակայն վերջինս միայն ընդհանուր գծրով է բացահայտում խուլիգանության բովանդակությունը՝ սահմանելով այն որպես դիտավորությամբ հասարակական կարգը կոպիտ կերպով խախտելը, որն արտայատվել է հասարակության նկատմամբ բացահայտ անհարգալից վերաբերմունքով: Նկարագրելով խուլիգանության օբյեկտիվ կողմը՝ նշված հոդվածը որևէ նշում չի պարունակում հանցագործության շարժառիթների վերաբերյալ: Խուլիգանական դրդումների հիմքում ընկած է մարդու եսամոլությունը, որը սերված է հասարակությանը չհարգելուց, դրա շահերը անտեսելուց, օրենքների և բարոյական նորմերի պահանջներն արհամարհելուց: Խուլիգանական դրդումներով սպանություն կատարողը ,մեկ ուրիշի կյանքի դեմ ոտնձգություն է կատարում՝ ոչ այնքան տուժողի հետ որոշակի անձնական փոխհարաբերություններից ելնելով, որքան հասարակական կարգը կոպիտ կերպով խախտելու, հասարակության նկատմամբ բացահայտ անհարգալից վերաբերմունք դրսևորելու ձգտումով: մարդկանց միջև փոխհարաբերությունների հանրորեն ընդունված նորմերի դեմ: Դատական պրակտիկային հայտնի են բազմաթիվ դեպքեր, երբ սպանությունը կատարվել է շեղ հայացք նետելու, բարևի պատասխանը իմիջիայլոց տալու, ոտքը տրորելու և այլ

պատճառով: Խուլիզանական դրդումներով կատարվող սպանությունների զգալի մասին բնորոշ նման առիթները, իրենց աննշան լինելու հետևանքով, հաճախ տպավորություն են ստեղծում, թե հանցագործն ավելի շուտ գործել է առիթի պատրվակով/անշարժառիթ, առանց պատճառի/, քան դրա մղումով: Սակայն այն հանգամանքը, որ սպանության խուլիզանական շարժառիթները հաճախ կարող են անհիմաստ, աննպատակ լինել, չի նշանակում, թե գոյություն ունենն անշարժառիթ կամ, ասենք, <<խուլիզանական անհիմաստ շարժառիթով>> հանցագործություններ: Նման շարժառիթները և դրանց արդյունքում տեղի ունեցած սպանությունները միայն առաջին հայացքից են թվում աննպատակ և անհիմաստ: Դրանք, պայմանավորելով հանցավորի նպատակամետ գործողությունները, իմաստավորում, նպատակային են դարձնում այն հենց իր՝ հանցագործի համար: Սա էլ հիմք է տալիս նման շարժառիթները խուլիզանական դրդումներ համարելու համար:

Խուլիզանական շարժառիթների բացահայտումը առավել դժվար է ոչ միայն այն պատճառով, որ գոյություն չունի խուլիզանական շարժառիթների ճանաչում ստացած սահմանում ,որ այդ շարժառիթները հաճախ աչքի են ընկնում թվացյալ անորոշությամբ ,այլև նրանով, որ տվյալ հանցակազմի ծանրացնող հանգամանքը վերաբերվում է սուբյեկտիվ կողմին և հանցագործները համարյա միշտ անորոշ պատասխաններ տալով ,քողարկում կամ թաքցնում են սպանության իրական շարժառիթները: Երբեմն խուլիզանական դրդումների առկայության մասին հետևությունը արվում է սպանության կատարման վայրից ելնելով /հասրակական վայր/: Սակայն նման մոտեցումը ընդունելի չէ, քանի որ մարդուն կյանքից զրկելը վրեժի, խանդի կամ այլ շարժառիթներով չի կարող որակվել որպես խուլիզանական դրդումներով

կատարված՝ անկախ սպանության կատարման վայրից: Պետք է ուշադրություն դարձնել այն հանգամանքին, որ ՀՀ քր.օր.-ի 104 հոդվածի 2-րդ մասի 10-րդ կետով նախատեսված է խուլիգանական դրդումներով կատարված, այլ ոչ թե խուլիգանության հետ զուգորդված սպանությունը: Դա նշանակում է, որ խուլիգանությամբ զուգորդված լինելու հանգամանքը ինքնին չի կարող հիմք հանդիսանալ խուլիգանական շարժառիթի առկայության հավաստման համար: Իր հերթին խուլիգանական դրդումներով սպանությունը չի նշանակում, որ այն անպայման պետք է զուգորդվի խուլիգանությամբ: Դրա հետ մեկտեղ հնարավոր են դեպքեր, երբ խուլիգանական դրդումներով սպանությունը զուգորդվի խուլիգանության հետ, և արարքը որակվի հանցագործությունների համակցությամբ:

Այսինքն այս երկու հանցագործությունները իրարից սահմանազատելու համար առաջնայինը պետք է պարզել հանցագործության պատճառը, առիթը, նպատակը: Եթե հանցավորը դրսևորում է հակասոցիալական վարքագիծ և դրա ընթացքում կատարում ‘<<անպատճառ>>, իր անձի առավելությունները ընդգծելով կամ չնչին առիթը օգտագործելով սպանություն արարքը ենթակա է որակման, որպես խուլիգանական դրդումներով կատարված սպանության:

Սակայն ինքնին արարքը խուլիգանական դրդումներով որակելու համար բավարար չէ միայն աննշան կամ չնչին առիթը, հնարավոր են լինել դեպքեր, երբ չնչին առիթը օգտագործելով կատարված սպանությունը որակվի որպես հասարակ սպանություն:[3]

Երբ խուլիգանական դրդումներով սպանության ժամանակ նշվում է շարժառիթի բացմակիության, նրանց մրցակցային բնույթի և մրցակցության մասին, ապա այստեղ խուլիգանական շարժառիթներից

բացի առավելապես նկատի է ունեցվում այնպիսի շարժառիթների առկայությունը, ինչպիսիք են առաջին հերթին խանդը և վրեժը, որոնք որպես այդպիսիք արարքը ծանրացնող հանգամանքներ չեն: Խուլիգանական դրդումներով սպանություն կատարելիս հանցավորը գործում է ոչ այնքան տուժողի հետ ունեցած անձնական փոխհարաբերություններից ելնելով, որքան հասարակական կարգը կոպիտ կերպով խախտելու և հասարակության նկատմամբ բացահայտ անհարգալից վերաբերմունք դրսևորելու ձգտումից:

Սպանության այս տեսակին բնորոշ են ոչ թե անձնական, այլ խուլիգանական շարժառիթները, այսինքն՝ դրդումներ, մղումներ, որոնք ցույց են տալիս բացահայտ անհարգալից վերաբերմունք համակեցության կանոնների և բարոյականության տարրական նորմերի նկատմամբ:

Փաստորեն խուլիգանական դրդումներով սպանությանը հատուկ է բազմաթիվ, այդ թվում նաև մրցակցային շարժառիթների առկայությունը, որի պայմաններում կարևոր է այն հիմնական, առաջատար, գլխավոր շարժառիթը, որով ղեկավարվել է հանցավորը սպանություն կատարելիս:

Խուլիգանական դրդումներով կատարվող սպանություններում որոշակի դեր ունի նաև վրեժի զգացումը, որը կարող է առաջանալ ինչպես տուժողի օրինական, այնպես էլ անօրինական գործողությունների հետևանքով: Վրեժ լուծելով՝ հանցավորը ցանկանում է բավարարում ստանալ տուժողի գործողությունների արդյունքում ձևավորված վիրավորանքի դիմաց: Այն դեպքերում, երբ սպանությունը տեղի է ունենում որպես աննշան առիթին տրված պատասխան գործողություն, դրանով արտահայտվում է և՛ հանցավորի անհարգալից, արհամարհական վերաբերմունքը հասարակության, և՛ վրեժի զգացումը տուժողի նկատմամբ: Այստեղ նույնպես անհրաժեշտ է հարցը լուծել առաջատար,

գլխավոր, գերակայող շարժառիթը բացահայտելու միջոցով: Եթե հանցավորի գործողությունները պարունակում են հասարակական կարգի կոպիտ խախտման, հասարակության նկատմամբ բացահայտ անհարգալից վերաբերմունքի այնպիսի դրսևորումներ, ինչպիսիք են հասարակության և բարոյականության համընդհանուր ճանաչում ստացած նորմերին նետված բացահայտ մարտահրավերը, իրեն շրջապատին և հասարակությանը հակադրելու և հակազդելու ցանկությունը, իր անձի «առավելությունները» ընդգծելու մոլուցքը, «ինքնահաստատման» պահանջը, եսամալությունը, սանձարձակությունը, կատաղի, անպարկեշտ վարքագիծը, ցինիզմը, դաժանությունը, աննշան վիրավորանքի, չնչին առիթով ճիշտ արված դիտողության համար վրեժ լուծելը և այլն, ապա նրա արարքը պետք է որակվի ՀՀ քրեական օրենսգրքի 104-րդ հոդվածի 2-րդ մասի 10-րդ կետով՝ որպես խուլիգանական դրդումներով կատարված սպանություն: Այդպիսիք իրարից տարբերելու համար հարկավոր է նկատի ունենալ, որ խուլիգանական շարժառիթները հասարակական կարգը խախտող և հասարակության նկատմամբ բացահայտ անհարգալից վերաբերմունքի և արհամարանքի հիմքի վրա ծագող դրսևորումներ են, իսկ վրեժը պատճառված վնասի, բարոյական կամ ֆիզիկական վիրավորանքի դիմաց իբրև հատուցում կատարվող գիտակցական գործողություն է, որոնք կարող են առաջանալ մարդկային տարբեր փոխհարաբերությունների արդյունքում:

Խուլիգանական դրդումներով սպանությունն անհրաժեշտ է տարբերել նաև վեճի կամ կռվի ժամանակ կատարվող սպանություններից: Դրա համար անհրաժեշտ է պարզել, թե ինչն է վեճի ու կռվի առիթ և պատճառ հանդիսացել, ով է եղել դրանց հրահրողը, ինչ է իրենից

ներկայացնում հանցավորի և տուժողի անձը, ինչպիսին են եղել նրանց փոխհարաբերությունները, գործողությունների բնույթը, ով է նրանցից ակտիվ կողմը, որոնք են վեճի ու կռվի ընթացքում կատարված սպանության շարժառիթները:

Խուլիգանական դրդումներվ կատարված սպանությունը երբեմն ահնրաժեշտ է լինում տարբերակել շահադիտական դրդումներով կատարված սպանությունից, քանի որ սպանությունից հետո տուժողի գույքի տնօրինումը կարող է կատարվել ինչպես շահադիտական դրդումներով, այնպես էլ առանց դրա: Այն դեպքում երբ անձը ղեկավարվել է ոչ թե շահադիտական նպատակով, այլ խուլիգանական դրդումներով, հանցավորի արարքը ենթակա է որակման որպես ՀՀ քրեական օրենսգրքի 2-րդ մասի 10-րդ կետով:

Պրակտիկայում որակման հետ կապված նաև որոշակի հարցեր են առաջանում, երբ սպանությունը կատարվում է տուժողի կողմից հասարակական պարտքի կատարման ժամանակ:

Այն դեպքում, երբ տուժողի գործողությունները ուղղված են հանցավորի կողմից խուլիգանական գործողությունների կանխմանը ակտիվ միջամտությամբ, ապա այս դեպքում արարքը ենթակա է որակման քրեական օրենսգրքի 104 հոդվածի 2-րդ մասի 2-րդ կետով, իսկ այն պարագայում երբ տուժողը չի ցուցաբերել ակտիվ միջամտություն և իր միջամտությամբ չի փորձել կանխել խուլիգանական գործողությունները, այլ կատարել է օրինակ դիտողություն, այս պարագայում արարքը ենթակա է որակման քրեական օրենսգրքի 104 հոդվածի 2-րդ մասի 10-րդ կետով՝ որպես խուլիգանական դրդումներով կատարված սպանություն:

կարող է դրսևորվել ինչպես ուղղակի, այնպես էլ՝ անուղղակի դիտավորությամբ: Խոսելով խուլիգանական դրդումներով սպանության սուբյեկտիվ կողմի մասին, պետք է համաձայնվել Ա. Թամազյանի հետ այն հարցում, որ «խուլիգանական դրդումները և կենցաղային շարժառիթները/վրեժ, խանդ, նախանձ, անձնական անբարյացակամ հարաբերություններ/ արարքի որակման ժամանակ բացառում են միմյանց»: Դա նշանակում է, որ մրցակցող շարժառիթների դեպքում անհրաժեշտ է պարզել այն հիմնական, առաջատար, ղեկավար, գլխավոր շարժառիթը, որով ղեկավարվել է հանցավորը սպանությունը կատարելիս: Եթե անձի կյանքի նկատմամբ ոտնձգությունը ուղեկցվել է հասարակական կարգը խախտող գործողություններով, սակայն հանցավոր գործողությունների հիմքում ընկած է եղել, օրինակ, վրեժը, ապա քննարկվող ծանրացնող հանգամանքը բացակայում է:[4]

Հատկապես պետք է նկատի ունենալ այն որ պրակտիկայում հիմնականում որակման հետ կապված խնդիրներ են առաջանում այն պատճառով, որ տվյալ հանցագործության օբյեկտիվ կողմը շփոթվում է սուբյեկտիվ կողմի հետ:

Հանցագործության օբյեկտիվ կողմի հատկանիշ է հավարվում խուլիգանության նորմի դիսպոզիցիայում արտահայտված գործողությունները՝ հասարակական կարգի կոպիտ խախտում, հասարակության նկատմամբ բացահայտ անհարգալից վերաբերմունքը, իսկ սուբյեկտիվ կողմը դրսևորվում է հանցավորի կողմից իր անձի առավելությունները, անպատժելիությունը ընդգծելու մոլուցքով, եսամոլությամբ և այլ դրսևորումներով: Նմանատիպ հանցագործություններին ճիշտ որակում տալու համար առաջնային և

կարևոր պայմանը՝ դա սպանության հիմնական շարժառիթի և սուբյեկտիվ կողմի լիարժեք բացահայտումն է:

Քանի որ իրավագիտության մեջ հստակ ձևով սահմանված չէ «խուլիգանական դրդումներ» տերմինի հասկացությունը, որը պրակտիկայում հաճախ հիմք է հանդիսանում արարքներին սխալ քրեաիրավական գնահատական տալու համար, ինչպես նաև տվյալ որակյալ հատկանիշի անվանումը գործնականում հաճախ իրավակիրառ մարմիններին մոլորության մեջ է դնում, այդ իսկ պատճառով առաջարկվում է տվյալ որակյալ հատկանիշի անվանումը սահմանել հետևյալ ձևով՝ «Խուլիգանական շարժառիթներով, իր անձի առավելությունները ընդգծելու մոլուցքով, էսամոլությամբ կամ չնչին առիթը օգտագործելով»:

Օգտագործված գրականության ցանկ

1. Бородин С.В., Преступления против жизни, М., 2003
2. Հայաստանի Հանրապետության քրեական իրավունք: Հատուկ մաս /չորրորդ հրատարակություն՝ փոփոխություններով և լրացումներով/: Խմբ.՝ Գ. Ս. Ղազինյանի, Երևանի պետական համալսարան, Ե., 2009 էջ 86
3. ՌԴ Բարձրագույն Պլենումի որոշում Մ., 1999
4. Ա.Թամազյան, Ծանրացնող հանգամանքներում կատարված սպանություններ: Ե., 2003 էջ 139

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО ИЗ ХУЛИГАНСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ И РАЗЛИЧЕНИЕ ДРУГИХ БЫТОВЫХ МОТИВОВ

С.Ш. Цагикян, д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Института права и политики Российско-Армянского университета

Т.Андрисян, магистрант кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Института права и политики Российско-Армянского университета по направлению «Юриспруденция» (ООП «Уголовное право и уголовно-процессуальное право»)

Аннотация. На основе проведенного сопоставительного анализа автор исследует вопросы регулирования состав преступления совершенного из хулиганских побуждений и Различение других отличие от других бытовых мотивов, автор выдвигает предложения, которые могут иметь важное значение для дальнейших реформ Уголовного кодекса Республики Армения по части указанных составов преступления.

Ключевые слова: хулиганство, хулиганское пробуждение, мотивация.

PROBLEMS OF QUALIFYING A MURDER COMMITTED OUT OF HOOLIGAN MOTIVES AND DISTINGUISHING OTHER HOUSEHOLD MOTIVATION.

S.S. Tsagikyan, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law of the Institute of Law and Politics of the Russian-Armenian University

T.Andriasyan, Master's student of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law of the Institute of Law and Politics of the Russian-Armenian University in the direction of "Jurisprudence" (OOP "Criminal Law and Criminal Procedure Law")

Abstract. On the basis of the comparative analysis, the author examines the issues of regulation of the offense committed out of hooligan motives and the distinction between other household motives, the author puts forward proposals

that may be important for further reforms of the Criminal Code of the Republic of Armenia in terms of these offenses.

Keywords: hooliganism, hooligan awakening, motivation.

Трибуна молодых ученых

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И АРМЕНИИ

Борзаев Асхаб Мумадыевич, аспирант кафедры уголовного права и криминологии, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», г. Грозный

Аннотация. В данной статье рассматривается институт множественности преступлений в Республике Армения. Большое внимание уделяется выделению и регламентации законодательством Армении форм множественности, на основании чего проводится сравнительно-правовой анализ данного института по УК России и УК Армении. Автор делает вывод, что нормы УК Армении в части института множественности, в целом, достаточно близки с нормами аналогичного института в российском уголовном законодательстве. Большой интерес у автора вызвало выделение в качестве самостоятельной формы множественности в УК Армении – повторности.

Ключевые слова: институт множественности, формы множественности, повторность, рецидив, совокупность.

Институт множественности преступлений на протяжении многих лет привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных ученых и становится объектом их исследования. Подтверждением этого является существование в теории уголовного права различных позиций относительно самого понятия института множественности, его признаков, форм (видов) [4, 6]. Не секрет, что в настоящее время существует объективная необходимость в пересмотре данного института в части правил назначения наказания по совокупности преступлений и приговоров, при наличии рецидива, а также целесообразности наличия административной преюдиции [8] и включения

института повторности вновь в уголовное законодательство [3, 5]. Данная необходимость в первую очередь обусловлена теми изменениями, которые вносятся в российское уголовное законодательство.

Полагаем, что детально разобраться в вопросах, затрагивающих анализируемый нами институт, невозможно без обращения к опыту зарубежных стран, в частности Армении. В первую очередь такое обращение обусловлено следующими факторами:

1) Армения, как известно, ранее входила в состав СССР, поэтому вызывает интерес изучение развития уголовного законодательства в части регламентации института множественности в таких государствах после распада СССР;

2) поскольку наряду с Россией Армения является участницей Евразийского Экономического Союза (далее – ЕАЭС), то в целях наиболее эффективного функционирования Союза необходима унификация, а также гармонизация всего законодательства, в том числе уголовного, так как зачастую отсутствие единого подхода к пониманию сущности какого-либо института права, а также вопросов наказуемости общественно-опасных деяний приводит к противоречивой правоприменительной практике и вызывает некоторые трудности.

Изучение множественности преступлений в УК Армении необходимо начать с определения места расположения данного института. Анализ УК Армении показывает, что обособленного раздела, посвященного множественности, также, как и в УК РФ, нет. Формы множественности определены в разделе II «Преступление» Общей части УК Армении и к ним отнесены: совокупность преступлений; повторность преступлений; рецидив [2].

Ст. 20 УК Армении регламентирует совокупность преступлений, предусматривая две ее формы. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 20 УК Армении «совокупностью преступлений признаётся совершение двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями или различными

частями одной и той же статьи Кодекса, ни за одно из которых оно не было осуждено» [2]. В п. 2 ч. 1 ст. 20 УК Армении содержится положение, согласно которому повторностью признается «и такое одно действие (бездействие), которое содержит признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями Кодекса» [2]. Как можно заметить, в данных нормах фактически речь идет о реальной и идеальной совокупности. Ч. 2 ст. 20 УК Армении определяет и условия наступления уголовной ответственности при совокупности преступлений, а именно – лицо должно нести ответственность за каждое преступление по соответствующей статье или части статьи УК Армении. Обращает на себя внимание и тот факт, что в отличие от ст. 17 УК РФ, описывающей правила привлечения к ответственности лица при наличии конкуренции общей и специальной норм, в ст. 20 УК Армении такие правила не описаны.

Согласно ч. 1 ст. 21 УК Армении под повторностью понимается «совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной и той же статьей или частью статьи Особенной части закона» [2]. В ч. 2 рассматриваемой статьи законодатель, делая оговорку, указывает, что повторность будет отсутствовать в случае совершения лицом продолжаемого преступления (совершение преступления, состоящего из двух или более деяний, объединённых одним преступным намерением). Если же лицо совершило два или более преступления, которые предусмотрены различными статьями уголовного закона, то повторность будет налицо только в том случае, если это специально предусмотрено нормами Особенной части УК Армении. Ч. 4 ст. 21 УК Армении содержит положение, в соответствии с которым «повторность отсутствует, если за ранее совершенное преступление лицо было освобождено от уголовной ответственности либо судимость была погашена или снята» [2]. Как ранее было отмечено нами в одной из опубликованных работ, «при регламентации повторности в УК Армении в значительной степени воспроизводится выведенный в 2003 году из УК РФ институт неоднократности, за тем лишь исключением, что в ч. 3 ст. 16 УК РФ

были определены правила квалификации при неоднократности преступлений, чего нет в ст. 21 УК Армении» [7].

Анализ уголовного законодательства Армении показывает, что повторность находит своё закрепление и в нормах Особенной части УК Армении в качестве квалифицирующих признаков отдельных преступлений против собственности (п. 5 ч. 2 ст. 175; п. 3 ч. 3 ст. 176; п. 4 ч. 2 ст. 177) и против государственной службы (п. 4 ч. 3 ст. 311; п. 1 ч. 2 ст. 313). Интересным представляется то обстоятельство, что законодатель в качестве самостоятельного квалифицирующего признака отдельных статей, например, кражи (ст. 177 УК Армении), учитывает ее совершение:

- 1) повторно;
- 2) лицом, ранее совершившим любое из преступлений, указанных в ст. 175-182, 234, 238, 269 УК Армении;
- 3) лицом, имеющим две или более судимости за преступление, предусмотренные ст. 175-182, 222, 234, 238, 269 УК Армении [2].

В ст. 22 УК Армении содержится понятие рецидива преступлений, которое сходно понятию, содержащемуся в ч. 1 ст. 18 УК РФ. Его обязательными признаками являются: 1) совершение умышленного преступления; 2) наличие судимости за ранее совершенное умышленное преступление.

Аналогично УК РФ, в УК Армении рецидив подразделяется на следующие виды: простой, опасный и особо опасный. По сравнению с действующей редакцией УК РФ, обращают на себя внимание то, что в отличие от России, в УК Армении содержатся следующие положения:

- 1) опасным рецидивом признаётся совершение умышленного преступления любой категории, если лицо имеет не менее двух осуждений к лишению свободы за умышленное преступление любой категории. Как мы видим, в этом вопросе законодательство Армении проявляет наибольшую строгость, так как в УК РФ для признания рецидива опасным необходимо совершить новое тяжкое преступление, а также обязательно наличие

осуждения к лишению свободы не менее двух раз за ранее совершенные преступления средней тяжести (п. «а» ч. 2 ст. 18 УК РФ);

2) при признании рецидива в соответствии с ч. 4 ст. 22 УК Армении не учитываются только два обстоятельства, а именно – судимости снятые или погашенные в установленном законе порядке, а также судимости, которые получены лицом до достижения 18-летнего возраста, в то время как в России, наряду с перечисленным, не учитываются также судимости за умышленные преступления небольшой тяжести, а также судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялись и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы (ч. 4 ст. 18 УК РФ) [1]. Стоит заметить, что в ст. 22 УК Армении, в отличие от ст. 18 УК РФ, не содержится положения о том, что рецидив влечёт более строгое наказание.

Таким образом, подводя итог анализу УК Армении в части регламентации института множественности, можно сделать следующие выводы:

1) УК РФ и УК Армении «множественность» преступлений не выделяют в самостоятельный раздел, главу, а помещают формы множественности в раздел «Преступление»;

2) отличной от российского уголовного законодательства является выделение Арменией такой формы множественности, как повторность преступлений. Исходя из этого, можно сделать достаточно неоднозначный вывод. С одной стороны, как мы видим, институт повторности по сей день является актуальным и предусмотрен в качестве самостоятельной формы множественности, с другой стороны, его сохранение, возможно, обусловлено опытом предшествующего законодательства;

3) УК Армении сохранило то понимание совокупности преступлений, которое существовало в первоначальной редакции ст. 17 УК РФ. Аналогично можно утверждать и в отношении понимания опасного рецидива, а также

случаев непризнания в деянии лица рецидива;

4) интересным с точки зрения заимствования является опыт законодателя Армении в части упоминания на законодательном уровне продолжаемого преступления и раскрытия его содержания.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63 (по состоянию на 30.12.2021)

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ Дата обращения: 07.01.2022

2. Уголовный кодекс Республики Армения (по состоянию на 16.12.2021)

<http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show#2a> Дата обращения: 07.01.2022

3. Гарбатович Д.А. Назначение наказания по совокупности преступлений: ошибки в применении уголовного закона // Администратор суда. 2020. № 1. С. 13-15.

4. Досаева Г.С. К вопросу о множественности преступлений // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 18-21.

5. Кривошеин П.К., Ахмедова С.Ш. Будет ли реабилитация повторности как института уголовного права? // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2012. № 1. С. 48-53.

6. Малков В. К вопросу о формах и видах множественности преступлений по уголовному праву России // Уголовное право. 2009. № 1. С. 30-38.

7. Подройкина И.А., Борзаев А.М. Множественность преступлений по законодательству стран – участниц ЕАЭС // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 8. С. 53-57.

8. Подройкина И.А. К вопросу об административной преюдиции в

уголовном праве // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2018. № 3 (32). С. 90-95.

**COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE INSTITUTE OF MULTIPLE
CRIMES UNDER THE CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA AND ARMENIA**

*A.M. Borzaev, postgraduate student of the Department of Criminal Law and
Criminology, Chechen State University, Grozny*

Abstract. This article examines the institution of multiple crimes in the Republic of Armenia. Much attention is paid to the identification and regulation by the legislation of Armenia of the forms of plurality, on the basis of which a comparative legal analysis of this institute is carried out under the Criminal Code of Russia and the Criminal Code of Armenia. The author concludes that the norms of the Criminal Code of Armenia regarding the institution of plurality, in general, are quite close to the norms of a similar institution in Russian criminal legislation. The author was very interested in the identification of repetition as an independent form of plurality in the Criminal Code of Armenia.

Keywords: institute of plurality, forms of plurality, repetition, relapse, totality.

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦЕН НА РЫНКЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН СНГ, ВХОДЯЩИХ В ЕАЭС

Доценко Елена Андреевна, начальник кабинета специальных дисциплин кафедры организации и обеспечения раскрытия и расследования преступлений Тверского филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, соискатель ученой степени кандидата юридических наук

Аннотация: на основе сравнительного анализа законодательства России и стран СНГ, правоприменительной практики исследован вопрос о криминологической обоснованности введения уголовной ответственности в сфере регулирования цен на потребительском рынке. Сделан вывод о необходимости криминализации деяний, связанных с незаконным повышении цен в российском уголовном законодательстве.

Ключевые слова: уголовная ответственность, потребительский рынок, государственное регулирование цен, СНГ, ЕАЭС, сравнительно-правовой анализ, предпринимательская деятельность.

Одной из основных целей создания Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) было создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения.

Согласно данным Евразийской экономической комиссии индекс цен на продовольственные товары по ЕАЭС в ноябре 2021 года к декабрю 2020 года составил 109,3%. Выше, чем по ЕАЭС, он был зафиксирован в Кыргызстане (111,0%) и Беларуси (110,0%). На непродовольственные товары в ноябре 2021 года по сравнению с декабрем 2020 года наибольшее увеличение цен наблюдалось в Кыргызстане (на 10,0%) и Беларуси (на 9,6%). По ЕАЭС индекс цен за этот период составил 108,0%¹.

По данным Министерства антимонопольного регулирования Республики Беларусь (далее – МАРТ) в декабре 2021 г. продолжалось замедление роста основных ценовых показателей в годовом выражении: прирост постоянно регулируемых цен (тарифов) составил 9 процентов (9,8 процента месяцем ранее), цен на социально значимые товары (СЗТ) – 9,1 процента (9,5 процента месяцем ранее).

Из средств массовой информации всем известны события начала 2022 года в Республике Казахстан, которые начались на фоне протестов части населения республики, связанных с двукратным повышением розничных цен на сжиженный газ.

В России, в первую очередь, наблюдается значительный рост цен на продукты питания, а сельхозпроизводители продолжают грозить новыми повышениями. Вслед за этим увеличивается тревожность населения, которая может привести к всплеску недовольства и возможно последующих опасных событий. Обеспокоенность народных представителей вызывает и рост стоимости лекарств, необходимых для лечения COVID – 19².

Вопросы криминологического обеспечения продовольственной безопасности волнуют наших коллег-ученых из стран СНГ. Негативные

---

¹http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Analytics/Indicators2021_11.pdf

² <https://ria.ru/20220201/stoimost-1770407552.html>

тенденции в виде роста цен на продукты питания, усиление различий в уровне развития сельского хозяйства, сокращение товарных запасов характерны не только для государств СНГ, но и мирового продовольственного рынка в целом¹.

В процессе формирования ЕАЭС единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, в рамках Союза, индекс цен любой страны будет сказываться на общем рынке государств-партнеров. В связи с этим эффективное регулирование ценообразования должно являться совместной задачей ЕАЭС, в рамках которой необходимо рассматривать, в том числе, и вопросы ответственности в указанной сфере.

По результатам антимонопольных расследований МАРТ в январе-сентябре 2021 г. составлен 31 протокол об административных правонарушениях в сфере антимонопольного регулирования (в январе-сентябре 2020 г. – 6 протоколов), сумма штрафных санкций составила 4 790,3 тыс. рублей (в январе-сентябре 2020 г. – 4,9 тыс. рублей). Кроме того, в качестве превентивных мер за 9 месяцев 2021 г. выдано 30 предупреждений (предостережения не выдавались). Анализ удельного веса установленных фактов нарушений антимонопольного законодательства в общем объеме, рассмотренных на заседании комиссии МАРТ с 2018 года по 3 квартал 2021 года показывает снижение к 1 кварталу 2021 года (9,1%) и резкое увеличение к 3 кварталу этого же года (23%)².

По данным судебной статистики, в России, в период с 2017 по 2019 г.г. в судах рассмотрено дел за нарушение порядка ценообразования (по ст. 14.6 КоАП РФ) 1949 дел, из них наказано 1041 лицо – из которых 837 подвергнуто административному штрафу. Анализ показывает, что количество дел, рассмотренных судами за нарушения порядка ценообразования (ст. 14.6 КоАП РФ) ежегодно растет, несмотря на высокий процент наказания в форме штрафа.

---

¹Гюльалиева Р.А. Криминологические аспекты обеспечения продовольственной безопасности в Азербайджане // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 3. С. 56 – 61.

² [://mart.gov.by/news/novost/o-tsenovoy-situatsii-na-potrebitelskom-rynke-v-dekabre-2021-goda/](https://mart.gov.by/news/novost/o-tsenovoy-situatsii-na-potrebitelskom-rynke-v-dekabre-2021-goda/)

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации введен постоянный мониторинг цен на отдельные виды потребительских товаров и услуг, согласно которому органы исполнительной власти должны осуществлять мониторинг цен на товары и услуги и предоставлять данные в Министерство экономического развития, которое, в свою очередь, будет их анализировать с дальнейшей передачей данных в Правительство Российской Федерации и предоставлением предложений по мерам их регулирования¹. Из этого следует, что на протяжении длительного времени государственные органы должны будут заниматься сбором и анализом информации без конкретного реагирования на нарушения в данном направлении, что позволит недобросовестным участникам экономических отношений пользоваться возможностями законодательного отсутствия ответственности за подобные нарушения. Таким образом, государственный контроль цен на рынке товаров, работ и услуг установлен, а дифференцированная ответственность за нарушения в указанном направлении в настоящее время отсутствует. Данный вопрос стал одним из предметов парламентских слушаний на тему: «Совершенствование правового механизма государственного регулирования ценообразования на продовольственные товары первой необходимости», которые проходили в Комитете Государственной Думы по аграрным вопросам 10 марта 2021 года².

По мнению специалистов Банка России, государственное регулирование цен на рынке эффективно только в краткосрочной перспективе ее применения. В остальных случаях «перекос» контроля над ценообразованием в одну из сторон может привести либо к народным недовольствам со

---

¹Распоряжение Правительства РФ от 27.02.2021 № 497-р «Об утверждении перечня групп потребительских товаров и услуг, относящихся к сфере ведения федеральных органов исполнительной власти для целей анализа причин роста потребительских цен и выработки мер экономического регулирования, направленных на обеспечение сбалансированности рынков потребительских товаров и услуг» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 11. ст. 1840

² http://komitet2-20.km.duma.gov.ru/Materialy_Parlament_slushaniya_10_marta_Chast1.pdf

стороны потребителя, либо негативно сказаться на экономике всего государства¹.

Если же обратиться к законодательству стран Евразийского экономического союза, то, например, в Республике Беларусь Постановлением МАРТ определен предельный максимальный норматив рентабельности, используемый для определения суммы прибыли, подлежащей включению в отпускные цены производителей на социально значимые товары, реализуемые на территории Республики Беларусь². Указанное ограничение не позволяет производителям и продавцам социально значимых товаров поднимать их цену, повышая свою прибыль.

В Республике Армении, например, на законодательном уровне закреплено понятие «неоправданно высокой цены» (ст. 7.1 ЗЭК РА)³. Однако, в отличие от стран-коллег, в Российской Федерации отсутствуют ограничения по проценту прибыли, которую производитель, оптовик, продавец закладывает в цену своего товара. Именно процент прибыли, которая не опирается ни на уровень инфляции, ни на социальный уровень населения, чаще всего является основанием для поднятия цены на товар. По этой причине, по нашему мнению, осуществлять государственное регулирование цен на рынке будет непросто, либо необходимо на законодательном уровне решить вопрос об установке предела получаемой прибыли. При этом необходимо учитывать, что установка указанного предела только на социально значимые товары может привести к их дефициту из-за снижения уровня доходности продавца, что в свою очередь отрицательно скажется на экономике и населении страны. В связи с этим

---

¹Регулирование цен: когда нужно остановиться? Аналитический обзор // Центральный банк Российской Федерации, 2021.

²Постановление Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь от 15 апреля 2020 г. № 30 «О регулировании цен на социально значимые товары» // <https://mart.gov.by/files/live/sites/mart/files/documents/%D0%9D%D0%9F%D0%90/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%2030.pdf> (дата обращения – 10.06.2021).

³ОВПА 2000.12.15/30(128). URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=121492> (дата обращения: 22.02.2022)

верхний предел рентабельности необходимо устанавливать для всего внутреннего рынка страны¹.

Несмотря на предпринятые, российскими законодателями, меры контроля над ценообразованием в отношении продовольственных товаров, только в первом полугодии 2021 года прокурорами выявлено около 700 нарушений законодательства в этой сфере. Для их устранения внесено более 300 представлений, по которым к дисциплинарной ответственности привлечено 160 лиц. По постановлениям прокуроров к административной ответственности привлечено свыше 140 лиц².

Вместе с тем, по материалам средств массовой информации, в 2021 году Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации предложила ужесточить законодательство для бизнеса за ряд нарушений, в том числе за игнорирование требований о прекращении злоупотребления доминирующим положением, удвоив суммы штрафов за неисполнение в указанный срок ее решений и предписаний, а в случае неисполнения ее предписаний дважды и более раз усилить административную ответственность³. Кроме того, в целях недопущения роста цен на отдельные продукты питания в 2021 году регулятор неоднократно вмешивался в процесс ценообразования на потребительском рынке, что как мы полагаем, является сигналом для криминологической оценки подобных явлений⁴.

Такая ситуация содержит в себе потенциал криминализации подобных деяний при установлении в качестве одного из оснований уголовной ответственности – наличия административной наказанности у субъекта, повторно совершающего аналогичное правонарушение. Однако, анализ уголовно-правых норм о преступлениях в сфере потребительского рынка показывает, что только ст.ст. 171⁴ и 180 УК РФ предусматривают в основных

---

¹Доценко Е.А. К вопросу о социальной обусловленности уголовно-правового регулирования цен на рынке товаров, работ и услуг // Уголовно-правовая охрана конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Москва, 2021. С. 141-145.

²<https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=64131863>

³<https://iz.ru/1235628/paketoeprodolzhenievrossiisnovavuzhestochautantimonopolnoezakonodatelstvo>

⁴<https://fas.gov.ru/news/31498>

составах «неоднократность» совершения деяния, под которой понимается, что лицо, его совершившее, считается подвергнутым административному наказанию. Таким образом, имеются предпосылки правового мониторинга и в этом направлении.

Уголовный Кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность за деяния, в области антимонопольного законодательства, заключающиеся в ограничении конкуренции (статья 178 УК РФ). Вместе с тем, данная норма имеет ограниченный спектр действия, так как распространяется только на участников картелей, «ограничивающих конкуренцию соглашениями между хозяйствующими субъектами-конкурентами». При этом, исследование практики в области ценового регулирования показывает, что решения антимонопольных органов не реализуются, несмотря на то, что нарушения в данной сфере являются распространенными, потому что дают возможность хозяйствующему субъекту получить сверхприбыль с наименьшими затратами, необходимыми для анализа цен потребителей. В связи с этим в России фактически отсутствуют институциональные условия для регулирования ценовой дискриминации на рынках¹.

В связи с этим полагаем, что в Российской Федерации существуют определенные предпосылки для установления уголовной ответственности за нарушения в области ценообразования. При этом, рассматривать ужесточение ответственности в указанной области целесообразно только в отношении товаров и услуг, социально значимых для населения. Вместе с тем, учитывая, что уровень общественной опасности деяний, связанных с нарушением порядка ценообразования на социально значимые товары и услуги, возможно и не является достаточно высоким (в силу наличия соответствующей нормы об административных правонарушениях), но при этом указанные деяния могут совершаться одним и тем же хозяйствующим

---

¹Смирнова О.О., Елагина Е.А. Антимонопольное регулирование продовольственных рынков: сопоставление опыта России и ЕС // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Том 9. № 1В. С. 849 – 856

субъектом неоднократно, то мы полагали бы возможным установление за подобные повторные правонарушения уголовной ответственности при наличии у лица административной наказуемости за аналогичные деяния. В перспективе, такие деяния можно будет отнести к категории уголовного проступка, если законопроект о его введении будет все-таки принят¹.

Список литературы

1. Гюльалиева Р.А. Криминологические аспекты обеспечения продовольственной безопасности в Азербайджане // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 3. С. 56 – 61.

2. Доценко Е.А. К вопросу о социальной обусловленности уголовно-правового регулирования цен на рынке товаров, работ и услуг // Уголовно-правовая охрана конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Москва, 2021. С. 141-145.

3. Жилкин М.Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя. Москва, 2019. 68 с.

4. Смирнова О.О., Елагина Е.А. Антимонопольное регулирование продовольственных рынков: сопоставление опыта России и ЕС // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Том 9. № 1В. С. 849 – 856.

---

¹ См.: Жилкин М.Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя. Москва, 2019. С. 17 – 18.

ON CRIMINAL LIABILITY IN THE FIELD OF PRICE REGULATION IN THE MARKET UNDER THE LEGISLATION OF THE CIS COUNTRIES THAT ARE MEMBERS OF THE EAEU

E.A. Dotsenko, head of the Cabinet of Special Disciplines of the Department of Organization and Ensuring the Disclosure and Investigation of Crimes, Tver Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. V.Ya. Kikotya, applicant for the degree of candidate of legal sciences

Abstract: on the basis of a comparative analysis of the legislation of Russia and the CIS countries, law enforcement practice, the issue of criminological validity of the introduction of criminal liability in the field of price regulation in the consumer market was investigated. It is concluded that it is necessary to criminalize acts related to illegal price increases in Russian criminal law.

Key words: criminal liability, consumer market, state regulation of prices, CIS, EAEU, comparative legal analysis, entrepreneurial activity.